

СКАЗКИ 1001 НОЧИ

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Эпосы, легенды и сказания

Сказки 1001 ночи (сборник)

Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24126180

Сказки 1001 ночи / [Сборник]: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2017

ISBN 978-5-17-103127-5

Аннотация

Один из самых популярных памятников мировой литературы – «Книга тысячи и одной ночи», завоевавшая любовь читателей не только на Востоке, но и на Западе.

Сказки тысячи и одной ночи – это чудесный, удивительный мир, известный нам с детства. Повествования о героических путешествиях, трогательные повести о влюбленных, увлекательные сказки о коврах-самолетах и джиннах, необыкновенные рассказы о мудрецах и простаках, правителях и купцах... В историях прекрасной Шахразеды переплетаются героические и плутовские, мифологические и любовные сюжеты индийского, персидского, арабского миров.

В этот сборник вошли сказки про Али-Бабу, Синдбада-морехода, Аладдина и другие, не менее захватывающие, воплощающие всю прелесть и красоту средневекового Востока.

Содержание

Рассказ о царе Шахрияре и его брате	5
Рассказ о быке с ослом	14
Сказка о купце и духе	19
Рассказ первого старца	22
Рассказ второго старца	28
Рассказ третьего старца	33
Сказка о рыбаке	36
Повесть о везире царя Юнана	44
Рассказ заколдованного юноши	72
Сказка о горбуне	85
Рассказ христианина	94
Рассказ надсмотрщика	114
Рассказ врача-еврея	128
Рассказ портного	140
Рассказ цирюльника о самом себе	160
Рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис	204
Повесть о царе Шахрамане, сыне его Камар аз-Замане и царевне Будур	265
Конец ознакомительного фрагмента.	311

Сказки 1001 ночи

Сборник

© Перевод. М. А. Салье, наследники, 2017

© Перевод стихов. Д. Самойлов, наследники, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Рассказ о царе Шахрияре и его брате

Слава Аллаху, господу миров! Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, длящимся до Судного дня!

А после того: поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался, и чтобы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих!

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом и премудр и преславен, и более всех щедр, и преблагосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана, повелитель войск, стражи, челяди и слуг. И было у него два сына: один взрослый, другой юный, и оба были

витязи-храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его, и было имя ему царь Шахрияр; а младшего его брата звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый у себя в царстве был справедливым судьей своих подданных в течение двадцати лет и жил в полнейшем довольстве и радости. Так продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему везирю поехать и привезти его. Везир исполнил его приказание и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошел к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан отвечал согласиём и снарядился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего везиря правителем в стране, а сам направился в земли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с черным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его, и он сказал себе: «Если это случилось, когда я еще не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч

и ударил обоих и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать – и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своем прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало желтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страной и царством, и оставил его так, не расспрашивая ни о чем. Но потом, в какой-то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твое тело ослабло и лицо твое пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва», – и не рассказал, что испытал от жены. «Я хочу, – сказал тогда Шахрияр, – чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть, твое сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

В царском дворце были окна, выходившие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются, и оттуда выходят двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идет среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежды, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И черный раб подошел к ней и обнял ее, и она его также. Он лег с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались

и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» – и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» – воскликнул он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою». – «Что до перемены моего вида, то о ней я тебе расскажу, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец», – отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты изменился видом и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой, – заговорил Шахземан, – что, когда ты прислал ко мне везиря с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашел мою жену с черным рабом, спавшим в моей постели, и убил их и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец, – позволь мне не говорить тебе об этом».

Но, услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, Расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел; но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После этого он изменил обличье и украдкой прошел во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад, – и вдруг невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахземан, до призыва к слепопуденной молитве. Когда царь Шахрияр увидел это, ум улетел у него из головы, и он сказал своему брату Шахземану: «Вставай, уйдем тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе – смерть для нас лучше, чем жизнь!»

Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле соленого моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошел час дневного времени, море вдруг заволновалось, и из него поднялся черный столб, возвысившийся до неба, и направился к их

лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку дерева (а оно было высокое) и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн, высокого роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошел к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина со стройным станом, сияющая подобно светлomu солнцу.

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кого я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать!» — и он положил голову на колени женщины и заснул; она же подняла голову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила ее на землю и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, я разбужу ифрита, и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбужу ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдете и не сделаете этого, я разбужу ифрита!» И из стра-

ха перед джином оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь!» – и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней. «Знаете ли вы, что это за перстни?» – спросила она; и братья ответили: «Не знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец – в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и опустил меня на дно ревущего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то ее не одолеет никто».

Услышав от нее такие слова, оба царя до крайности удивились и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало еще ни с кем!»

И они тотчас ушли от нее и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошел во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал ее, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

И однажды царь приказал своему везиру привести ему,

по обычаю, девушку, и везирь вышел и стал искать, но не нашел девушки и отправился в свое жилище, угнетенный и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского везиря было две дочери: старшая – по имени Шахразада и младшая – по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И сказала она отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременен заботой и печалью? Ведь сказал же кто-то об этом:

Кто заботами подавлен,
Тем скажи: «Не вечно горе!

Как кончается веселье,
Так проходят и заботы»¹.

И, услышав от своей дочери такие слова, везирь рассказал ей от начала до конца, что случилось у него с царем. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя». – «Заклинаю тебя Аллахом, – воскликнул везирь, – не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть!» И везирь молвил: «Я боюсь, что с

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихи даны в переводе М. Салье.

тобою случится то же, что случилось у быка и осла с земледельцем». – «А что же было с ними?» – спросила Шахразада.

Рассказ о быке с ослом

– Знай, о дочь моя, – сказал везирь, – что один купец обладал богатством и стадами скота, и у него была жена и дети, и Аллах великий даровал ему знание языка и наречий животных и птиц. А жил этот купец в деревне, и у него, в его доме, были бык и осел. И однажды бык вошел в стойло осла и увидел, что оно подметено и побрызгано, а в кормушке у осла просеянный ячмень и просеянная солома, и сам он лежит и отдыхает, и только иногда хозяин ездит на нем, если случится какое-нибудь дело, и тотчас же возвращается. И в какой-то день купец услышал, как бык говорил ослу: «На здоровье тебе! Я устаю, а ты отдыхаешь, и ешь ячмень просеянным, и за тобою ухаживают, и только иногда хозяин ездит на тебе и возвращается, а я должен вечно пахать и вертеть жернов». И осел отвечал: «Когда ты выйдешь в поле и тебе наденут на шею ярмо, ложись и не подымайся, даже если тебя будут бить, или встань и ложись опять. А когда тебя приведут назад и дадут тебе бобов, не ешь их, как будто ты больной, и не касайся пищи и питья день, два или три, – тогда отдохнешь от трудов и тягот». А купец слышал их разговор. И когда погонщик принес быку его вечерний корм, тот съел самую малость, и наутро погонщик, пришедший, чтобы отвести быка на пашню, нашел его больным, и опечалился, и сказал: «Вот почему бык не мог вчера работать!» А потом он

пошел к купцу и сказал ему: «О господин мой, бык не годен для работы: он не съел вчера вечером корм и ничего не взял в рот». А купец уже знал, в чем дело, и сказал: «Иди возьми осла и паши на нем, вместо быка, целый день».

Когда к концу дня осел вернулся, после того как весь день пахал, бык поблагодарил его за его милость, избавившую его на этот день от труда, но осел ничего ему не отвечал и сильно раскаивался. И на следующий день земледелец пришел и взял осла и пахал на нем до вечера, и осел вернулся с ободранной шеей, мертвый от усталости. И бык, оглядев осла, поблагодарил его и восхвалил, а осел воскликнул: «Я лежал развалившись, но болтливость мне повредила! Знай, – добавил он, – что я тебе искренний советчик; я услышал, как наш хозяин говорил: «Если бык не встанет с места, отдайте его мяснику, пусть он его зарежет и порежет его кожу на куски». И я боюсь за тебя и тебя предупреждаю. Вот и все!»

Бык, услышав слова осла, поблагодарил его и сказал: «Завтра я пойду с ними работать!» – и потом он съел весь свой корм и даже вылизал языком ясли. А хозяин слышал весь этот разговор. И когда настал день, купец и его жена вышли к коровнику и сели, и погонщик пришел, взял быка и вывел его; и при виде своего господина бык задрал хвост, пустил ветры и поскакал, а купец засмеялся так, что упал навзничь. «Чему ты смеешься?» – спросила его жена, и он отвечал: «Я видел и слышал тайну, но не могу ее открыть – я тогда умру». – «Ты непременно должен рассказать мне о ней

и о причине твоего смеха, даже если умрешь!» – возразила его жена. Но купец ответил: «Я не могу открыть эту тайну, так как боюсь смерти». И она воскликнула: «Ты, наверное, смеешься надо мною!» – и до тех пор приставала и надоедала ему, пока он не покорился ей и не расстроился; и тогда он созвал своих детей и послал за судьей и свидетелями, желая составить завещание и потом открыть жене тайну и умереть, ибо он любил свою жену великой любовью, так как она была дочерью его дяди и матерью его детей, а он уже прожил сто двадцать лет жизни. Затем купец велел созвать всех родственников и всех живших на его улице и рассказал им эту повесть, добавив, что, когда он скажет свою тайну, он умрет. И все, кто присутствовал, сказали его жене: «Заклинаем тебя Аллахом, брось это дело, чтобы не умер твой муж и отец твоих детей». Но она воскликнула: «Не отстану от него, пока не скажет! Пусть его умирает!» И все замолчали. И тогда купец поднялся и пошел к стойлу, чтобы совершить омовение и, вернувшись, рассказать им и умереть. А у купца был петух и с ним пятьдесят кур, и еще у него была собака. И вот он услышал, как собака кричит и ругает петуха, говоря ему: «Ты радуешься, а наш хозяин собирается умирать». – «Как это?» – спросил петух; и пес повторил ему всю повесть, и тогда петух воскликнул: «Клянусь Аллахом, мало ума у нашего господина! У меня вот пятьдесят жен – то с одной помирюсь, то к другой подлажусь; а у хозяина одна жена, и он не знает, как с ней обращаться. Взять бы ему тутовых прутьев,

пойти в чулан и бить жену, пока она не умрет или не закается впредь ни о чем его не спрашивать».

А торговец слышал слова петуха, обращенные к собаке, — рассказывал везирь своей дочери Шахразде, — и я сделаю с тобой то же, что он сделал со своей женой.

«А что он сделал?» — спросила Шахразда.

И везирь продолжал: «Наломав тутовых прутьев, он спрятал их в чулан и привел туда свою жену, говоря: «Подойди сюда, я тебе все скажу в чулане и умру, и никто на меня не будет смотреть». И она вошла с ним в чулан, и тогда купец запер дверь и принялся так бить свою жену, что она едва не лишилась чувств и закричала: «Я раскаиваюсь!» А потом она поцеловала мужу руки и ноги, и покаялась, и вышла вместе с ним, и ее родные и все собравшиеся обрадовались, и они продолжали жить приятнейшей жизнью до самой смерти».

И, услышав слова своего отца, дочь везирия сказала: «То, чего я хочу, неизбежно!»

И тогда везирь снарядил ее и отвел к царю Шахрияру. А Шахразда подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придешь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: «О сестрица, поговори с нами и Расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь», — и я расскажу тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот везирь, отец Шахразды, привел ее к царю, и царь,

увидя его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И везирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразадку, но она заплакала; и тогда он спросил ее: «Что с тобой?»

Шахразадка сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязатой, и она пришла к сестре, обняла ее и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахразатой, а потом они стали беседовать; и младшая сестра сказала Шахразатке: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне безупречный царь», – ответила Шахразадка.

И, услышав эти слова, царь, мучившийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

Сказка о купце и духе

Шахразада сказала: «Рассказывают, о счастливый царь, что был один купец среди купцов, и был он очень богат и вел большие дела в разных землях. Однажды он отправился в какую-то страну взыскивать долги, и жара одолела его, и тогда он присел под дерево и, сунув руку в седельный мешок, вынул ломоть хлеба и финики и стал есть финики с хлебом. И съев финик, он кинул косточку – вдруг видит: перед ним ифрит огромного роста, и в руках у него обнаженный меч. Ифрит приблизился к купцу и сказал ему: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моего сына!» – «Как же я убил твоего сына?» – спросил купец. И ифрит ответил: «Когда ты съел финик и бросил косточку, она попала в грудь моему сыну, и он умер в ту же минуту». – «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! – воскликнул купец. – Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха, высокого, великого! Если я убил твоего сына, то убил нечаянно. Я хочу, чтобы ты простил меня!» – «Я непременно должен тебя убить», – сказал джинн и потянул купца, и, повалив его на землю, поднял меч, чтобы ударить его. И купец заплакал и воскликнул: «Отдаю себя в руки Аллаха!» Тогда джинн сказал ему: «Сократи твои речи! Клянусь Аллахом, я непременно убью тебя!» И купец сказал: «Знай, о ифрит, что на мне лежит долг, и у меня есть много денег, и дети, и жена, и чужие залоги.

Позволь мне отправиться домой, я отдам долг каждому, кому следует, и возвращусь к тебе в начале года. Я обещаю тебе и клянусь Аллахом, что вернусь назад и ты сделаешь со мной что захочешь. И Аллах тебе в том, что я говорю, поручитель».

И джинн заручился его клятвой и отпустил его, и купец вернулся в свои земли и покончил все свои дела, отдав должное кому следовало. Он осведомил обо всем свою жену и детей, и составил завещание, и прожил с ними до конца года, а потом совершил омовение, взял под мышку свой саван и, попрощавшись с семьей, соседями и всеми родными, вышел против своего желания; и они подняли о нем вопли и крики. А купец шел, пока не дошел до той рощи (а в тот день было начало нового года), и когда он сидел и плакал о том, что с ним случилось, вдруг подошел к нему престарелый старец, и с ним, на цепи, газель. И он приветствовал купца, и пожелал ему долгой жизни, и спросил: «Почему ты сидишь один в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И купец рассказал ему, что у него случилось с ифритом, и старец, владелец газели, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о брат мой, твоя честность истинно велика, и рассказ твой изумителен, и будь он даже написан иглами в уголках глаза, он послужил бы назиданием для поучающихся!»

Потом старец сел подле купца и сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не уйду от тебя, пока не увижу, что у тебя случится с этим ифритом!» И он сел возле него, и оба

вели беседу, и купца охватил страх, и ужас, и сильное горе, и великое раздумье, а владелец газели был рядом с ним. И вдруг подошел к ним другой старец, и с ним две собаки, и поздоровался (а собаки были черные, из охотничьих), и после приветствия он осведомился: «Почему вы сидите в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И ему рассказали все с начала до конца; и не успел он как следует усесться, как вдруг подошел к ним третий старец, и с ним пегий мул. И старец приветствовал их и спросил, почему они здесь, и ему рассказали все дело с начала до конца, – а в повторении нет пользы, о господи мои, – и он сел с ними. И вдруг налетел из пустыни огромный крутящийся столб пыли, и когда пыль рассеялась, оказалось, что это тот самый джинн, и в руках у него обнаженный меч, а глаза его мечут искры. И, подойдя к ним, джинн потащил купца за руку и воскликнул: «Вставай, я убью тебя, как ты убил мое дитя, что было мне дороже жизни!» И купец зарыдал и заплакал, и три старца тоже подняли плач, рыдания и вопли.

И первый старец, владелец газели, отделился от прочих и, поцеловав ифриту руку, сказал: «О джинн, венец царей джиннов!

Если я расскажу тебе, что у меня случилось с этой газелью, и ты сочтешь мою повесть удивительной, подаришь ли ты мне одну треть крови этого купца?» – «Да, старец, – ответил ифрит, – если ты мне расскажешь историю и она покажется мне удивительной, я подарю тебе треть его крови».

Рассказ первого старца

«Знай, о ифрит, – сказал тогда старец, – что эта газель – дочь моего дяди и как бы моя плоть и кровь. Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от нее ребенка; и тогда я взял наложницу, и она наделила меня сыном, подобным луне в полнолуние, и глаза и брови его были совершенны по красоте! Он вырос, и стал большим, и достиг пятнадцати лет; и тогда мне пришлось поехать в какой-то город, и я отправился с разным товаром. А дочь моего дяди, эта газель, с малых лет научилась колдовству и волхвованию, и она превратила мальчика в теленка, а ту невольницу, мать его, в корову и отдала их пастуху.

Я приехал спустя долгое время и спросил о моем ребенке и его матери, и дочь моего дяди сказала мне: «Твоя жена умерла, а твой сын убежал, и я не знаю, куда он ушел». И я просидел год с печальным сердцем и плачущими глазами, пока не пришел великий праздник Аллаха, и тогда я послал за пастухом и велел ему привести жирную корову. И пастух привел жирную корову (а это была моя невольница, которую заколдовала эта газель), и я подобрал полы и взял в руки нож, желая ее зарезать, но корова стала реветь, стонать и плакать; и я удивился этому, и меня взяла жалость. И я остановил ее и сказал пастуху: «Приведи мне другую ко-

рову». Но дочь моего дяди крикнула: «Эту зарежь! У меня нет лучше и жирнее ее!» И я подошел к корове, чтобы зарезать ее, но она заревела, и тогда я поднялся и приказал тому пастуху зарезать ее и ободрать. И пастух зарезал и ободрал корову, но не нашел ни мяса, ни жира – ничего, кроме кожи и костей. И я раскаялся, что зарезал корову, – но от моего раскаянья не было пользы, – и отдал ее пастуху и сказал ему: «Приведи мне жирного теленка!» И пастух привел мне моего сына; и когда теленок увидел меня, он оборвал веревку и подбежал ко мне и стал об меня тереться, плача и стелая. Тогда меня взяла жалость, и я сказал пастуху: «Приведи мне корову, а его оставь». Но дочь моего дяди, эта газель, закричала на меня и сказала: «Надо непременно зарезать этого теленка сегодня: ведь сегодня – день святой и благословенный, когда режут только самое хорошее животное, а среди наших телят нет жирнее и лучше этого!»

«Посмотри, какова была корова, которую я зарезал по твоему приказанию, – сказал я ей. – Видишь, мы с ней обманулись и не имели от нее никакого проку, и я сильно раскаиваюсь, что зарезал ее, и теперь, на этот раз, я не хочу ничего слышать о том, чтобы зарезать этого теленка». – «Клянусь Аллахом, великим, милосердным, милостивым, ты непременно зарежешь его в этот священный день, а если нет, то ты мне не муж и я тебе не жена!» – воскликнула дочь моего дяди. И услышав от нее эти тягостные слова и не зная о ее намерениях, я подошел к теленку и взял в руки нож...»

Но тут застигло Шахразадку утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра ее воскликнула: «О сестрица, как твой рассказ прекрасен, хорош, и приятен, и сладок!»

Но Шахразада сказала: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!»

И царь тогда про себя подумал: «Клянусь Аллахом, я не убью ее, пока не услышу окончания ее рассказа!»

Потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, а везирь пришел к нему с саваном под мышкой. И после этого царь судил, назначал и отставлял до конца дня и ничего не приказал везирю, и везирь до крайности изумился. А затем присутствие кончилось, и царь Шахрияр удалился в свои покои.

Когда же настала вторая ночь, Дуньязада сказала своей сестре Шахразаде: «О сестрица, dokonчи свой рассказ о купце и духе».

И Шахразада ответила: «С любовью и удовольствием, если мне позволит царь!»

И царь молвил: «Рассказывай!»

И Шахразада продолжала:

«Дошло до меня, о счастливый царь и справедливый повелитель, что, когда старик хотел зарезать тельца, его сердце взволновалось и он сказал пастуху: «Оставь этого тельца среди скотины». (А все это старец рассказывал джину, и

джинн слушал и изумлялся его удивительным речам.)

«И было так, о владыка царей джиннов, — продолжал владыка газели, — дочь моего дяди, вот эта газель, смотрела, и видела, и говорила мне: «Зарежь теленка, он жирный!» Но мне было нелегко его зарезать, и я велел пастуху взять теленка, и пастух взял его и ушел с ним.

А на следующий день я сижу, и вдруг ко мне приходит пастух и говорит: «Господин мой, я тебе что-то такое скажу, от чего ты обрадуешься, и мне за приятную весть полагается подарок». — «Хорошо», — ответил я; и пастух сказал: «О купец, у меня есть дочка, которая с малых лет научилась колдовству у одной старухи, жившей у нас. И вот вчера, когда ты дал мне теленка, я пришел к моей дочери, и она посмотрела на теленка, и закрыла себе лицо, и заплакала, а потом засмеялась и сказала: «О батюшка, мало же я для тебя значу, если ты вводишь ко мне чужих мужчин!» — «Где же чужие мужчины, — спросил я, — и почему ты плачешь и смеешься?» — «Этот теленок, который с тобою, — сын нашего господина, — ответила моя дочь. — Он заколдован, и заколдовала его, вместе с его матерью, жена его отца. Вот почему я смеялась; а плакала я по его матери, которую зарезал его отец». И я до крайности удивился и, едва увидев, что взошло солнце, я пришел тебе сообщить об этом».

Услышав от пастуха эти слова, о джинн, я пошел с ним, без вина пьяный от охватившей меня радости и веселья, и пришел в его дом, и дочь пастуха приветствовала меня и по-

целовала мне руку, а теленок подошел ко мне и стал об меня тереться. И я сказал дочери пастуха: «Правда ли то, что ты говоришь об этом теленке?» И она отвечала: «Да, господин мой, это твой сын и частица твоего сердца». – «О девушка, – сказал я тогда, – если ты освободишь его, я отдам тебе весь мой скот, и все имущество, и все, что сейчас в руках твоего отца». Но девушка улыбнулась и сказала: «О господин мой, я не жадна до денег и сделаю это только при двух условиях: первое – выдай меня за него замуж, а второе – позволь мне заколдовать ту, что его заколдовала, и заточить ее, иначе мне угрожают ее козни».

Услышав от дочери пастуха эти слова, о джинн, я сказал: «И сверх того, что ты требуешь, тебе достанется весь скот и имущество, находящееся в руках твоего отца. Что же до дочери моего дяди, то ее кровь для тебя невозбрана».

Когда дочь пастуха услышала это, она взяла чашку и наполнила ее водой, а потом произнесла над водой заклинания и брызнула ею на теленка, говоря: «Если ты теленок по творению Аллаха великого, останься в этом образе и не изменяйся, а если ты заколдован, прими свой прежний образ с соизволения великого Аллаха!» Вдруг теленок встряхнулся и стал человеком, и я бросился к нему и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, что сделала с тобою и с твоей матерью дочь моего дяди!» И он поведал мне, что с ними случилось, и я сказал: «О дитя мое, Аллах послал тебе того, кто освободил тебя и восстановил твое право».

После этого, о джинн, я выдал дочь пастуха за него замуж, а она заколдовала дочь моего дяди, эту газель, и сказала: «Это прекрасный образ, не дикий, и вид его не внушает отвращения». И дочь пастуха жила с нами дни и ночи и ночи и дни, пока Аллах не взял ее к себе, а после ее кончины мой сын отправился в страны Индии, то есть в земли этого купца, с которым у тебя было то, что было; и тогда я взял эту газель, дочь моего дяди, и пошел с нею из страны в страну, высматривая, что случилось с моим сыном, – и судьба привела меня в это место, и я увидел купца, который сидел и плакал. Вот мой рассказ».

«Это удивительный рассказ, – сказал джинн, – и я дарю тебе треть крови купца».

И тогда выступил второй старец, тот, что был с охотничьими собаками, и сказал джинну: «Если я тебе расскажу, что у меня случилось с моими двумя братьями, этими собаками, и ты сочтешь мой рассказ еще более удивительным и диковинным, подаришь ли ты мне одну треть проступка этого купца?» – «Если твой рассказ будет удивительнее и диковиннее – она твоя», – отвечал джинн.

Рассказ второго старца

– Знай, о владыка царей джиннов, – начал старец, – что эти две собаки – мои братья, а я – третий брат. Мой отец умер и оставил нам три тысячи динаров, и я открыл лавку, чтобы торговать, и мои братья тоже открыли по лавке. Но прошло недолгое время, и мой старший брат, один из этих псов, продал все, что было у него, за тысячу динаров и, накупив товаров и всякого добра, уехал путешествовать. Он отсутствовал целый год, и вдруг, когда я однажды был в лавке, подле меня остановился нищий. Я сказал ему: «Аллах поможет!» Но нищий воскликнул, плача: «Ты уже не узнаешь меня!» – и тогда я всмотрелся в него и вдруг вижу – это мой брат! И я поднялся и приветствовал его и, отведя его в лавку, спросил, что с ним. Но он ответил: «Не спрашивай! Деньги ушли, и счастье изменило». И тогда я свел его в баню, и одел в платье из моей одежды, и привел его к себе, а потом я подсчитал оборот лавки, и оказалось, что я нажил тысячу динаров и что мой капитал – две тысячи. Я разделил эти деньги с братом и сказал ему: «Считай, что ты не путешествовал и не уезжал на чужбину»; и брат мой взял деньги, радостный, и открыл лавку.

И прошли ночи и дни, и мой второй брат, – а это другой пес, – продал свое имущество и все, что у него было, и захотел путешествовать. Мы удерживали его, но не удержали, и,

накупив товару, он уехал с путешественниками. Его не было с нами целый год, а потом он пришел ко мне таким же, как его старший брат, и я сказал ему: «О брат мой, не советовал ли я тебе не ездить?» А он заплакал и воскликнул: «О брат мой, так было суждено, и вот я теперь бедняк: у меня нет ни единого дирхема, и я голый, без рубахи». И я взял его, о джинн, и сводил в баню, и одел в новое платье из своей одежды, а потом пошел с ним в лавку, и мы поели и попили, и после этого я сказал ему: «О брат мой, я свожу счета своей лавки один раз каждый новый год, и весь доход, какой будет, пойдет мне и тебе». И я подсчитал, о ифрит, оборот своей лавки, и у меня оказалось две тысячи динаров, и я восхвалил творца, да будет он превознесен и прославлен! А потом я дал брату тысячу динаров, и у меня осталась тысяча, и брат мой открыл лавку, и мы прожили много дней.

А через несколько времени мои братья приступили ко мне, желая, чтобы я поехал с ними, но я не сделал этого и сказал им: «Что вы такого нажили в путешествии, что бы и я мог нажить?» – и не стал их слушать. И мы остались в наших лавках, продавая и покупая, и братья каждый год предлагали мне путешествовать, а я не соглашался, пока не прошло шесть лет. И тогда я позволил им поехать и сказал: «О братья, и я тоже отправлюсь с вами, но давайте посмотрим, сколько у вас денег», – и не нашел у них ничего; напротив, они все спустили, предаваясь обжорству, пьянству и наслаждениям. Но я не стал с ними говорить и, не сказав ни сло-

ва, подвел счета своей лавки и превратил в деньги все бывшие у меня товары и имущество, и у меня оказалось шесть тысяч динаров. И я обрадовался, и разделил их пополам, и сказал братьям: «Вот три тысячи динаров, для меня и для вас, и на них мы будем торговать». А другие три тысячи динаров я закопал, предполагая, что со мной может случиться то же, что с ними, и когда я приеду, то у меня останется три тысячи динаров, на которые мы снова откроем свои лавки. Мои братья были согласны, и я дал им по тысяче динаров, и у меня тоже осталась тысяча, и мы закупили необходимые товары, и снарядились в путь, и наняли корабль, и перенесли туда свои пожитки.

Мы ехали первый день, и второй день, и путешествовали целый месяц, пока не прибыли со своими товарами в один город. Мы нажили на каждый динар десять и хотели уезжать, как вдруг увидели на берегу моря девушку, одетую в рваные лохмотья, которая поцеловала мне руку и сказала: «О господин мой, способен ли ты на милость и благодеяние, за которое я тебя отблагодарю?» – «Да, – отвечал я ей, – я люблю благодеяния и милости и помогу тебе, даже если ты не отбладаришь меня». И тогда девушка сказала: «О господин, женись на мне и возьми меня в свои земли. Я отдаю тебе себя, будь же ко мне милостив, ибо я достойна благодеяния, а я отблагодарю тебя. И да не введет тебя в обман мое положение». И когда я услышал слова девушки, мое сердце устремилось к ней, по воле Аллаха, великого, славного, и я взял

девушку, и одел ее, и приготовил ей покои на корабле, и заботился о ней, и почитал ее. А потом мы поехали дальше, и в моем сердце родилась большая любовь к девушке, и я не расставался с нею ни днем ни ночью. Я пренебрег из-за нее моими братьями, и они приревновали меня и позавидовали моему богатству и изобилию моих товаров, и глаза их не знали сна, жадные до наших денег. И братья заговорили о том, как бы убить меня и взять мои деньги, и сказали: «Убьем брата, и все деньги будут наши». И дьявол украсил это дело в их мыслях. И они подошли ко мне, когда я спал рядом с женою, и подняли меня вместе с нею и бросили в море; и тут моя жена пробудилась, встряхнулась и стала ифриткой и понесла меня – вынесла на остров. Потом она ненадолго скрылась и, вернувшись ко мне под утро, сказала: «Я твоя жена, и я тебя вынесла и спасла от смерти по изволению Аллаха великого. Знай, что я джинния, и когда я тебя увидела, мое сердце полюбило тебя ради Аллаха, – а я верую в Аллаха и его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует! И я пришла к тебе такою, как ты видел меня, и ты взял меня в жены, – и вот я спасла тебя от потопления. Но я разгневалась на твоих братьев, и мне непременно надо их убить». Услышав ее слова, я изумился, и поблагодарил ее за ее поступок, и сказал ей: «Что же касается убийства моих братьев, то нет!» И я поведал ей все, что у меня с ними было, с начала до конца. И узнав это, она сказала: «Я сегодня ночью слетаю к ним, и потоплю их корабль, и погублю их». – «Заклинаю тебя Ал-

лахом, – сказал я, – не делай этого! Ведь говорит изречение: «О благодетельствующий злему, достаточно со злодея и того, что он сделал». Как бы то ни было, они мои братья». – «Я непременно должна их убить», – возразила джинния. И я принялся ее умолять, и тогда она отнесла меня на крышу моего дома. И я отпер двери, и вынул то, что спрятал под землей, и открыл свою лавку, пожелав людям мира и купив товаров. Когда же настал вечер, я вернулся домой и нашел этих двух собак, привязанных во дворе, – и, увидев меня, они встали, и заплакали, и уцепились за меня.

И не успел я оглянуться, как моя жена сказала мне: «Это твои братья». – «А кто с ними сделал такое дело?» – спросил я. И она ответила: «Я послала за моей сестрой, и она сделала это с ними, и они не освободятся раньше чем через десять лет». И вот я пришел сюда, идя к ней, чтобы она освободила моих братьев после того, как они провели десять лет в таком состоянии, и я увидел этого купца, и он рассказал мне, что с ним случилось, и мне захотелось не уходить отсюда и посмотреть, что у тебя с ним будет. Вот мой рассказ.

«Это удивительная история, и я дарю тебе треть крови купца и его проступка», – сказал джинн.

И тут третий старец, владелец мула, сказал: «Я расскажу тебе историю диковиннее этих двух, а ты, о джинн, подари мне остаток его крови и преступления». – «Хорошо», – отвечал джинн.

Рассказ третьего старца

– О султан и глава всех джиннов, – начал старец, – знай, что этот мул был моей женой. Я отправился в путешествие и отсутствовал целый год, а потом я закончил поездку и вернулся ночью к жене. И я увидел черного раба, который лежал с нею в постели, и они разговаривали, играли, смеялись, целовались и возились. И увидев меня, моя жена поспешно взяла кувшин воды, произнесла что-то над нею, и брызнула на меня, и сказала: «Измени свой образ и прими образ собаки!» И я тотчас же стал собакой, и моя жена выгнала меня из дома; и я вышел из ворот и шел до тех пор, пока не пришел к лавке мясника. И я подошел и стал есть кости, и когда хозяин лавки меня заметил, он взял меня и ввел к себе в дом. И увидев меня, дочь мясника закрыла от меня лицо и воскликнула: «Ты приводишь мужчину и входишь с ним к нам!» – «Где же мужчина?» – спросил ее отец. И она сказала: «Этот пес – мужчина, которого заколдовала его жена, и я могу его освободить». И услышав слова девушки, ее отец воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, дочь моя, освободи его». И она взяла кувшин с водой, и произнесла над ней что-то, и слегка брызнула на меня, и сказала: «Перемени этот образ на твой прежний вид!» И я принял свой первоначальный образ, и поцеловал руку девушки, и сказал ей: «Я хочу, чтобы ты заколдовала мою жену, как она заколдовала меня». И

девушка дала мне немного воды и сказала: «Когда увидишь свою жену спящей, брызни на нее этой водой и скажи что захочешь, и она станет тем, чем ты пожелаешь». И я взял воду, и вошел к своей жене, и, найдя ее спящей, брызнул на нее водой, и сказал: «Покинь этот образ и прими образ мула!» И она тотчас же стала мулом, тем самым, которого ты видишь своими глазами, о султан и глава джиннов.

И джинн спросил мула: «Верно?» И мул затряс головой и заговорил знаками, обозначавшими: «Да, клянусь Аллахом, это моя повесть и то, что со мной случилось!»

И когда третий старец кончил свой рассказ, джинн, охваченный удивлением, подарил ему треть крови купца...»

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра ее сказала: «О сестрица, как сладостен твой рассказ, и хорош, и усладителен, и нежен».

И Шахразада ответила: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если я буду жить и царь пощадит меня».

«Клянусь Аллахом, – воскликнул царь, – я не убью ее, пока не услышу всю ее повесть, ибо она удивительна!»

И потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, и пришли войска и везирь, и диван наполнился людьми. И царь судил, назначал, и отставлял, и запрещал, и приказывал до конца дня.

И потом диван разошелся, и царь Шахрияр удалился в

свои покои. И с приближением ночи он удовлетворил свою нужду с дочерью везиря.

И когда настала третья ночь, ее сестра Дуньязада сказала ей: «О сестрица, dokonчи твой рассказ».

И Шахразада ответила: «С любовью и охотой! Дошло до меня, о счастливый царь, что третий старец рассказал джинну историю диковиннее двух других и джинн до крайности изумился, и преисполнился удивления, и сказал: «Дарю тебе остаток проступка купца и отпускаю его». И купец обратился к старцам и поблагодарил их, и они поздравили его со спасением, и каждый из них вернулся в свою страну. Но это не удивительней, чем сказка о рыбаке».

«А как это было?» – спросил царь.

Сказка о рыбаке

«Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был один рыбак, глубокий старец, и были у него жена и трое детей, и жил он в бедности. И был у него обычай забрасывать свою сеть каждый день четыре раза, ни больше ни меньше; и вот однажды он вышел в полуденную пору, и пришел на берег моря, и поставил свою корзину, и, подобрав полы, вошел в море, и закинул сеть. Он выждал, пока сеть установится в воде, и собрал веревки, и, когда почувствовал, что сеть отяжелела, попробовал ее вытянуть, но не смог; и тогда он вышел с концом сети на берег, вбил колышек, привязал сеть и, раздевшись, стал нырять вокруг нее, и до тех пор старался, пока не вытащил ее. И он обрадовался, и вышел, и, надев свою одежду, подошел к сети, но нашел в ней мертвого осла, который разорвал сеть. Увидев это, рыбак опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, это удивительное пропитание! – сказал он потом и произнес:

О вверивший себя ночным суровым расстояниям!
Зря не трудись – насущный хлеб не раздобыть
стараньем!»²

² Перевод Д. Самойлова.

Потом он сказал: «Живо! Милость непременно будет, если захочет Аллах великий!»

И он выбросил осла из сети и отжал ее, а окончив отжимать сеть, он расправил ее, и вошел в море, и, сказав: «Во имя Аллаха!» – снова забросил. Он выждал, пока сеть установится; и она отяжелела и зацепилась крепче, чем прежде, и рыбак подумал, что это рыба, и, привязав сеть, разделся, вошел в воду и до тех пор нырял, пока не высвободил ее. Он трудился над нею, пока не поднял ее на сушу, но нашел в ней большой кувшин, полный песку и ила. И, увидев это, рыбак опечалился и произнес:

Судьба! Довольно ты меня палила.
Повремени! Не насылай беды!

Ты доброй доли мне не отделила
И не вознаградила за труды!

Пришел, чтоб получить и часть и участь;
Увидел: ничего не унести.

Как удивительна невежд живучесть,
А память о премудрых – не в чести!³

Потом он бросил кувшин, и отжал сеть, и вычистил ее, и, попросив прощенья у Аллаха великого, вернулся к морю в

³ Перевод Д. Самойлова.

третий раз и опять закинул сеть. И подождав, пока она установится, он вытянул сеть, но нашел в ней черепки, осколки стекла и кости. И тогда он сильно рассердился, и заплакал, и произнес:

И вот твоя судьба – не свяжет, не развяжет,
Не вызовет перо и надпись не расскажет⁴.

Потом он поднял голову к небу и сказал: «Боже, ты знаешь, что я забрасываю свою сеть только четыре раза в день, а я уже забросил ее трижды, и ничего не пришло ко мне. Пошли же мне, о боже, в этот раз мое пропитание!»

Затем рыбак произнес имя Аллаха, и закинул сеть в море, и, подождав, пока она установится, потянул ее, но не мог вытянуть, и оказалось, она запуталась на дне. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» – воскликнул рыбак.

И он разделся, и нырнул за сетью, и трудился над ней, пока не поднял на сушу, и, растянув сеть, он нашел в ней кувшин из желтой меди, чем-то наполненный, и горлышко его было запечатано свинцом, на котором был отпечаток перстня господина нашего Сулеймана ибн Дауда, – мир с ними обоими! И, увидев кувшин, рыбак обрадовался и воскликнул: «Я продам его на рынке медников, он стоит десять динаров золотом!» Потом он подвигал кувшин, и нашел его тяжелым, и увидел, что он плотно закрыт, и сказал себе: «Взгляну-ка,

⁴ Перевод Д. Самойлова.

что в этом кувшине! Открою его и посмотрю, что в нем есть, а потом продам!» И он вынул нож и старался над свинцом, пока не сорвал его с кувшина, и положил кувшин боком на землю, и потряс его, чтобы то, что было в нем, вылилось, — и оттуда не полилось ничего, и рыбак до крайности удивился. А потом из кувшина пошел дым, который поднялся до облаков небесных и пополз по лицу земли, и когда дым вышел целиком, то собрался, и сжался, и затрепетал, и сделался ифритом с головой в облаках и ногами на земле. И голова его была как купол, руки как вилы, ноги как мачты, рот словно пещера, зубы точно камни, ноздри как трубы, и глаза как два светильника, и был он мрачный, мерзкий.

И когда рыбак увидел этого ифрита, у него задрожали поджилки, и застучали зубы, и высохла слюна, и он не видел перед собой дороги. А ифрит, увидя его, воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Сулейман — пророк Аллаха!»

Потом он вскричал: «О пророк Аллаха, не убивай меня! Я не стану больше противиться твоему слову и не ослушаюсь твоего веления!» И рыбак сказал ему: «О мари́д, ты говоришь: «Сулейман — пророк Аллаха», а Сулейман уже тысяча восемьсот лет как умер, и мы живем в последние времена перед концом мира. Какова твоя история, и что с тобой случилось, и почему ты вошел в этот кувшин?»

И, услышав слова рыбака, мари́д воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха! Радуйся, о рыбак!» — «Чем же ты меня порадуешь?» — спросил рыбак. И ифрит ответил: «Тем, что убью

тебя сию же минуту злейшей смертью». – «За такую весть, о начальник ифритов, ты достоин лишиться защиты Аллаха! – вскричал рыбак. – О проклятый, за что ты убиваешь меня и зачем нужна тебе моя жизнь, когда я освободил тебя из кувшина, и спас со дна моря, и поднял на сушу?» – «Пожелай, какой смертью хочешь умереть и какой казнью быть казнен?» – спросил ифрит. И рыбак воскликнул: «В чем мой грех и за что ты меня так награждаешь?» – «Послушай мою историю, о рыбак», – сказал ифрит, и рыбак сказал: «Говори и будь краток, а то у меня душа уже подошла к носу!»

«Знай, о рыбак, – сказал ифрит, – что я один из джиннов-вероотступников, и мы послушались Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – я и Сахр, джинн. И Сулейман прислал своего везира, Асафа ибн Барахию, и он привел меня к Сулейману насильно, в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, призвал против меня на помощь Аллаха и предложил мне принять истинную веру и войти под его власть, но я отказался. И тогда он велел принести этот кувшин, и заточил меня в нем, и запечатал кувшин свинцом, оттиснув на нем величайшие из имен Аллаха, а потом он отдал приказ джиннам, и они понесли меня и бросили посреди моря. И я провел в море сто лет и сказал в своем сердце: всякого, кто освободит меня, я обогащу навеки, но прошло еще сто лет, и никто меня не освободил. И прошла другая сотня, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я открою сокровища зем-

ли. Но никто не освободил меня. И прошло еще четыреста лет, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я исполню три желания. Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: всякого, кто освободит меня сейчас, я убью и предложу ему выбрать, какую смертью умереть! И вот ты освободил меня, и я тебе предлагаю выбрать, какой смертью ты хочешь умереть».

Услышав слова ифрита, рыбак воскликнул: «О диво Аллаха! А я-то пришел освободить тебя только теперь! Избавь меня от смерти – Аллах избавит тебя, – сказал он ифриту. – Не губи меня – Аллах даст над тобою власть тому, кто тебя погубит». – «Твоя смерть неизбежна, пожелай же, какой смертью тебе умереть», – сказал марид.

И когда рыбак убедился в этом, он снова обратился к ифриту и сказал: «Помилуй меня в награду за то, что я тебя освободил». – «Но я ведь и убиваю тебя только потому, что ты меня освободил!» – воскликнул ифрит. И рыбак сказал: «О шейх ифритов, я поступаю с тобою хорошо, а ты воздаешь мне скверным. Не лжет изречение, заключающееся в таких стихах:

Мы сделали добро, нам отвечают злом,
Когда в ответ на зло исчадиям геенны

Мы делаем добро – клянусь, что поделом

Услышав слова рыбака, ифрит воскликнул: «Не тяни, твоя смерть неизбежна!» И рыбак подумал: «Это джинн, а я человек, и Аллах даровал мне совершенный ум. Вот я придумаю, как погубить его хитростью и умом, пока он измышляет, как погубить меня коварством и мерзостью».

Потом он сказал ифриту: «Моя смерть неизбежна?» И ифрит отвечал: «Да». И тогда рыбак воскликнул: «Заклинаю тебя величайшим именем, вырезанным на перстне Сулеймана ибн Дауда, – мир с ними обоими! – я спрошу тебя об одной вещи, скажи мне правду». – «Хорошо, – сказал ифрит, – спрашивай и будь краток!» И он задрожал и затрясся, услышав упоминание величайшего имени. А рыбак сказал: «Ты был в этом кувшине, а кувшин не вместит даже твоей руки или ноги. Так как же он вместил тебя всего?» – «Так ты не веришь, что я был в нем?» – вскричал ифрит. «Я никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами», – ответил рыбак. И тогда ифрит встряхнулся, и стал дымом над морем, и собрался, и мало-помалу стал входить в кувшин, пока весь дым не оказался в кувшине. И тут рыбак поспешно схватил свинцовую пробку с печатью, и закрыл ею кувшин, и закричал на ифрита: «Выбирай, какой смертью умрешь! Клянусь Аллахом, я брошу тебя в море и построю себе здесь дом, и всякому, кто придет сюда, я не дам ловить рыбу и

⁵ Перевод Д. Самойлова.

скажу: «Тут ифрит, и всем, кто его вытащит, он предлагает выбрать, как умереть и как быть убитым!»

Услышав слова рыбака и почувствовав себя в заточении, ифрит хотел выйти, но не мог, так как ему не позволяла печать Сулеймана. И он понял, что рыбак перехитрил его, и сказал: «Я пошутил с тобой!» Но рыбак воскликнул: «Лжешь, о презреннейший из ифритов и грязнейший и ничтожнейший из них!» И потом он понес кувшин к берегу моря, и ифрит кричал: «Нет, нет!» – а рыбак говорил: «Да, да!» Ифрит смягчил свои речи, и стал смиренным, и сказал: «Что ты хочешь со мной сделать, о рыбак?» И рыбак ответил: «Я брошу тебя в море; и если ты уже провел в нем тысячу восемьсот лет, то я заставлю тебя пробыть там, пока не настанет Судный час. Не говорил ли я тебе: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах!» Но ты не послушал моих слов и хотел только обмануть меня, и Аллах отдал тебя мне в руки, и я обманул тебя».

«Открой меня, и я окажу тебе милость», – сказал ифрит. Но рыбак воскликнул: «Лжешь, проклятый! Я и ты подобны везирию царя Юнана и врачу Дубану». – «А кто это такие, везирь царя Юнана и врач Дубан, и какова их история?» – спросил ифрит.

Повесть о везире царя Юнана

«Знай, о ифрит, – начал рыбак, – что в древние времена и минувшие века и столетия был в городе персов и в земле Румана царь по имени Юнан. И был он богат и велик и повелевал войском и телохранителями всякого рода, но на теле его была проказа, и врачи и лекари были против нее бессильны. И царь пил лекарства и порошки и мазался мазями, но ничто не помогало ему, и ни один врач не мог его исцелить. А в город царя Юнана пришел великий врач, почтенный старец, которого звали врач Дубан. Он читал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские, знал врачевание и науку о звездах и усвоил их правила и основы, их пользу и вред, и он знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные и вредные, и изучил философию, и постиг все науки и прочее.

И когда этот врач пришел в город и пробыл там немного дней, он услышал о царе и поразившей его тело проказе, которою испытал его Аллах, и о том, что ученые и врачи не могут излечить ее. И когда это дошло до врача, он провел ночь в занятиях, а лишь только наступило утро, и засияло светом, и заблестало, он надел лучшее из своих платьев и вошел к царю Юнану. Облобызав перед ним землю, врач пожелал ему вечной славы и благоденствия и отлично это высказал, а потом представился и сказал: «О царь, я узнал, что

тебя постигла болезнь, которая у тебя на теле, и что множество врачей не знает средства излечить ее. Но вот я тебя вылечу, о царь, и не буду ни поить тебя лекарством, ни мазать мазью».

Услышав его слова, царь Юнан удивился и воскликнул: «Как же ты это сделаешь? Клянусь Аллахом, если ты меня исцелишь, я обогашу тебя и детей твоих детей и облагодетельствую тебя, и все, что ты захочешь, будет твое, и ты станешь моим сотрапезником и любимцем!» Потом царь Юнан наградил врача почетной одеждой, и оказал ему милость, и спросил его: «Ты вылечишь меня от этой болезни без помощи лекарства и мази?» И врач отвечал: «Да, я тебя вылечу». И царь до крайности изумился, а потом спросил: «О врач, в какой же день и в какое время будет то, о чем ты мне сказал? Поторопись, сын мой!» – «Слушаю и повинуюсь, – ответил врач, – это будет завтра». А затем он спустился в город, и нанял дом, и сложил туда свои книги и лекарства и зелья, а потом он вынул зелья и снадобья и вложил их в клюшку, которую выдолбил, а к клюшке он приделал ручку, и, когда все это было изготовлено и окончено, врач отправился к царю и, войдя к нему, облобызал перед ним землю и велел ему выехать на ристалище и играть с шаром и клюшкой. А с царем были эмиры, придворные, и везири, и вельможи царства. И не успел он прибыть на ристалище, как пришел врач Дубан, и подал ему клюшку, и сказал: «Возьми эту клюшку, и держи ее за эту вот ручку, и гоняйся по ристалищу, и вытягивайся

хорошенько — бей по шару, пока твоя рука и тело не вспотеют и лекарство не перейдет из твоей руки и не распространится по телу. Когда же ты кончишь играть и лекарство распространится у тебя по всему телу, возвращайся во дворец, а потом сходи в баню, вымойся и ложись спать. Ты исцелишься, и конец».

И тогда царь Юнан взял у врача клюшку, и схватил ее рукою, и сел на коня, и кинул перед собою шар, и погнался за ним, и настиг его и с силой ударил, сжав рукою ручку клюшки. И он до тех пор бил по шару и гонялся за ним, пока его рука и все тело не покрылись испариной и снадобье не растеклось из ручки. И тут врач Дубан узнал, что лекарство распространилось по телу царя, и велел ему возвращаться во дворец и сию же минуту пойти в баню. И царь Юнан немедленно возвратился и приказал освободить для себя баню; и баню освободили, и постельничьи поспешили, и рабы побежали к царю, обгоняя друг друга, и приготовили ему белье. И царь вошел в баню, и хорошо вымылся, и надел свои одежды в бане, а затем он вышел и поехал во дворец и лег спать.

Вот что было с царем Юнаном. Что же касается врача Дубана, то он возвратился к себе домой и проспал ночь, а когда наступило утро, он пришел к царю и попросил разрешения войти. И царь приказал ему войти; и врач вошел, и облобызал перед ним землю, и сказал нараспев, намекая на царя, такие стихи:

Само витийство чтит в тебе отца,
Когда другой от страху – ни словца.

Твое лицо своим чудесным светом
От гнева очищает все сердца.

И да не хмурят брови времена
Перед лицом, что светит, как луна.

Ты сотворил со мною милосердьем
То, что с лугами делает весна.

Стремясь к добру, добра ты не жалел
И скряжливость судьбы преодолел⁶.

И когда он кончил говорить стихи, царь поднялся на ноги, и обнял его, и посадил с собою рядом, и наградил драгоценными одеждами. (А царь, вышедши из бани, посмотрел на свое тело и совершенно не нашел на нем проказы, и оно стало чистым, как белое серебро; и царь обрадовался этому до крайности, и его грудь расправилась и расширилась.) Когда же настало утро, царь пришел в диван и сел на престол власти, и придворные и вельможи его царства встали перед ним, и к нему вошел врач Дубан, и царь, увидев его, поспешно поднялся и посадил его с собою рядом. И вот накрыли

⁶ Перевод Д. Самойлова.

роскошные столы с кушаньями, и царь поел вместе с Дубаном и, не переставая, беседовал с ним весь этот день. Когда же настала ночь, царь дал Дубану две тысячи динаров, кроме почетных одежд и прочих даров, и посадил его на своего коня, и Дубан удалился к себе домой. А царь Юнан все удивлялся его искусству и говорил: «Этот врач лечил меня снаружи и не мазал никакой мазью. Клянусь Аллахом, вот это действительная мудрость! И мне следует оказать этому человеку уважение и милость и сделать его своим собеседником и сотрапезником на вечные времена!» И царь Юнан провел ночь довольный, радуясь здоровью своего тела и избавлению от болезни; и когда наступило утро, он вышел и сел на престол, и вельможи его царства встали перед ним, а везири и эмиры сели справа и слева. Потом царь Юнан потребовал врача Дубана, и тот вошел к нему и облобызал перед ним землю, а царь поднялся перед ним и посадил его с собою рядом. Он поел вместе с врачом, и пожелал ему долгой жизни, и пожаловал ему дары и одежды, и беседовал с ним до тех пор, пока не настала ночь, — и тогда царь велел выдать врачу пять почетных одежд и тысячу динаров, и врач удалился к себе домой, воздавая благодарность царю. А когда наступило утро, царь вышел в диван, окруженный придворными, везирями и эмирами.

А у царя был один везирь гнусного вида, скверный и порочный, скупой и завистливый, сотворенный из одной зависти; и когда этот везирь увидел, что царь приблизил к себе

врача Дубана и оказывает ему такие милости, он позавидовал ему и затаил на него зло. Ведь говорится же: ничье тело не свободно от зависти, и сказано: несправедливость таится в сердце; сила ее проявляет, а слабость скрывает. И вот этот везирь подошел к царю Юнану и, облобызав перед ним землю, сказал: «О царь нашего века и времени! Ты тот, в чьей милости я вырос, и у меня есть для тебя великий совет. И если я его от тебя скрою, я буду сыном прелюбодеяния; если же ты прикажешь его открыть тебе, я открою его». И царь, которого встревожили слова везиря, спросил его: «Что у тебя за совет?» И везирь отвечал: «О благородный царь, древние сказали: «Кто не думает об исходе дел, тому судьба не друг». И я вижу, что царь поступает неправильно, жалуя своего врача и того, кто ищет прекращения его царства. А царь был к нему милостив и оказал ему величайшее уважение и до крайности приблизил его к себе, и я опасаюсь за царя».

И царь, встревожившись и изменившись в лице, спросил везиря: «Про кого ты говоришь и на кого намекаешь?» И везирь сказал: «Если ты спишь, проснись! Я указываю на врача Дубана». – «Горе тебе, – сказал царь, – это мой друг, и он мне дороже всех людей, так как он вылечил меня чем-то, что я взял в руку, и исцелил меня от болезни, против которой были бессильны врачи. Такого, как он, не найти в наше время нигде в мире, ни на востоке, ни на западе, а ты говоришь о нем такие слова. С сегодняшнего дня я устанавливаю ему жалованье и выдачи и назначу ему на каждый месяц тысячу дина-

ров, но даже если бы я разделил с ним свое царство, и этого было бы поистине мало. И я думаю, что ты это говоришь из одной только зависти к этому врачу, и ты хочешь его смерти, а я стану после этого раскаиваться, как раскаялся царь Ас-Синдбад, убивши сокола». – «Прости меня, о царь времени, а как это было?» – спросил везирь.

Рассказ о царе Ас-Синдбаде

«Говорят, – а Аллах лучше знает, – начал царь, – что был один царь из царей персов, который любил веселье, прогулки, охоту и ловлю. И он воспитал сокола, и не расставался с ним ни днем ни ночью, и всю ночь он держал его на руке, а когда отправлялся на охоту, то брал сокола с собою. Царь сделал для сокола золотую чашку, висевшую у него на шее, и поил его из этой чашки. И вот однажды царь сидит, и вдруг приходит к нему главный сокольничий и говорит: «О царь времени, пришла пора выезжать на охоту». И царь приказал выезжать и взял сокола на руку; и охотники ехали до тех пор, пока не достигли одной долины, там растянули сеть для ловли, и вдруг в эту сеть попала газель, и тогда царь воскликнул: «Всякого, через чью голову газель перескочит, я убью».

И охотники сузили сеть вокруг газели, и вдруг газель подошла к царю, и, оставаясь на задних ногах, передние сложила на груди, как бы целуя перед царем землю. И царь кивнул газели головой, а она прыгнула через его голову и убе-

жала в пустыню. И царь увидел, что вся свита перемигивается, и спросил: «О везирь, что они говорят?» И везирь ответил: «Они говорят, что ты сказал: «Всякий, через чью голову газель перескочит, будет убит». И тогда царь воскликнул: «Клянусь моей головой, я буду преследовать ее, пока не приведу!» И царь поехал по следам газели и неотступно скакал за ней по горам. А она хотела войти в чашу, и тогда царь спустил за ней сокола, и сокол бил ее крыльями по глазам, пока не ослепил и не ошеломил. И царь вынул дубинку, и ударил газель, и повалил ее, потом он сошел и прирезал газель и, сняв с нее шкуру, повесил ее к луке седла. А было время полуденного отдыха, и в зарослях, пустынных и высохших, нельзя было найти воды. И царь почувствовал жажду, и конь захотел пить, — и тогда царь покружил и увидел дерево, с которого текла вода, точно масло. А на руках у царя были надеты рукавицы из кожи, и он взял чашку с шеи сокола и наполнил ее этой водой. Он поставил перед собой чашку, но сокол вдруг ударил ее крылом и опрокинул; и тогда царь поднял чашку и стал набирать второй раз в нее стекавшее масло, пока не наполнил. Он думал, что сокол хочет пить, и поставил перед ним чашку, но сокол опять ударил ее и опрокинул. И царь рассердился на сокола, и в третий раз наполнил чашку, и поставил ее перед конем, но сокол снова опрокинул чашку крылом. И тогда царь воскликнул: «Да накажет тебя Аллах, о злосчастнейшая птица! Ты лишила питья и меня, и коня, и себя самое!» И ударив сокола мечом,

он отрубил ему крылья.

И тогда птица стала поднимать голову, говоря знаками: «Посмотри, что на вершине дерева». И царь поднял глаза и увидел на дереве детеныша ехидны, а та жидкость была его ядом. И раскаялся царь, что отрубил соколу крылья, и поднялся, и сел на коня, и поехал, взявши с собою газель, и достиг шатра со своею добычей. Он отдал газель повару и сказал: «Возьми ее и изжарь!» – а потом он сел на престол, и сокол был на его руке. И вдруг птица испустила крик и умерла; и царь закричал от печали и горя, что убил сокола, после того как тот спас его от гибели. Вот и все, что было с царем Ас-Синдбадом».

Услышав слова царя Юнана, везирь сказал: «О царь, высокий саном, что же сделал мне врач дурного? Я не видел от него зла и поступаю так только из жалости к тебе, чтобы ты знал, что мои слова верны, а иначе ты погибнешь, как погиб везирь, который строил козни против сына одного из царей». – «А как это было?» – спросил царь Юнан.

Сказка о коварном везире

«Знай, о царь, – сказал везирь, – что у одного царя был везирь, а у этого царя был сын, который любил охоту и ловлю, и везирь его отца находился с ним. И царь, отец юноши, приказал этому везирию быть с царевичем, куда бы тот ни отправился. Однажды юноша выехал на охоту, и везирь

его отца выехал с ним, и они поехали вместе. И везирь увидел большого зверя и сказал царевичу: «Вот тебе зверь, гонись за ним». И царевич помчался за зверем и исчез с глаз, и зверь скрылся от него в пустыне. И царевич растерялся и не знал, куда идти и в какую сторону направиться, и вдруг видит: у обочины дороги сидит девушка и плачет.

«Кто ты?» – спросил ее царевич; и девушка сказала: «Я дочь царя из царей Индии, и я была в пустыне, но на меня напала дремота, и я свалилась с коня, и теперь я отбилась от своих и потерялась». И услышав слова девушки, царевич сжалился над нею и взял ее на спину своего коня, посадив ее сзади, и поехал. И когда они проезжали мимо каких-то развалин, девушка сказала: «О господин, я хочу сойти за надобностью», – и царевич спустил ее около развалин. И девушка вошла туда и замешкалась, и царевич, заждавшись ее, вошел за ней следом, не зная, кто она. И вдруг видит: это – гуль, и она говорит своим детям: «Дети, я привела вам сегодня жирного молодца!» А дети отвечают: «О матушка, приведи его, чтобы мы наполнили им наши животы». Услышав их слова, царевич убедился, что погибнет, и испугался за себя, и у него задрожали поджилки. Он вернулся назад; и гуль вышла и увидела, что он как будто испуган, и боится, и дрожит, и сказала: «Чего ты боишься?» – «У меня есть враг, и я боюсь его», – отвечал царевич. «Ты говорил, что ты сын царя?» – спросила его гуль; и царевич ответил: «Да». И тогда гуль сказала: «Почему ты не дашь своему врагу сколько-ни-

будь денег, чтобы удовлетворить его?» – «Он не удовлетворится деньгами, а только моей жизнью, – отвечал царевич, – и я боюсь за себя. Я человек обиженный». – «Если ты, как ты говоришь, обижен, призови на помощь Аллаха, и он избавит тебя от злобы твоего врага и от того зла, которого ты боишься», – сказала гуль. И царевич поднял взор к небу и воскликнул: «О ты, кто отвечаешь попавшему в беду, когда он зовет тебя, и устраняешь зло, о боже, помоги мне против моего врага и отведи его от меня! Поистине, ты властен в том, чего хочешь!» И когда гуль услышала его молитву, она удалилась, а царевич отправился к своему отцу и рассказал ему о поступке везиря; и царь призвал его и убил.

И если ты, о царь, доверишься этому врачу, он убьет тебя злейшим убийством. Тот, кого ты облагодетельствовал и приблизил к себе, действует тебе на погибель. Он лечил тебя от болезни снаружи чем-то, что ты взял в руку, и ты не в безопасности от того, чтобы он не убил тебя вещью, которую ты так же возьмешь в руку».

«Ты прав, о везирь, – сказал царь Юнан, – как ты говоришь, так и будет, о благорасположенный везирь! Поистине, этот врач пришел как лазутчик, ища моей смерти, и если он излечил меня чем-то, что я взял в руку, то сможет меня погубить чем-нибудь, что я понюхаю».

После этого царь Юнан сказал везиру: «О везирь, как же с ним поступить?» И везирь ответил: «Пошли за ним сейчас же, потребуй его и, если он придет, отруби ему голову. Ты

спасешься от его зла и избавишься от него. Обмани же его раньше, чем он обманет тебя». – «Ты прав, о везирь!» – воскликнул царь и послал за врачом; и тот пришел радостный, не зная, что судил ему милосердный, подобно тому, как кто-то сказал:

Страшащийся судьбы – спокоен будь!
Ведь все в руках высокого провидца.

Пусть в книге судеб слов не зачеркнуть,
Но что не суждено – тому не сбыться⁷.

И когда врач вошел к царю, то произнес:

Коль я не выскажу тебе благодаренье,
Скажи: «Кому ж ты посвятишь стихотворенье?»

Ты милости свои мне щедро расточал
Без отговорок и без промедленья.

Так почему хвалу не вправе я изречь,
И что мешает ей шуметь иль тайно течь?

Я восхваляю тебя за все благодеянья,
Хотя тяжел их груз для этих слабых плеч⁸.

⁷ Перевод Д. Самойлова.

⁸ Перевод Д. Самойлова.

«Знаешь ли ты, зачем я призвал тебя?» – спросил царь врача Дубана. И врач ответил: «Не знает тайного никто, кроме великого Аллаха!» А царь сказал ему: «Я призвал тебя, чтобы тебя убить и извести твою душу».

И врач Дубан до крайности удивился и спросил: «О царь, за что же ты убиваешь меня и какой я совершил грех?» – «Мне говорили, – отвечал царь, – что ты лазутчик и пришел меня убить, и вот я убью тебя раньше, чем ты убьешь меня».

Потом царь кликнул палача и сказал: «Отруби голову этому обманщику и дай нам отдых от его зла!» – «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах», – сказал тогда врач и повторил царю эти слова, подобно тому, как и я говорил тебе, о ифрит, но ты не щадил меня и хотел только моей смерти.

И царь Юнан сказал врачу Дубану: «Я не в безопасности, если не убью тебя: ты меня вылечил чем-то, что я взял в руку, и я опасаюсь, что ты убьешь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем другим». – «О царь, – сказал врач Дубан, – вот награда мне от тебя! За хорошее ты воздаешь скверным!» Но царь воскликнул: «Тебя непременно нужно убить, и не откладывая!» И когда врач убедился, что царь несомненно убьет его, он заплакал и пожалел о том добре, которое он сделал недостойным его, подобно тому, как сказано:

На свете только тот судьбою одарен,
Кто осторожным и разумным сотворен,

Кто не пойдет сухой, ни скользкою дорогой,
Не осветив умом, не ощутив ногой⁹.

После этого выступил вперед палач, и завязал врачу глаза, и обнажил меч, и сказал: «Позволь!» А врач плакал и говорил царю: «Оставь меня – оставит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах. – И он произнес:

От сердца дал совет – и не был я счастлив,
Счастливее они, от мира правду скрыв.

Унижен я – они стократ блаженней.
Теперь, коль буду жив, пребуду в немоте,

А если сгину – пусть меня оплачут те,
Кто не жалел для ближних откровений»¹⁰.

Затем врач сказал: «О царь, вот награда мне от тебя! Ты воздаешь мне воздаянием крокодила». – «А каков рассказ о крокодиле?» – спросил царь, но врач сказал: «Я не могу его рассказать, когда я в таком состоянии. Заклинаю тебя Аллахом, пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И врач разразился сильным плачем, и тогда поднялся кто-то из приближенных царя и сказал: «О царь, подари мне жизнь этого врача,

⁹ Перевод Д. Самойлова.

¹⁰ Перевод Д. Самойлова.

так как мы не видели, чтобы он сделал против тебя преступления, и видели только, как вылечил тебя от болезни, не подававшейся врачам и лекарям».

«Разве вы не знаете, почему я убиваю этого врача? – сказал царь. – Это потому, что, если я пощажу его, я, несомненно, погибну. Ведь тот, кто меня вылечил от моей болезни вещью, которую я взял в руку, может убить меня чем-нибудь, что я понюхаю. Я боюсь, что он убьет меня и возьмет за меня подарок, так как он лазутчик и пришел только затем, чтобы меня убить. Его непременно нужно казнить, и после этого я буду за себя спокоен».

«Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьет тебя Аллах!» – сказал врач, но, убедившись, о ифрит, что царь несомненно его убьет, он сказал: «О царь, если уж моя казнь неизбежна, дай мне отсрочку: я схожу домой и накажу своим родным и соседям похоронить меня, и очищу свою душу, и раздарю врачебные книги. У меня есть книга, особая из особых, которую я дам в подарок тебе, а ты храни ее в своей сокровищнице». – «А что в ней, в этой книге?» – спросил царь врача, и тот ответил: «В ней есть столько, что и не счесть, и самая малая из ее тайн – то, что, когда ты отрежешь мне голову, повернешь три листа и прочтешь три строки на той странице, которая слева, моя голова заговорит с тобой и ответит на все, о чем ты ее спросишь».

И царь изумился до крайности и, преисполненный удивления, спросил: «О мудрец, когда я отрежу тебе голову, она

со мной заговорит?» — «Да, о царь», — сказал мудрец. И царь воскликнул: «Это удивительное дело!»

Потом он отпустил врача под стражей, и врач пошел домой и сделал свои дела в тот же день, а на следующий день он пришел в диван, и пришли все эмиры, везири, придворные, наместники и вельможи царства, и диван стал точно цветущий сад. И вот врач пришел в диван и встал перед царем между двумя стражниками, и у него была старая книга и горшочек с порошком. И врач сел и сказал: «Принесите мне блюдо», — и ему принесли блюдо, и он высыпал на него порошок, разровнял его и сказал: «О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай ее, пока не отрубишь мне голову, а когда отрубишь, поставь ее на блюдо и вели ее натереть этим порошком, и когда ты это сделаешь, кровь перестанет течь. А потом раскрой книгу». И царь Юнан приказал отрубить врачу голову и взял от него книгу, и палач встал и отсек голову врача, и голова упала на середину блюда. И царь натер голову порошком, и кровь остановилась, и врач Дубан открыл глаза и сказал: «О царь, раскрой книгу!» И царь раскрыл ее и увидел, что листы слиплись, и тогда он положил палец в рот, смочил его слюной и раскрыл первый листок, и второй, и третий, и листки раскрывались с трудом. И царь перевернул шесть листков и посмотрел на них, но не увидел никаких писмен и сказал врачу: «О врач, в ней ничего не написано». — «Раскрой еще, сверх этого», — сказал врач; и царь перевернул еще три листка, и прошло лишь немного време-

ни, и яд в одну минуту распространился по всему телу царя, так как книга была отравлена. И тогда царь затрясся и крикнул: «Яд разлился во мне!» А врач Дубан произнес:

Владели, правили, старались власть упрочить,
Прошли их времена – их знать никто не хочет.

Кто справедливым был – добра вкушает мед,
Кто был несправедлив, того судьба доймет!

Не упрекай судьбу! Она не виноватит,
А только часть за часть, за меру меру платит¹¹.

И когда голова врача окончила говорить, царь тотчас же упал мертвым.

Знай же, о ифрит, что если бы царь Юнан оставил в живых врача Дубана, Аллах, наверное, пощадил бы его, но он не захотел и искал его смерти, и Аллах убил его. Если бы ты, о ифрит, пощадил меня, Аллах, наверное, пощадил бы тебя, но ты не хотел ничего, кроме моей смерти, и вот я тебя убью, заключив в этот кувшин, и брошу в море». И тут ифрит закричал и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, о рыбак, не делай этого! Пощади меня и не взыщи с меня за мой поступок. Если я был злодеем, то будь ты благодетелем: ведь говорится в ходячих изречениях: «О благодетельству-

¹¹ Перевод Д. Самойлова.

ющий злomu, достаточно со злодея и деяния его». Не делай так, как сделала Умама с Атикой». — «А что сделала Умама с Атикой?» — спросил рыбак. И ифрит ответил: «Не время теперь рассказывать, когда я в этой тюрьме! Если ты меня отпустишь, я расскажу тебе об этом».

«Оставь эти речи, — сказал рыбак, — ты непременно будешь брошен в море, и нет никакой надежды, что тебя когда-нибудь оттуда извлекут. Я тебя просил и умолял, но ты хотел только моей смерти без вины, заслуживающей этого, хотя я тебе не сделал зла, — я оказал тебе только благодеяние, освободив из тюрьмы; и когда ты со мной все это сделал, я узнал, что ты поступаешь скверно. И знай, что я брошу тебя в море; а чтобы всякий, кто тебя выловит, кинул обратно, я расскажу, что у меня с тобой было, и предостерегу его. И ты останешься в этом море навсегда, пока не погибнешь».

«Отпусти меня, — сказал ифрит. — Теперь время быть великодушным, и я обещаю тебе, что никогда ни в чем тебя не ослушаюсь и дам тебе то, что тебя обогатит».

И тогда рыбак взял с ифрита обещание, что тот, если он его отпустит, не станет ему вредить, а сделает ему добро, и, заручившись его обещанием и заставив его поклясться величайшим именем Аллаха, открыл кувшин. И дым пошел вверх, и вышел целиком, и стал ифритом в его подлинном облике. Ифрит толкнул ногой кувшин и кинул его в море. И когда рыбак увидел, что ифрит бросил кувшин в море, он убедился в своей гибели, и наделал себе в платье, и вос-

кликнул: «Это нехороший признак!» Потом он укрепил свое сердце и сказал: «О ифрит, Аллах великий сказал: «Исполняйте обещание». Поистине, об обещании будет спрошено, а ты обещал мне и поклялся, что не обманешь меня, не то обманет тебя Аллах, ибо он преревнив и дает отсрочку, но не прощает. Я ведь говорил тебе то же, что врач Дубан говорил царю Юнану: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И ифрит засмеялся, и пошел впереди рыбака, и сказал ему: «О рыбак, следуй за мной!»

И рыбак пошел позади ифрита, не веря в спасение. И ифрит шел, пока они не вышли за город, и он поднялся на гору и спустился в обширную равнину, и вдруг они оказались у пруда с водой. И ифрит спустился в середину пруда и сказал рыбаку: «Следуй за мною!» И рыбак последовал за ним на середину пруда, а ифрит остановился и приказал рыбаку закинуть сеть и ловить рыбу. И рыбак посмотрел в пруд и увидел там рыб разного цвета: белых, красных, голубых и желтых – и удивился этому. Потом он вынул сеть, и забросил ее, и вытянул, и нашел в ней четырех рыб, и все были разноцветные. И увидав их, рыбак обрадовался, а ифрит сказал ему: «Пойди с ними к султану и поднеси их ему, и он даст тебе довольно, чтобы тебя обогатить. И ради Аллаха, прими мое извинение: поистине, я не знаю сейчас ни в чем пути, так как я в этом море уже тысячу восемьсот лет и увидел поверхность земли только сию минуту. И не лови здесь рыбы больше раза в день».

И ифрит простился с рыбаком и сказал: «Не дай мне Аллах тосковать по тебе», – и потом ударил ногой об землю, и земля расступилась и поглотила его; а рыбак пошел в город, изумляясь тому, что случилось у него с ифритом и как все это было.

И он взял рыбу и, придя в свое жилище, принес лоханку, наполнил ее водой и положил туда рыбу, и рыба забилась в воде. А потом рыбак поставил лоханку на голову и направился с нею в царский дворец, как велел ему ифрит. И когда он пришел к царю и предложил ему рыбу, царь до крайности удивился рыбе, которую ему предложил рыбак, так как в жизни не видал рыбы, подобной этой по образу и виду.

«Отдайте эту рыбу девушке-стряпухе», – сказал он (а эту девушку подарил ему три дня назад царь румов, и он еще не испытал ее в стряпне); и везирь приказал ей изжарить рыбу и сказал: «О девушка, царь говорит тебе: «О слезинка, мы испытываем тебя, лишь будучи в затруднении! Покажи нам сегодня твое искусство и умение стряпать: к султану кто-то пришел с подарком».

Потом везирь вернулся к султану, дав наставление девушке, и царь велел ему выдать рыбаку четыреста динаров. И везирь выдал их рыбаку, и тот спрятал деньги в полу халата и бегом побежал домой, падая, вставая и спотыкаясь, и он думал, что это сон. И затем он купил для своего семейства все нужное и пошел к жене, веселый и радостный.

Вот что случилось с рыбаком. А с девушкой произошло

следующее. Она взяла рыбу, очистила ее и подвесила сковородку над огнем, а потом бросила на нее рыбу. И лишь только рыба подрумянилась с одной стороны, девушка перевернула ее на другую сторону, – вдруг стена кухни раздвинулась, и из нее вышла молодая женщина с прекрасным станом, овальными щеками, совершенными чертами и насурьмленными глазами, и одета она была в шелковый платок с голубой бахромой, в ушах ее были кольца, а на запястьях – пара перехватов, и на пальцах – перстни с драгоценными камнями, и в руке она держала бамбуковую трость. И женщина ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, соблюдаете ли вы договор?» И увидев это, стряпуха обмерла, а женщина повторила эти слова во второй и третий раз, – рыбы подняли головы со сковородки и сказали ясным языком: «Да, да! – и затем произнесли:

Захочешь вернуться – и я возвращусь,
Прийти пожелаешь – и я захочу.

А если покинешь – покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу»¹².

И тогда женщина перевернула сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена кухни сдвинулась, как раньше. И после этого стряпуха очнулась от обморока и увидела,

¹² Перевод Д. Самойлова.

что четыре рыбы сгорели и стали как черный уголь, и воскликнула: «С первого же набега сломалось его копьё!» – и снова упала на землю без памяти.

И когда она была в таком состоянии, вдруг вошел везирь, и этот старик увидел, что девушка, точно старуха, выжившая из ума, не отличает четверга от субботы. Он толкнул ее ногой, и она очнулась, и заплакала, и сообщила везирию о происшедшем и о том, что случилось; и везирь удивился и сказал: «Это, поистине, удивительное дело!» После этого он послал за рыбаком, и когда его привели, везирь закричал на него и сказал: «О рыбак, принеси нам четыре рыбы, как те, что ты принес!» И рыбак вышел к пруду, закинул сеть и вытянул ее, и вдруг видит: в ней четыре рыбы, подобные первым. И он взял их и принес везирию, а везирь пошел с ними к девушке и сказал: «Поднимайся и изжарь их при мне, чтобы я сам увидел, как это происходит». И девушка встала, приготовила рыбу и, подвесив сковородку, бросила туда рыбу, но едва рыба оказалась на сковородке, как стена вдруг раздвинулась, и появилась та же женщина в своем прежнем виде, и в руках у нее была трость. И она ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И вдруг все рыбы подняли головы и сказали вышеупомянутый стих, то есть:

Захочешь вернуться – и я возвращусь,
Прийти пожелаешь – и я захочу.

А если покинешь – покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу.

Когда рыбы заговорили, женщина перевернула тростью сковороду и вошла в то же место, откуда вышла, и стена опять сдвинулась. И тогда везирь поднялся на ноги и воскликнул: «Такое дело не следует скрывать от царя!» – и пошел к царю, и рассказал ему о том, что произошло и что он видел перед собою. И царь воскликнул: «Я непременно должен это видеть своими глазами». И он послал за рыбаком и велел принести четыре рыбы, такие же, как первые, и приставил к нему трех стражников; и рыбак спустился к пруду и тотчас же принес ему рыб, и царь велел дать ему четыреста динаров. Затем он обратился к везирю и сказал ему: «Вставай и изжарь рыб ты сам, здесь передо мной!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь». Он принес сковородку, и приготовил рыб, и, подвесив сковородку над огнем, бросил на нее рыб, – и вдруг стена раздвинулась, и из нее вышел черный раб, подобный горе или человеку из племени Ад, и в руках у него была ветка зеленого дерева. И раб сказал устрашающим голосом: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И рыбы подняли головы со сковородки и ответили: «Да, да, мы его соблюдаем.

Захочешь вернуться – и я возвращусь,
Прийти пожелаешь – и я захочу.

А если покинешь — покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу».

И раб приблизился к сковородке и перевернул ее веткою, что была у него в руке, и потом он пошел туда же, откуда вышел. И везирь с царем посмотрели на рыб и увидели, что они стали как уголь; и царь, оторопев, воскликнул: «О таком обстоятельстве невозможно молчать, и за этими рыбами, наверное, скрывается какое-то дело!» И он велел привести рыбака и, когда тот явился, спросил его: «Горе тебе, откуда эти рыбы?» И рыбак ответил: «Из пруда между четырех гор, под той горой, что за твоим городом». И тогда царь опять обратился к рыбаку и спросил: «В скольких днях пути?» — «Пути на полчаса, о владыка султан», — отвечал рыбак; и царь удивился и велел свите выступать и воинам тотчас же садиться на коней, и рыбак шел впереди всех, проклиная ифрита. И все поднялись на гору и спустились в такую обширную равнину, которой не видели за всю жизнь, и султан и войска изумлялись.

Они увидали равнину, и посреди нее пруд между четырех гор, и в пруду рыбу четырех цветов: красную, белую, желтую и голубую. И царь остановился, изумленный, и спросил свою свиту и присутствующих: «Видел ли кто-нибудь из вас этот пруд?» И они ответили: «Никогда, о царь времени, за всю нашу жизнь». И спросил стариков, и те отвечали: «Мы в жизни

не видели пруда на этом месте». И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не войду в мой город и не сяду на престол моего царства, пока не узнаю об этом пруде и о рыбах!»

И он приказал людям расположиться вокруг этих гор и потом позвал везиря (а это был везирь опытный и умный, проницательный и сведущий в делах) и, когда тот явился, сказал ему: «Мне хочется что-то сделать, и я расскажу тебе об этом. Я задумал уйти сегодня ночью один и узнать, что это за пруд со странными рыбами, а ты садись у входа в мою палатку и говори эмирам, везирям, придворным, и наместникам, и всем, кто будет обо мне спрашивать: «Султан нездоров и велел мне никому не давать разрешения входить к нему». И не говори никому о моем намерении». И везирь не мог прекословить царю.

Потом царь переменял одежду, опоясался мечом, и взобрался на одну из гор, и шел весь остаток ночи до утра и весь день, и зной одолел его, так как он прошел ночь и день. После этого он шел и вторую ночь до утра, и ему показалось издали что-то черное, и царь обрадовался и воскликнул: «Может быть, я найду кого-нибудь, кто мне расскажет об этом пруде и о рыбах!»

И он приблизился и увидел дворец, выстроенный из черного камня и выложенный железом, и один створ ворот был открыт, а другой заперт. И царь обрадовался, и остановился у ворот, и постучал легким стуком, но не услышал ответа, и тогда он постучал второй раз и третий, но ответа не услышал,

и после этого он ударил в ворота страшным ударом, но никто не ответил ему. «Дворец, наверное, пуст», – сказал тогда царь и, собравшись с духом, прошел через ворота дворца до портика и крикнул: «О жители дворца, тут чужестранец и путешественник, нет ли у вас чего съестного?» Он повторил эти слова второй раз и третий, но не услышал ответа; и тогда он, укрепив свое сердце мужеством, прошел из портика в середину дворца, но не нашел во дворце никого, хотя дворец был украшен шелком и звездчатыми коврами и занавесками, которые были спущены. А посреди дворца был двор с четырьмя возвышениями, одно напротив другого, и каменной скамьей и фонтаном с водоемом, над которым были четыре льва из червонного золота, извергавшие из пасти воду, подобную жемчугам и яхонтам, а вокруг дворца летали птицы, и над дворцом была золотая сетка, мешавшая им подниматься выше. И царь не увидел никого и изумился и опечалился, так как никого не нашел, у кого бы спросить об этой равнине, о пруде и о рыбах, о горах и о дворце. Затем он сел у дверей, размышляя, и вдруг услышал стон, исходящий из печального сердца, и голос, произносящий нараспев:

Когда я скрыл, чем дорожил, но сердце бушевало,
Когда бессонница очам покоя не давала,

Я страсть, возросшую во мне, призвал и ей сказал:
«Не оставляй меня в живых, срази, как сталь кинжала,

Не дай, чтоб средь трудов и бед я долго пребывал!»¹³

И когда султан услышал этот стон, он поднялся, и пошел на голос, и оказался перед занавесом, спущенным над дверью покоя. И он поднял занавес и увидел юношу, сидевшего на ложе, которое возвышалось от земли на локоть, и это был юноша прекрасный, с изящным станом и красноречивым языком, сияющим лбом и румяными щеками, и на престоле его щеки была родинка, словно кружок амбры, как сказал поэт:

Красавец стройный – ночь волос и свет чела.

При нем то словно входишь в мрак ночной, то пребываешь днем.

Прекрасней этой красоты на свете нет ничьей,

Она пленительнее всех увиденных вещей.

Что лучше родинки его на матовой щеке,

Она как роза, что плывет в зрачке, как в роднике¹⁴.

И царь обрадовался, увидя юношу, и приветствовал его, а юноша сидел, одетый в шелковый кафтан с вышивками из египетского золота, и на голове его был венец, окаймленный драгоценностями, но все же вид его был печален. И когда царь приветствовал его, юноша ответил ему наилучшим при-

¹³ Перевод Д. Самойлова.

¹⁴ Перевод Д. Самойлова.

ветствием и сказал: «О господин мой, ты выше того, чтобы пред тобой вставать, а мне да будет прощение». — «Я уже простил тебя, о юноша, — ответил царь. — Я твой гость и пришел к тебе с важным делом: я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом пруде, о рыбах, и о дворце, и о причине твоего одиночества в нем и плача». И когда юноша услышал эти слова, слезы побежали по его щекам, и он горько заплакал, так что залил себе грудь.

И царь удивился и спросил: «Что заставляет тебя плакать, о юноша?» И юноша отвечал: «Как же мне не плакать, когда я в таком состоянии?» И протянув руку к подолу, он поднял его; и вдруг оказывается: нижняя половина его каменная, а от пупка до волос на голове он — человек. И увидев юношу в таком состоянии, царь опечалился великой печалью, и огорчился, и завздыхал, и воскликнул: «О юноша, ты прибавил заботы к моей заботе! Я хотел узнать о рыбах и об их происхождении, а теперь приходится спрашивать и о них, и о тебе. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поспеши, о юноша, рассказать эту историю!»

«Отдай мне твой слух и взор», — отвечал юноша. И царь воскликнул: «Мой слух и взор здесь!» И тогда юноша сказал: «Поистине, с этими рыбами и со мной произошло удивительное дело, и будь оно даже написано иглами в уголках глаз, оно послужило бы назиданием для поучающихся». — «А как это было?» — спросил царь.

Рассказ заколдованного юноши

«О господин мой, – сказал юноша, – знай, что мой отец был царем этого города, и звали его Махмуд, владыка черных островов. Он жил на этих четырех горах и царствовал семьдесят лет; а потом мой отец скончался, и я стал султаном после него. И я взял в жены дочь моего дяди, и она полюбила меня великой любовью, так что, когда я отлучался от нее, она не ела и не пила, пока не увидит меня подле себя. Она прожила со мною пять лет, и однажды, в какой-то день, она пошла в баню, и тогда я велел повару поскорее приготовить нам что-нибудь поесть на ужин; а потом я вошел в этот покой и лег там, где мы спали, приказав двум девушкам сесть около меня; одной в головах, другой в ногах. Я расстроился из-за отсутствия жены, и сон не брал меня, – хотя глаза у меня были закрыты, душа моя бодрствовала. И я услышал, как девушка, сидевшая в головах, сказала той, что была в ногах: «О Масуда, бедный наш господин, бедная его молодость! Горе ему с нашей госпожой, этой проклятой шлюхой!» – «Да, – отвечала другая, – прокляни, Аллах, обманщиц и развратниц! Такой молодой, как наш господин, не годится для этой шлюхи, что каждую ночь ночует вне дома». А та, что была в головах, сказала: «Наш господин глупец, он опоен и не спрашивает о ней!» Но другая девушка воскликнула: «Горе тебе, разве же наш господин знает или она оставляет его с его со-

гласия? Нет, она делает что-то с кубком питья, который он выпивает каждый вечер перед сном, и кладет туда бандж, и он засыпает и не ведает, что происходит, и не знает, куда она уходит и отправляется. А она, напоив его питьем, надевает свои одежды, умащается и уходит от него и пропадает до зари. А потом приходит и курит что-то под носом у нашего господина, и он пробуждается от сна».

И когда я услышал слова девушек, у меня потемнело в глазах, и я едва верил, что пришла ночь. И моя жена вернулась из бани, и мы разложили скатерть и поели и посидели, как обычно, некоторое время за беседой, а потом она потребовала питье, которое я пил перед сном, и протянула мне кубок, и я прикинулся, будто пью его, как всегда, но вылил питье за пазуху и в ту же минуту лег и стал храпеть, как будто я сплю. И вдруг моя жена говорит: «Спи всю ночь, не вставай совсем! Клянусь Аллахом, ты мне противен, и мне ненавистен твой вид, и душе моей наскучило общение с тобой, и я не знаю, когда Аллах заберет твою душу».

Она поднялась, и надела свои лучшие одежды, и надушилась курениями, и, взяв мой меч, опоясалась им, открыла ворота дворца и вышла. И я поднялся и последовал за нею, а она вышла из дворца, и прошла по рынкам города, и достигла городских ворот, и тогда она произнесла слова, которых я не понял, и замки попадали, и ворота распахнулись. И моя жена вошла, и я последовал за ней (а она этого не замечала); и дойдя до свалок, она подошла к плетню, за которым была

хижина, построенная из кирпича, а в хижине была дверь. И моя жена вошла туда, а я влез на крышу хижины и посмотрел сверху – и вдруг вижу: дочь моего дяди подошла к черному рабу, у которого одна губа была как одеяло, другая – как башмак, и губы его подбирали песок на камнях. И он был болен проказой и лежал на обрезках тростника, одетый в дырявые лохмотья и рваные тряпки. И моя жена поцеловала перед ним землю, и раб поднял голову и сказал: «Горе тебе, чего ты до сих пор сидела? У нас были наши родные – черные – и пили вино, и каждый ушел со своей женщиной, а я не согласился пить из-за тебя».

«О господин мой, возлюбленный, о прохлада моих глаз, – отвечала она, – разве не знаешь ты, что я замужем за сыном моего дяди и мне отвратителен его вид и ненавистно общение с ним! И если бы я не боялась за тебя, я не дала бы взойти солнцу, как его город лежал бы в развалинах, где кричат совы и вороны и ютятся лисицы и волки, и камни его я перенесла бы за гору Каф».

«Ты лжешь, проклятая! – воскликнул раб. – Клянусь доблестью черных (а не думай, что наше мужество подобно мужеству белых), если ты еще раз засидишься дома до такого времени, я с того дня перестану дружить с тобой и не накрою твоего тела своим телом. О проклятая, ты играешь с нами шутки себе в удовольствие, о вонючая, о сука, о подлейшая из белых!»

И когда я услышал его слова (а я смотрел, и видел, и слы-

шал, что у них происходит), мир покрылся передо мною мраком, и я сам не знал, где я нахожусь. А дочь моего дяди стояла и плакала над рабом и унижалась перед ним, говоря ему: «О мой любимый, о плод моего сердца, если ты на меня разгневаешься, кто пожалеет меня? Если ты меня прогонишь, кто приютит меня, о мой любимый, о свет моего глаза?» И она плакала и умоляла раба, пока он не простил ее, и тогда она обрадовалась, и встала, и сняла с себя платье и рубаху, и сказала: «О господин мой, нет ли у тебя чего-нибудь, что твоя служанка могла бы поесть?» И раб отвечал: «Открой чашку, в ней вареные мышьиные кости, – съешь их; а в том горшке ты найдешь остатки пива, – выпей его». И она поднялась, и попила, и поела, и вымыла руки и рот, а потом подошла и легла с рабом на тростниковые обрезки и, обнажившись, забралась к нему под тряпки и лохмотья. И когда я увидел, что делает дочь моего дяди, я перестал сознавать себя и, спустившись с крыши хижины, вошел и взял меч, который принесла с собой дочь моего дяди, и обнажил его, намереваясь убить их обоих. Я ударил сначала раба по шее и подумал, что порешил его. И раб испустил громкое хрипение, и моя жена зашевелилась, а я повернул назад, поставил меч на место, пошел в город и, войдя во дворец, пролежал в постели до утра. И дочь моего дяди пришла и разбудила меня, и вдруг я вижу – она обрезала волосы и надела одежды печали. И она сказала: «О сын моего дяди, не препятствуй мне в том, что я делаю. До меня дошло, что моя матушка сконча-

лась и отец мой убит в священной войне, а из двух моих братьев один умер ужаленным, а другой свалился в пропасть, так что я имею право плакать и печалиться». И услышав ее слова, я смолчал и потом ответил: «Делай, что тебе вздумается, я не стану тебе прекословить». И она провела, печалась и причитая, целый год, от начала до конца, а через год сказала мне: «Я хочу построить в твоём дворце гробницу вроде купола и уединиться там с моими печальями. И я назову ее «Дом печалей». – «Делай, как тебе вздумается», – отвечал я. И она устроила себе комнату для печали и выстроила посреди нее гробницу с куполом вроде склепа, а потом она перенесла туда раба и поселила его там, а он не приносил ей никакой пользы и только пил вино. И с того дня, как я его ранил, он не говорил, но был жив, так как срок его жизни еще не кончился. И она стала каждый день ходить к нему утром и вечером, и спускалась под купол, и плакала и причитала над ним, и поила его вином и отварами по утрам и по вечерам, и поступала так до следующего года, а я был терпелив с нею и не обращал на нее внимания. Но в какой-то день я внезапно вошел к ней и увидел, что она плачет, говоря: «Почему ты скрываешься от моего взора, о услада моего сердца? Поговори со мной, душа моя, скажи мне что-нибудь! – И она произнесла такие стихи:

Что значит – я еще жива, когда разлучена с тобой?

Ведь сердце любит лишь тебя, моя душа полна тобой.

Ты тело мертвое мое возьми, возлюбленный, с собой
И там его похорони, куда заброшен ты судьбой.

И если назовешь меня, хотя бы два раза подряд,
Сухие косточки мои из-под земли заговорят»¹⁵.

Когда же она кончила говорить и плакать, я сказал ей: «О дочь моего дяди, довольно тебе печалиться! Что толку плакать? Это ведь бесполезно». – «Не препятствуй мне в том, что я делаю! Если ты будешь мне противиться, я убью себя», – сказала она; и я смолчал и оставил ее в таком положении. И она провела в печали, плаче и причитаниях еще год, а на третий год я однажды вошел к ней, разгневанный чем-то, что со мной произошло (а это мучение уже так затянулось!), и нашел дочь моего дяди у могилы под куполом, и она говорила: «О господин мой, почему ты мне не отвечаешь?»

И услышав ее слова, я стал еще более гневен, чем прежде, и воскликнул: «Ах, доколе продлится эта печаль!»

И когда дочь моего дяди услышала эти слова, она вскочила на ноги и сказала: «Горе тебе, собака! Это ты сделал со мной такое дело, и ранил возлюбленного моего сердца, и причинил боль мне и его юности. Вот уже три года, как он ни мертв ни жив!» – «О грязнейшая из шлюх и сквернейшая из развратниц, любовниц подкупленных рабов, да, это сде-

¹⁵ Перевод Д. Самойлова.

лал я!» – отвечал я, и, взяв меч в руку, я обнажил его и направил на мою жену, чтобы убить ее. Но она, услышав мои слова и увидав, что я решил ее убить, засмеялась и крикнула: «Прочь, собака! Не бывать, чтобы вернулось то, что прошло, или ожили бы мертвые! Аллах отдал мне теперь в руки того, кто со мной это сделал и из-за кого в моем сердце был неугасимый огонь и неукрываемое пламя!»

И она поднялась на ноги и, произнеся слова, которые я не понял, сказала: «Стань по моему колдовству наполовину камнем, наполовину человеком!» И я тотчас же стал таким, как ты меня видишь, и не могу ни встать, ни сесть, и я ни мертвый, ни живой. И когда я сделался таким, она заколдовала город и все его рынки и сады. А жители нашего города были четырех родов: мусульмане, христиане, евреи и маги, и она превратила их в рыб: белые рыбы – мусульмане, красные – маги, голубые – христиане, а желтые – евреи. А четыре острова она превратила в горы, окружающие пруд. И кроме того, она меня бьет, и пытается, и наносит мне по сто ударов бичом, так что течет моя кровь и растерзаны мои плечи. А после того она надевает мне на верхнюю половину тела волосяную одежду, а сверху эти роскошные одеяния». И потом юноша заплакал и произнес:

О боже, я стерплю твой приговор и рок,
Ведь я привык терпеть, пускай судьба жестока.

В беде, которую ты на меня навлек,

Прибежище одно – бессмертный род пророка¹⁶.

И царь обратился к юноше и сказал ему: «О, ты прибавил заботы к моей заботе, после того как облегчил мое горе. Но где она, о юноша, и где могила, в которой лежит раненый раб?» – «Раб лежит под куполом в своей могиле, а она – в той комнате, что напротив двери, – ответил юноша. – Она приходит сюда раз в день, когда встает солнце; и как только придет, подходит ко мне, и снимает с меня одежды, и бьет меня сотней ударов бича, и я плачу и кричу, но не могу сделать движения, чтобы оттолкнуть ее от себя. А отстегавши меня, она спускается к рабу с вином и отваром и поит его. И завтра, с утра, она придет».

«Клянусь Аллахом, о юноша, – воскликнул царь, – я не премину сделать тебе доброе дело, за которое меня будут поминать, и его запишут, и оно станет известным до конца времен!»

После этого царь сел, и они с юношей беседовали до наступления ночи и легли спать; а на заре царь поднялся и снял с себя одежду и, обнажив меч, направился в помещение, где был раб. Он увидел свечи, светильники, курильницы и сосуды для масла, и, подойдя к рабу, он ударил его один раз и убил и, взвалив его на спину, бросил в колодец, бывший во дворце. А потом он вернулся и, закутавшись в одежды раба, лег в гробницу, и его меч был с ним, вынутый из ножен на

¹⁶ Перевод Д. Самойлова.

всю длину.

И через минуту явилась проклятая колдунья, и, как только пришла, сняла одежду с сына своего дяди и, взяв бич, стала бить его. И юноша закричал: «Ах, довольно с меня того, что со мною, о дочь моего дяди! Пожалей меня, о дочь моего дяди!» Но она воскликнула: «А ты пожалел меня и оставил мне моего возлюбленного?» И она била его, пока не устала, и кровь потекла с боков юноши, а потом она надела на него волосяную рубашку, а поверх нее его одежду и после этого спустилась к рабу с кубком вина и чашкой отвара. Она спустилась под купол, и стала плакать и стонать, и сказала: «О господин мой, скажи мне что-нибудь, о господин мой, поговори со мной!

Доколе будешь ты дичиться, сторониться,
Достаточно того, что страстью я спален.

Из-за тебя одной разлука наша длится.
Зачем? Завистник мой давно уж исцелен!»¹⁷

И царь понизил голос, и заговорил заплетающимся языком на наречии черных, и сказал: «Ах, ах, нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И когда женщина услышала его слова, она вскрикнула от радости и потеряла сознание, а потом очнулась и сказала: «О господин мой,

¹⁷ Перевод Д. Самойлова.

это правда?» И царь ослабил голос и отвечал: «О проклятая, разве ты заслуживаешь, чтобы с тобой кто-нибудь говорил и разговаривал?» – «А почему же нет?» – спросила женщина. «А потому, что ты весь день терзаешь своего мужа, а он зовет на помощь и не дает мне спать от вечера до утра, проклиная тебя и меня, – сказал царь. – Он меня беспокоил и повредил мне, и если бы не это, я бы, наверное, поправился. Вот что мешало мне тебе ответить». – «С твоего разрешения я освобожу его от того, что с ним», – сказала женщина. И царь отвечал ей: «Освободи и дай нам отдых».

И она сказала: «Слушаю и повинуюсь!» – и, выйдя из-под купола во дворец, взяла чашку, наполнила ее водой и проговорила над нею что-то, и вода в чашке запузырилась, и забулькала, и стала кипеть, как кипит в котле на огне. Потом женщина обрызгала водой юношу и сказала: «Заклинаю тебя тем, что я произнесла и проговорила; если ты стал таким по моему колдовству и ухищрению, то измени этот образ на твой прежний». И вдруг юноша встряхнулся и встал на ноги, и он обрадовался своему освобождению и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!» А она сказала: «Выходи и не возвращайся сюда, иначе я тебя убью!» – и закричала на него; и юноша вышел. А женщина вернулась к куполу, сошла вниз и сказала: «О господин мой, выйди ко мне, чтобы я видела твой прекрасный образ».

И царь сказал ей слабым голосом: «Что ты сделала? Ты избавила меня от ветки, но не избавила от корня!» – «О мой господин, о мой любимый, – сказала она, – а что же есть корень?» И царь воскликнул: «Горе тебе, проклятая! Корень – жители этого города четырех островов! Каждую ночь, когда наступает полночь, рыбы поднимают головы, и вызывают о помощи, и проклинаят меня и тебя. Вот причина, мешающая моему выздоровлению. Иди же освободи их скорее и приходи, возьми меня за руку и подними меня. Здоровье уже идет ко мне».

И когда женщина услышала слова царя (а она думала, что это раб), она обрадовалась и воскликнула: «О господин мой, твой приказ на голове моей и на глазах. Во имя Аллаха!» И она встала, радостная, и побежала, и вышла к пруду, и взяла оттуда немного воды, и проговорила над нею слова непонятные, – и рыбы запрыгали, и подняли головы, и тотчас же вышли, и чары оставили жителей города, и город сделался населенным, и торговцы стали продавать и покупать, и всякий принялся за свое ремесло, и острова вновь сделались такими, какими были.

И после этого женщина-колдунья тотчас же пришла к царю и сказала ему: «О любимый, подай мне твою благородную руку и встань». И царь отвечал неслышным голосом: «Подойди ко мне ближе!» И когда она подошла вплотную, царь обнажил меч и ударил ее в грудь, и меч вышел, блистая, из ее спины. Потом царь опять ударил ее, разрубил пополам, и

кинул ее тело на землю двумя кусками, и вышел, и увидел расколдованного юношу, который стоял в ожидании его, и поздравил его со спасением. И юноша поцеловал царю руку и отблагодарил его, а царь спросил: «Будешь ли жить в твоём городе или пойдешь со мною в мой город?» – «О царь нашего времени, – отвечал юноша, – а знаешь ли ты, каково расстояние между тобою и твоим городом?» – «Два с половиной дня пути», – отвечал царь. И юноша воскликнул: «О царь, если ты спишь, проснись! Между тобою и твоим городом целый год пути для спешащего путника, и ты пришел в два с половиной дня потому, что город был заколдован. А я, царь, не покину тебя ни на мгновение ока».

Царь обрадовался и воскликнул: «Слава Аллаху, который милостиво послал мне тебя! Ты мой единственный сын, так как я за всю жизнь не имел ребенка».

И они обнялись, обрадованные до крайности, а потом пошли и пришли во дворец; и царь, который был заколдован, приказал вельможам своего царства снарядиться в путешествие и приготовить припасы и все, что требовалось по обстоятельствам. И они принялись собираться и собирались десять дней, и юноша выступил с султаном, сердце которого пылало от тоски по его городу, – как это он его оставил! И они поехали, и вместе с ними пятьдесят невольников и большие подарки, и путешествовали непрерывно, днем и ночью, в течение целого года, и Аллах предначертал им безопасность, так что они достигли города и послали известить

везиря о благополучном прибытии султана. И везирь и войска выступили, после того как их оставила надежда на возвращение царя, и войска, приблизившись к царю, облобызали перед ним землю и поздравили его с благополучным прибытием. И царь вошел и сел на престол, а потом он обратился к везирю и рассказал ему все, что случилось с юношей, и везирь, услышав о том, что с ним произошло, позддравил его со спасением; и тогда все успокоились.

И султан наградил многих людей и сказал везирю: «Позвать ко мне рыбака, что принес нам рыб». И послали к рыбаку, который был причиною освобождения жителей города, и его привели, и царь его наградил и расспросил, каково его положение и есть ли у него дети. И рыбак рассказал, что у него есть две дочери и сын, и царь велел привести их и женился на одной, а юноше дал другую дочь, сына же рыбака сделал казначеем. Потом он дал назначение везирю и послал его султаном в город юноши, то есть на черные острова, и отослал с ним тех пятьдесят невольников, что пришли вместе с ним, и дал ему награды для всех эмиров. И везирь поцеловал ему руки и в тот же час и минуту выступил, а царь и юноша остались. Что же до рыбака, то он сделался самым богатым человеком своего времени, а его дочери были женами царей, пока не пришла к ним смерть».

Сказка о горбуне

А когда наступила следующая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия в одном китайском городе портной, широкий на руку и любивший веселье и развлечения. Он выходил иногда вместе со своей женой на гулянье; и вот однажды они вышли в начале дня и, возвращаясь на исходе его, к вечеру, в свое жилище, увидели на дороге горбуна, вид которого мог рассмешить огорченного и разогнать заботу опечаленного. Портной и его жена подошли посмотреть на него и затем пригласили его пойти с ними в их дом и разделить в этот вечер их трапезу; и горбун согласился и пошел к ним.

И портной вышел на рынок (а подошла уже ночь), и купил жареной рыбы, хлеба, лимон и творогу, чтобы полакомиться, и, придя, положил рыбу перед горбуном. И они стали есть, и жена портного взяла большой кусок рыбы, и положила его в рот горбуну, и закрыла ему рот рукой, и сказала: «Клянусь Аллахом, ты съешь этот кусок зараз, одним духом, и я не дам тебе времени прожевать!» И горбун проглотил кусок, и в куске была крепкая кость, которая застряла у него в горле, и так как срок его жизни кончился, он тотчас же умер.

И портной воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Бедняга! Смерть пришла к нему именно так, через

наши руки!» А жена его сказала: «Что значит это промедление? Разве не слышал ты слов сказавшего:

Для чего я душу тешу, мысля, что не уроню
Горький груз забот и тягот, грусти и печали?

Разве можно прислониться к непогасшему огню?
Много тех, кто, прислонившись, душу обжигали!»¹⁸

«А что же мне делать?» – спросил ее муж; и она сказала: «Встань, возьми его на руки и накрой шелковым платком, и я пойду впереди, а ты сзади, сейчас же, вечером, и ты говори: «Это мой ребенок, а вот это – его мать; мы идем к лекарю, чтобы он посмотрел его». Услышав эти слова, портной встал и понес горбуна на руках, и жена его говорила: «Дитяtko, спаси тебя Аллах! Что у тебя болит, и в каком месте тебя поразила оспа?» И всякий, кто видел их, говорил: «С ними больной ребенок». И они все шли и спрашивали, где дом лекаря, и им указали дом врача-еврея; и они постучали в ворота, и к ним спустилась черная невольница, и открыла ворота, и посмотрела – и вдруг видит: у ворот человек, который несет ребенка, и с ним женщина. «В чем дело?» – спросила невольница; и жена портного сказала: «С нами маленький, и мы хотим, чтобы врач его посмотрел. Возьми эту четверть динара и отдай ее твоему господину – пусть он сойдет

¹⁸ Перевод Д. Самойлова.

вниз и посмотрит моего ребенка: на него напала болезнь». И невольница пошла наверх, а жена портного вошла за порог и сказала мужу: «Оставь горбуна здесь, и будем спасать наши души».

И портной поставил горбуна, прислонив его к стене, и вышел вместе со своей женой, а невольница вошла к еврею и сказала: «У ворот человек с каким-то больным, и с ними женщина. Они мне дали для тебя четверть динара, чтобы ты спустился, посмотрел его и прописал ему что-нибудь подходящее». И еврей, увидев четверть динара, обрадовался, и поспешно встал, и сошел вниз в темноте, — и едва ступил ногой на землю, как наткнулся на горбуна, который был мертв. И он воскликнул: «О великий! О Моисей и десять заповедей! О Аарон и Иисус, сын Нуна! Я, кажется, наткнулся на этого больного, и он упал вниз и умер. Как же я вынесу из дома убитого?» И он понес горбуна, и вошел с ним в дом, и сообщил об этом своей жене; а она сказала: «Чего же ты сидишь? Если ты просидишь здесь до того, как взойдет день, пропадут наши души, и моя и твоя. Поднимемся с ним на крышу и кинем его в дом нашего соседа-мусульманина». А соседом еврея был надсмотрщик, начальник кухни султана, и он часто приносил домой сало, и его съедали кошки и мыши, а если попадался хороший курдюк, собаки спускались с крыш и утаскивали его, и они очень вредили надсмотрщику, портя все, что он приносил.

И вот еврей и его жена поднялись на крышу, неся горба-

того, и опустили его на землю. Они оставили его, прислонив вплотную к стене, и, спустив его, ушли; и не успели они опустить горбуна, как надсмотрщик подошел к дому, и отпер его, и вошел с зажженной свечкой. Войдя в дом, он увидел человека, стоящего в углу, под вытяжной трубой, и сказал: «Ох, хорошо, клянусь Аллахом! Тот, кто крадет мои запасы, — оказывается, человек!» И, обернувшись к нему, надсмотрщик воскликнул: «Это мясо и сало таскаешь ты, а я думал, что это дело кошек и собак! И перебил всех кошек и собак на улице, и взял на себя из-за них грех, а ты, оказывается, спускаешься с крыши». И, схватив большой молоток, он взмахнул им, и подошел к горбуну, и ударил его в грудь — и увидал, что горбун умер. И надсмотрщик опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» Он испугался за себя и сказал: «Прокляни Аллах сало и курдюки! И как это гибель этого человека совершилась от моей руки?» А потом он взглянул на него — и видит: это горбатый. «Мало того, что ты горбун, ты стал еще вором и крадешь мясо и сало! — воскликнул надсмотрщик. — О покровитель, накрой меня своим благим покровом!» И он поднял горбуна на плечи, и вышел с ним из дому на исходе ночи, и нес его до начала рынка, а там он поставил его возле лавки у проулка, и бросил его, и ушел.

И вдруг появился христианин, маклер султана. Он был пьян и вышел, отправляясь в баню, так как хмель подсказал ему, что утренняя близко; и он шел покачиваясь, пока не при-

близился к горбуну. Он присел напротив него помочиться и вдруг бросил взгляд – и видит: кто-то стоит. А у христианина в начале этого вечера утащили тюрбан, и, увидя стоящего горбуна, он подумал, что тот хочет стянуть его тюрбан, и сжал кулак, и ударил его по шее. И горбун упал на землю, и христианин кликнул сторожа рынка, и от сильного опьянения бросился на горбуна, и стал бить его кулаком и душить. И сторож пришел и увидел, что христианин стоит коленями на мусульманине и колотит его, и спросил: «Что такое с ним?» – «Он хотел утащить мой тюрбан», – отвечал христианин.

«Встань, оставь его», – сказал сторож; и христианин поднялся, а сторож подошел к горбуну и увидел, что он мертвый, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо! Христианин убивает мусульманина!» Затем сторож схватил христианина и, связав ему руки, привел его в дом вали, а христианин говорил про себя: «О Мессия, о дева, как это я убил его, и как быстро он умер, от одного удара!» И хмель исчез, и пришло раздумье.

И маклер-христианин и горбун провели ночь, до утра, в доме вали, а утром вали пришел, и велел повесить убийцу, и приказал палачу кричать об этом. И для христианина сделали виселицу и поставили его под нею, и палач подошел, и накинуд на шею христианина веревку, и хотел повесить его, как вдруг надсмотрщик прошел сквозь толпу и увидел христианина, которого собирались вешать, и он растолкал и крикнул

палачу: «Не надо, это я убил его».

«За что же ты его убил?» – спросил надсмотрщика вали. И тот ответил: «Вчера вечером я пришел домой и увидел, что он спустился по трубе и украл мои припасы, и тогда я ударил его молотком в грудь, и он умер, и я снес его на рынок и поставил его в таком-то месте у такого-то проулка... – И он воскликнул: – Недостаточно мне убить мусульманина, чтобы я еще убил христианина! Не вешай никого, кроме меня!» И вали, услышав эти слова надсмотрщика, отпустил маклера-христианина и сказал палачу: «Повесь этого, согласно его признанию».

И палач снял веревку с шеи христианина и накинул ее на шею надсмотрщика: он поставил его под виселицей и хотел повесить, но вдруг врач-еврей прошел сквозь толпу и закричал людям и палачу: «Не надо! Это я один убил его вчера вечером. Я был дома, и вдруг в ворота постучали мужчина и женщина, и с ними был этот горбун, больной. Они дали моей невольнице четверть динара, и она сообщила мне об этом и отдала мне деньги, а мужчина и женщина внесли горбуна в дом, и положили его на лестницу, и ушли. И я спустился, чтобы посмотреть, и наткнулся на него в темноте, и он упал сверху лестницы и тотчас же умер. И мы с женой взяли его, и поднялись на крышу (а дом этого надсмотрщика – рядом с моим домом), и спустили его, мертвого, в вытяжную трубу в доме надсмотрщика; и когда надсмотрщик пришел, он увидел горбуна в своем доме и предположил, что это вор, и уда-

рил его молотком, и горбун упал на землю, и надсмотрщик подумал, что убил его.

Мало мне разве убить мусульманина неумышленно, чтобы я взял на свою ответственность жизнь другого мусульманина умышленно!»

Услышав слова еврея, вали сказал палачу: «Отпусти надсмотрщика и повесь еврея». И палач взял еврея и положил веревку ему на шею, но вдруг портной прошел сквозь толпу и крикнул: «Не надо! Его убил не кто иной, как я! Я днем гулял, и пришел к вечеру, и увидел этого пьяного горбуна, у которого был бубен, и он пел под него. Я пригласил его и привел к себе домой, и купил рыбы, и мы сели есть; и моя жена взяла кусок рыбы, положила его горбуну в рот и всунула ему в горло, но кость стала ему поперек горла, и он тотчас же умер. И мы с женой взяли его и принесли к дому еврея, и девушка спустилась и открыла нам ворота, и я сказал ей: «Скажи твоему господину: у ворот мужчина и женщина, и с ними больной, – поди посмотри его». И я дал ей четверть динара, и она пошла к своему господину, а я внес горбуна наверх лестницы, поставил его и ушел вместе с женой, а еврей спустился и наткнулся на горбуна – и решил, что он убил его». И портной спросил еврея: «Правда?» И тот сказал: «Да!» И тогда портной обратился к вали и сказал: «Отпусти еврея и повесь меня». И вали, услышав его слова, изумился происшествию с этим горбатым и воскликнул: «Поистине, такое дело записывают в книгах! – А потом он сказал палачу: – От-

пусти еврея и повесь портного, по его признанию». И палач подвел его и сказал: «Мы устали – одного подводим, другого подводим, а никого не вешают», – и накинул веревку на шею портного.

Вот что было с этими. Что же касается горбуна, то он, говорят, был шутом султана, и тот не мог расстаться с ним; и когда горбун напивался и пропадал эту ночь и следующий день до полудня, султан спросил о нем у кого-то из присутствующих, и ему сказали: «О владыка, его принесли к вали мертвого, и вали приказал повесить его убийцу; и когда он собирался его вешать, явился второй убийца и третий, и все говорили: «Я один убил его», и каждый рассказывал вали о причине убийства». И султан, услыша эти слова, кликнул привратника и сказал ему: «Сходи к вали и приведи их всех ко мне».

И привратник пошел и увидел, что палач собирается вешать портного, и крикнул ему: «Не надо!» Он сообщил вали, что сказал царь, и взял его с собою, а также и горбуна, которого несли, и портного, и еврея, и христианина, и надсмотрщика, – и всех их привели к царю. И вали, представ перед лицом султана, поцеловал землю и рассказал ему, что случилось со всеми, – а в повторении пользы нет. И когда царь услышал рассказ, он удивился, его взяло восхищение, и он велел записать это золотыми чернилами, и он спросил присутствующих: «Слышали ли вы что-нибудь более удивительное, чем история этого горбуна?» И тогда выступил впе-

ред христианин и сказал: «О царь, наметь время – если позволишь, я тебе расскажу о чем-то, что случилось со мною, и это удивительнее и диковиннее, чем история горбуна». – «Расскажи нам то, что ты хочешь!» – сказал царь.

Рассказ христианина

«О царь времени, – начал христианин, – когда я вступил в эти земли, я пришел с товарами, и предопределение привело меня к вам, но место моего рождения – Каир. Я из тамошних коптов и воспитывался там, и мой отец был маклером; и когда я достиг возраста мужей, мой отец скончался и я сделался маклером вместо него. И вот в один из дней я сижу и вдруг вижу – едет на осле юноша, которого нет прекрасней, одетый в роскошнейшие одежды. И увидев меня, он пожелал мне мира, а я встал из уважения к нему; и он вынул платок, в котором было немного кунжута, и спросил: «Сколько стоит ардебб вот этого?» – «Сто дирхемов», – отвечал я; и юноша сказал: «Возьми грузчиков и мерильщиков и отправляйся к Воротам Победы, в хан аль-Джавали – ты найдешь меня там». И он оставил меня, и уехал, и отдал мне кунжут с платком, где был образчик; и я обошел покупателей, и каждый ардебб принес мне сто двадцать дирхемов. И я взял с собою четырех грузчиков и отправился к юноше, которого нашел ожидающим; и увидев меня, он поднялся и открыл кладовую, и из нее взяли зерно; и когда мы его перемерили, то его оказалось пятьдесят ардеббов, на пять тысяч дирхемов. И юноша сказал: «Тебе за посредничество десять дирхемов за ардебб; получи деньги и оставь у себя четыре тысячи и пятьсот дирхемов для меня: когда я кончу прода-

вать свои запасы, я приеду и возьму у тебя деньги». И я сказал: «Хорошо!» – и поцеловал ему руки, и ушел от него, и мне досталась в этот день тысяча дирхемов.

А юноша отсутствовал месяц, и потом он пришел и спросил меня: «Где деньги?» А я встал, и приветствовал его, и спросил: «Не хочешь ли ты чего-нибудь поесть у нас?» Но он отказался и сказал: «Приготовь деньги, я приду и возьму их у тебя», – и ушел. А я приготовил ему деньги и сидел, ожидая его; и его не было месяц, и я подумал: «Этот юноша – совершенство доброты». А через месяц он приехал верхом на муле, одетый в роскошное платье и подобный луне в ночь полнолуния; и он словно вышел из бани, и лицо его было, как месяц, – с румяными щеками, блестящим лбом и родинкой, словно кружок амбры.

И увидев его, я поцеловал ему руки, и поднялся перед ним, и призвал на него благословение, и спросил: «О господин, не возьмешь ли ты свои деньги?» И юноша ответил: «А зачем торопиться? Я кончу свои дела и возьму их у тебя», – и ушел. А я воскликнул: «Клянусь Аллахом, когда он в следующий раз придет, я непременно приглашу его, так как я торговал на его дирхемы и добыл через них большие деньги!»

А когда наступил конец года, он приехал, одетый в еще более роскошное платье, чем прежде; и я стал заклинать его зайти ко мне и отведать моего угощения. И юноша сказал: «С условием, чтобы то, что ты на меня потратишь, было из моих денег, которые у тебя». И я сказал: «Хорошо!» – и по-

садил его, и сходил и приготовил какие следует кушанья и напитки и прочее, и принес это ему, и сказал: «Во имя Аллаха!» И юноша подошел к столу и, протянув свою левую руку, стал со мною есть, – и я удивился этому. А когда мы кончили, я вымыл его руку и дал ему чем ее вытереть, и мы сели за беседу, после того как я поставил перед ним сладости. И тогда я сказал: «О господин мой, облегчи мою заботу: почему ты ел левой рукой? Может быть, у тебя на руке что-нибудь болит?» И услышав мои слова, юноша произнес:

О том, что на сердце лежит, не спрашивай, мой друг,
Не то отверзнется печаль, откроется недуг,

Не по желанью своему расстался я с любимой,
Нет! Нас велье развело судьбы неумолимой¹⁹.

И он вынул руку из рукава, и вдруг я вижу – она обрубленная, запястье без кисти. И я удивился этому, а юноша сказал мне: «Не дивись и не говори в душе, что я ел с тобой левой рукой из чванства, отсечению моей правой руки есть диковинная причина». – «А что же причиною этому?» – спросил я; и юноша сказал: «Знай, что я из уроженцев Багдада, и мой отец там был знатен; и когда я достиг возраста мужей, я услышал рассказы странников, путешественников и купцов о египетских землях, и это осталось у меня в сердце. И когда

¹⁹ Перевод Д. Самойлова.

мой отец умер, я взял много товаров и багдадских и мосульских и, собрав все это, выехал из Багдада; и Аллах предназначал мне благополучие, и я вступил в этот наш город. – И потом он заплакал и произнес:

Порой незрячий избежит и обойдет канавы,
В какие зрячий попадет, ловушки не заметив.

Бывает – избежит глупец словес, что так лукавы,
И в них запутается тот, кто не был опрометчив.

Благочестивому с трудом дается хлеб насущный,
А греховодник схватит кус рукою загрешной.

Как человеку поступать, что делать человеку?
Вершить, что суждено ему судьбою всемогущей»²⁰.

А окончив эти стихи, он сказал: «И я прибыл в Каир, и сложил ткани в хане Масрура, и, отвязав свои тюки, вынес их, и дал слуге денег, чтобы купить нам чего-нибудь поесть, и немного поспал; а поднявшись, я прошелся по улице Бейн аль-Касрейн, и вернулся, и проспал ночь. А наутро я встал, и вскрыл тюк с тканями, и сказал себе: «Пойду пройдуся по рынкам и посмотрю, как обстоят там дела!» И я взял кое-какие ткани, и дал их отнести одному из моих слуг, и пошел на рынок Джирджиса, и маклеры встретили меня (а они узнали

²⁰ Перевод Д. Самойлова.

о моем прибытии), и взяли у меня ткани, и стали кричать, предлагая их; но они не принесли даже своей цены, и я огорчился этим. И староста маклеров сказал мне: «О господин, я знаю что-то, от чего тебе будет прибыль. Сделай так, как делают купцы, и отдай твои ткани в долг на несколько месяцев при писце, свидетеле и меняле. Ты будешь получать деньги каждый четверг и понедельник и наживешь дирхемы: на каждый дирхем два, и, кроме того, посмотришь Каир и Нил».

И я сказал: «Это правильная мысль!» – и, взяв с собою маклеров, отправился в хан, а они забрали ткани на рынок, и я продал их, и записал за ними цену, и отдал бумажку меняле, взяв у него расписку, и вернулся в хан. И я провел много дней, ежедневно, в течение месяца, завтракая с кубком вина и посылая за мясом барашка и сладостями; и наступил тот месяц, когда мне следовало получать, и каждый четверг и понедельник я отправлялся на рынок и садился возле лавок купцов, а меняла и писец уходили и приносили деньги после полудня, а я пересчитывал их, запечатывал кошельки, брал деньги и уходил в хан. И вот в один из дней (а это был понедельник) я вошел в баню, и, вернувшись в хан, отправился в свое помещение, и позавтракал с кубком вина, и поспал, а проснувшись, я съел курицу, и надушился, и пошел в лавку одного купца, которого звали Бадр ад-Дин аль-Бустани. И увидев меня, он сказал мне: «Добро пожаловать!» – и разговаривал со мной некоторое время, пока не открылся рынок.

И вдруг подошла женщина с гибким станом и гордой походкой, в великолепном головном платке, распространявшая благоухание; и она подняла покрывало, и я увидел ее черные глаза, а женщина приветствовала Бадр ад-Дина, и тот ответил ей на приветствие и стоял, беседуя с нею; и когда я услышал ее речь, любовь к ней овладела моим сердцем. А она сказала Бадр ад-Дину: «Есть у тебя отрез разрисованной ткани с золотыми прошивками?» И он вынул ей отрез из тех кусков, которые купил у меня, и они сошлись в цене на тысяче двухстах дирхемах. «Я возьму кусок, и уйду, и пришлю тебе деньги», – сказала тогда женщина купцу; но он возразил: «Нельзя, госпожа, вот владелец ткани, и я связан перед ним сроком». – «Горе тебе! – воскликнула женщина. – Я привыкла брать у тебя всякий кусок ткани за много денег, и даю тебе нажить больше того, что ты хочешь, и присылаю тебе деньги». А купец отвечал: «Да, но я принужден расплатиться сегодня же». И тогда она взяла кусок, и бросила его в лицо Бадр ад-Дину, и воскликнула: «Ваше племя никому не знает цены!» И встала. С ее уходом я почувствовал, что моя душа ушла с нею. И я поднялся, и остановил ее, и сказал: «О госпожа, сделай милость, обрати ко мне свои благородные шаги!» И она воротилась, и улыбнулась, и сказала: «О, ради тебя возвращаюсь», – и села напротив, возле лавки.

И я спросил Бадр ад-Дина: «За сколько ты купил этот кусок?» – «За тысячу сто дирхемов», – отвечал он; и я сказал: «Тебе будет еще сто дирхемов прибыли; дай бумагу, я

напишу тебе расписку на эту цену». И я взял кусок ткани, и написал Бадр ад-Дину расписку своей рукой, и отдал женщине, и сказал ей: «Возьми и иди; и если хочешь, принеси деньги в следующий рыночный день, а если пожелаешь – это тебе подарок, как моей гостье». – «Да воздаст тебе Аллах благом и да пошлет тебе мои деньги и сделает тебя моим мужем!» – сказала женщина (и Аллах внял ее молитве). А я воскликнул: «О госпожа, считай этот отрез твоим, и тебе будет еще такой же, но дай мне посмотреть на твое лицо». И когда я взглянул ей в лицо взглядом, вызвавшим во мне тысячу вздохов, любовь к ней привязалась к моему сердцу, и я перестал владеть своим умом. А потом она опустила покрывало, и взяла отрез, и сказала: «О господин, не заставляй меня тосковать!» – и ушла; а я просидел на рынке до послеполуденного времени, и ум мой исчез, и любовь овладела мною. И от силы охватившей меня любви я поднялся и спросил купца об этой женщине, и он сказал: «У нее есть деньги. Она дочь одного эмира, и отец ее умер и оставил ей большое богатство».

И я простился с ним, и ушел, и пришел в хан, и мне подали ужин, но я вспомнил о той женщине, и не стал ничего есть, и лег спать. Но сон не шел ко мне; и я не спал до утра, и встал, и надел не ту одежду, что была на мне раньше, и выпил кубок вина, и поел немного на завтрак, и пошел в лавку того купца. Я приветствовал его и сел у него, и молодая женщина, как обычно, пришла, одетая еще более роскошно, чем

раньше, и с ней была невольница. И она поздоровалась со мной, а не с Бадр ад-Дином, и сказала красноречивым языком, нежнее и слаще которого я не слышал: «Пошли со мной кого-нибудь, чтобы взять тысячу и двести дирхемов – плату за кусок ткани». – «А что же торопиться?» – сказал я ей, и она воскликнула: «Да не лишимся мы тебя!» – и отдала мне деньги; и я сидел и разговаривал с нею. И я сделал ей знак, и она поняла, что я хочу обладать ею, и встала поспешно, испуганная, а мое сердце было привязано к ней. И я вышел с рынка следом за ней, и вдруг ко мне подошла девушка и сказала: «О господин, поговори с моей госпожой!» И я изумился и сказал: «Меня никто здесь не знает». Но девушка воскликнула: «О господин, как ты скоро ее забыл! Моя госпожа – та, что была сегодня в лавке такого-то купца». И я пошел с девушкой на рынок менял; и увидев меня, ее госпожа привлекла меня к себе и сказала: «О мой любимый, ты проник мне в душу, и любовь к тебе овладела моим сердцем, и с той минуты, как я тебя увидела, мне не был приятен ни сон, ни питье, ни пища». – «У меня в душе во много раз больше этого, и положение избавляет от нужды сетовать», – ответил я. И она спросила: «О любимый, у меня или же у тебя?» – «Я здесь человек чужой, – отвечал я, – и негде мне приютиться, кроме хана. Если сделаешь милость – пусть будет у тебя». И она сказала: «Хорошо; но сегодня канун пятницы и ничего не может получиться, – разве только завтра, после молитвы. Помолись, сядь на осла и спрашивай квартал аль-Хаббания,

а когда приедешь, спроси, где дом Бараката-начальника, по прозвищу Абу Шама, — я там живу. И не медли, я жду тебя».

И я обрадовался великою радостью, и потом мы расстались; и я пришел в хан, где я жил, и провел ночь без сна, и не верил, что заря заблестала. И я встал и переменял одежду, и умастился, и надушился, и, взяв с собой пятьдесят динаров в платке, прошел от хана Масрура до ворот Зувейле, а там сел на осла и сказал его владельцу: «Отвези меня в аль-Хаббанию». И он доехал в мгновение ока и очень скоро остановился у ворот в квартал, называемый квартал аль-Мункари; и я сказал ему: «Зайди в квартал и спроси дом начальника». И ослитник ушел, и недолго отсутствовал, и, вернувшись, сказал: «Заходи!» И я сказал ему: «Иди впереди меня к дому! Рано утром приедешь сюда и отвезешь меня», — сказал я потом ослитнику; и он отвечал: «Во имя Аллаха!» И я дал ему четверть динара золотом.

И ко мне вышли две молоденькие девушки, высокогрудые девы, подобные лунам, и сказали мне: «Входи, наша госпожа тебя ожидает! Она не спала ночь, радуясь тебе». И я вошел в верхнее помещение с семью дверями, вокруг которого шли окна, выходившие в сад, где были всевозможные плоды, и поноводные каналы, и поющие птицы; и комната была выбелена султанской известкой, в которой человек видел свое лицо, а потолок был покрыт золотыми надписями, написанными лазурью, которые заключали прекрасные словословия и сияли смотрящим. А пол в комнате был выстлан

мрамором, и посреди был водоем, по краям которого находились птицы, литые из золота и извергавшие воду, похожую на жемчуг и яхонты; и помещение было устлано разноцветными шелковыми коврами и уставлено скамейками. И войдя, я сел, и не успел я очнуться, как та женщина уже подошла – в венце, окаймленном жемчугом и драгоценностями, разрисованная и расписанная. И увидев меня, она улыбнулась мне в лицо, и обняла меня, и прижала к своей груди и, приложив рот к моему рту, стала сосать мой язык; и я делал так же. И она сказала: «Это правда? Ты пришел ко мне?» И я отвечал ей: «Я твой раб!» А она воскликнула: «Привет, добро пожаловать! Клянусь Аллахом, с того дня, как я тебя увидела, не был мне сладок сон и приятно кушанье». – «И мне также», – отвечал я; и мы сели и стали разговаривать, и я держал голову опущенной к земле от стыда. И вскоре мне подали на скатерти роскошнейшие кушанья: мясо в уксусе, поджаренную тыкву в пчелином меду и курицу с начинкой, и я поел с ней, и мы насытились, и мне подали таз и кувшин, и я вымыл руки; а потом мы надушились розовой водой с мускусом и сидели разговаривая, и она произнесла такие стихи:

Когда б мы знали, что придете к нам,
Мы б под ноги зрачки стелили вам,

Мы щеки по земле бы расстелили,

И вы б прошли по векам и сердцам!²¹

И она жаловалась на то, что испытала, и я жаловался ей на то, что испытал, и любовь к ней овладела мною, и все деньги сделались для меня ничтожны. И мы играли, возились и целовались, пока не подошла ночь, и тогда девушки подали нам кушанье и вино, и вдруг вижу – это целый пир! И мы пили до полуночи, а затем легли и заснули, и я проспал с ней до утра и в жизни не видел ночи, подобной этой. Когда же настало утро, я поднялся и бросил ей под постель платок, в котором были динары, и простился с ней и вышел, а она заплакала и сказала: «О господин мой, когда я опять увижу это прекрасное лицо?» И я сказал ей: «Я буду у тебя вечером». А выйдя, я нашел ослиатника, привезшего меня вчера, который ждал меня у ворот, и сел с ним, и приехал в хан Масрура, и сошел, и дал ослиатнику полдинара, и сказал ему: «Приходи опять ко времени заката!» И он отвечал: «Хорошо!» И я позавтракал и пошел взыскивать деньги за ткани, а потом возвратился и приготовил ей жареного ягненка и сладостей, а затем позвал носильщика, положил все это в корзину, заплатил ему, и вернулся к своим делам, и был занят до захода солнца.

А на закате ослиатник пришел ко мне, и я взял пятьдесят динаров, положил их в платок и пошел к ней; и я увидел, что там вытерли мрамор, и начистили медь, и заправили све-

²¹ Перевод Д. Самойлова.

тильники, зажгли свечи, разложили кушанья и процедили вино. И при виде меня моя возлюбленная закинула руки мне на шею и воскликнула: «Ты заставил меня тосковать!» А затем подали столы, и мы ели, пока не насытились, и девушки убрали столы и поставили вино. И мы пили не переставая до полуночи, а потом перешли в спальню и проспали до утра; и я поднялся, и дал ей, как обычно, пятьдесят динаров, и вышел от нее. И я увидел ослятника, и поехал в хан, и поспал немного, а затем я встал и собрал ужин, и приготовил орехи, и миндаль к рисовому пилаву, и жареный аронник, и взял свежих и сушеных плодов на закуску и цветов – и отослал ей это; и зайдя домой, взял пятьдесят динаров в платке, и вышел, и, как обычно, поехал с ослятником к ее дому. И я вошел, и мы поели и попили и спали до утра, а потом я поднялся, и бросил ей платок, и, как всегда, поехал в хан. И так продолжалось некоторое время; и вот однажды я провел ночь и проснулся, не имея ни дирхема, ни динара. И я сказал себе: «Все это дело сатаны! – и произнес такие стихи:

В его очах свет застит нищета,
Он сам желтее солнца при закате.

Уйдет – и все подумают, что кстати.
Придет – уж все разобраны места.

Блуждает он среди людского рынка,
В степи исходит горькою слезой.

Клянусь Аллахом, человек – соринка,
Он нищетой томим и всем чужой!»²²

И я вышел из хана, и прошел по улице Бейн аль-Касрейн, и дошел до самых ворот Зувейле, и я увидел, что люди стоят толпой и ворота забиты множеством народа. И по предопределенному велению я увидел солдата и невольно прижал его, и моя рука оказалась у его кармана, и я потрогал его и нащупал кошелек в том кармане, на котором лежала моя рука. И я почувствовал, что моя рука касается кошелька, и взял его из кармана солдата. И солдат заметил, что его карман стал легким, и положил туда руку, но ничего не нашел там; и он обернулся ко мне и, подняв руку с дубиной, ударил меня по голове, и я упал на землю. И люди окружили нас, и схватили за уздечку лошадь солдата, и сказали: «Из-за тесноты ты ударил этого юношу таким ударом!» Но солдат закричал на них и сказал: «Это проклятый вор!» И тут я очнулся и услышал, что люди говорят: «Это красивый юноша, он ничего не взял!» Некоторые верили, а другие не верили, и толки и пересуды умножились.

И люди потащили меня и хотели меня освободить из рук солдата; и по предопределенному велению вдруг въехали в ворота вали и начальник и стражники, и они увидели, что народ собрался около меня и солдата. И вали спросил: «В

²² Перевод Д. Самойлова.

чем дело?» И солдат сказал: «Клянусь Аллахом, господин, это вор! У меня в кармане был голубой кошель с двадцатью динарами, и он взял его, когда я был в толпе». — «А был с тобой кто-нибудь?» — спросил вали у солдата; и солдат ответил: «Нет!» И тогда вали кликнул начальника, и тот схватил меня, и покров Аллаха был с меня снят. И вали сказал начальнику: «Раздеть его!» И когда меня раздели, кошель нашли в моем платье. А когда кошель нашли, вали взял его, и открыл, и пересчитал деньги, и увидел, что в нем двадцать динаров, как и сказал солдат.

И вали рассердился и кликнул стражников, и меня подвели к нему, и он спросил: «О юноша, скажи правду, ты украл этот кошелек?» И я опустил голову к земле и сказал про себя: «Если скажу «не украл», — но ведь он вытащил его из моего платья; а если скажу «украл» — испытаю мучение». И я поднял голову и сказал: «Да, я взял его». И услышав от меня эти слова, вали удивился и позвал свидетелей, и они явились и засвидетельствовали мои слова, — и все это происходило у ворот Зувейле. И вали отдал приказ палачу, и тот отрубил мне правую руку; и сердце солдата смягчилось, и он заступился за меня, и вали оставил меня и уехал. А люди остались около меня и дали мне выпить кубок вина, а солдат отдал мне кошель и сказал: «Ты красивый юноша, не должно тебе быть вором». И после этого я произнес:

Клянусь Аллахом, брат, что не был я злодей

И злоумышленник, о лучший из людей.

Внезапная судьба меня ошеломила,
И горе возросло, и бедность надломила.

Нет, сам я не стрелок – Аллахова стрела
Венец величия с главы моей сняла²³.

И солдат оставил меня и ушел, отдав мне кошель, и я тоже ушел, и завернул свою руку в тряпку, и положил ее за пазуху; и мое состояние расстроилось, и цвет лица пожелтел из-за того, что со мной случилось. И я дошел до дома той женщины, будучи нездоров, и бросился на постель; и женщина увидела, что у меня изменился цвет лица, и спросила: «Что у тебя болит и почему ты, я вижу, расстроен?» – «У меня болит голова, и мне нехорошо», – отвечал я. И тогда она разгневалась, и обеспокоилась за меня, и воскликнула: «Не сжигай моего сердца, господин мой! Сядь, подними голову и расскажи мне, что произошло с тобой сегодня. Мне видны на твоём лице многие слова». – «Избавь меня от разговоров», – сказал я. И она заплакала и воскликнула: «Ты как будто бы больше не хочешь меня! Я вижу, что ты не такой, как обычно». И я промолчал, а она стала разговаривать со мной, но я не отвечал ей.

А когда подошла ночь, она подала мне кушанье, но я отказался от него, боясь, что она увидит, что я ем левой ру-

²³ Перевод Д. Самойлова.

кой, и сказал: «Я не хочу сейчас есть!» – «Расскажи мне, что произошло с тобою сегодня и почему ты озабочен и разбиты твое сердце и душа», – сказала она. И я ответил: «Сейчас я расскажу тебе не торопясь». И она подала мне вина и сказала: «Вот тебе, это разгонит твою заботу! Непременно выпей и расскажи мне, что случилось». – «Я обязательно должен рассказать тебе?» – спросил я; и она ответила: «Да!» И тогда я сказал: «Если это непременно должно быть, напои меня твоей рукой». И она наполнила кубок, и я выпил его, и она наполнила его снова и протянула мне, и я принял его от нее левой рукой, и слезы побежали из моих глаз. И я произнес:

Коли Аллах захочет унижить человека,
В котором есть и разум, и зрение, и слух,

Отнимет очи, уши, и вот уж ты – калека:
Твой разум перевернут, с затылка содран пух.

Но, приговор исполнив, он лечит от страданья
И возвращает разум, как будто в назиданье²⁴.

И окончив стихи, я взял кубок левой рукой и заплакал, и она издала громкий крик и спросила: «Отчего ты плачешь? Ты сжег мне сердце! Почему ты взял кубок левой рукой?» – «У меня на руке чирей», – отвечал я ей; и она сказала: «Вынь ее, я тебе его проткну». Но я сказал: «Теперь не время его

²⁴ Перевод Д. Самойлова.

вскрывать! Не надоедай мне! Я не выну сейчас руки!»

Затем я выпил кубок, и она до тех пор поила меня, пока меня не одолел хмель и я не заснул на месте, и тогда она увидела мою руку без кисти и, обыскав меня, нашла у меня кошель с золотом; и ее охватила такая печаль, какая еще не охватывала никого, и она страдала из-за меня до утра. А пробудившись от сна, я увидел, что она приготовила мне отвар, и подала его, – и вдруг я вижу, он из четырех куриц! – и дала мне выпить кубок вина; и я поел и выпил, и положил кошель, как обычно, и хотел выйти, но она спросила: «Куда идешь?» – «В одно место, куда мне надо пойти», – отвечал я. Но она сказала: «Не уходи, садись!»

И когда я сел, она воскликнула: «Так твоя любовь дошла до того, что ты истратил все деньги и лишился кисти? Свидетельствую перед тобой, – и свидетель тому Аллах! – что я с тобой не расстанусь! Ты скоро убедишься в истинности моих слов!» И она послала за свидетелями и, когда они явились, сказала им: «Напишите мою брачную запись с этим юношей и засвидетельствуйте, что я получила приданое». И они засвидетельствовали мой брачный договор с нею, и после того она сказала: «Засвидетельствуйте, что все мои деньги, которые в этом сундуке, и все, какие у меня есть, рабы и невольницы принадлежат этому юноше».

И они засвидетельствовали это, и я принял дарственную, и они ушли, получив сначала свою плату; а после этого она взяла меня за руку и, поставив меня около кладовой, откры-

ла большой сундук и сказала мне: «Посмотри, что в сундуке». И я посмотрел – и вижу: он полон платков; и она сказала: «Это твои деньги, которые я брала у тебя. Всякий раз, как ты давал мне платок с пятьюдесятью динарами, я складывала его и бросала в этот сундук. Возьми свои деньги, они вернулись к тебе, и ты сегодня богат. Судьба поразила тебя из-за меня: ты потерял свою правую руку, – и я не могу возместить тебе этого. Даже если бы я пожертвовала своей душой, этого было бы мало; и у тебя надо мной преимущество. – И она сказала мне: – Получи свои деньги». И я перенес ее сундук к своему и положил ее деньги к своим деньгам, которые я давал ей, и мое сердце возрадовалось, и моя забота рассеялась. И я поцеловал мою жену и поблагодарил ее, а она сказала: «Ты пожертвовал своей рукой из любви ко мне! Как я могу возместить тебе это? Клянусь Аллахом, если бы я отдала из любви к тебе свою душу, этого, наверное, было бы мало, и я не в состоянии должным образом воздать тебе».

После этого она отписала мне особою крепостью все, какие имела, носильные платья, и драгоценности, и вещи и провела эту ночь озабоченная моей заботой; и я рассказал ей все, что со мной случилось, и провел с нею ночь. И когда прошло меньше месяца, ее слабость увеличилась и болезнь ее усилилась, и, проживши только пятьдесят дней, она оказалась среди обитателей того света. И я обрядил ее, и похоронил в земле, и устроил над нею чтения Корана, и роздал за нее в виде милостыни много денег. А выйдя из ее склепа,

я увидал, что ей принадлежат большие богатства, владения и поместья; и в числе ее складов был склад кунжута, часть которого я продал тебе, и я потому не посещал тебя в течение этого времени, что продавал остальные запасы и все, что было в кладовых, и я до сих пор еще не получил всех денег. Не возражай же против того, что я тебе скажу, так как я поел твоей пищи: я дарю тебе деньги за кунжут, который находится у тебя. Вот причина отсечения моей правой руки и того, что я ел левой рукой».

«Ты был милостив и благодетелен», – сказал я ему. И он спросил: «Не хочешь ли ты отправиться со мной в мои земли? Я накупил товаров каирских и александрийских, и, может быть, ты согласишься сопровождать меня?» – «Хорошо, – сказал я и назначил ему сроком начало месяца, а затем я продал все, что имел, и купил других товаров, и отправился вместе с юношей в эти земли, то есть в вашу страну. И юноша продал товары и купил вместо них другие в вашей стране и отправился в земли египетские, а мне на долю выпало побывать этой ночью здесь, – и со мной случилось на чужбине то, что случилось. Не удивительней ли это, о царь нашего времени, чем то, что произошло с горбуном?»

«Вас всех необходимо повесить», – сказал царь.

Тогда надсмотрщик подошел к царю Китая и молвил: «Если ты мне поверишь, я расскажу тебе историю, приключившуюся со мной за это время, раньше, чем я нашел этого горбуна, и если она будет удивительнее его истории, подаришь

ли ты нам наши души?» – «Хорошо», – отвечал царь. И надсмотрщик сказал:

Рассказ надсмотрщика

«Знай, что в прошлый вечер я был в одном собрании, где устроили чтение Корана и собрали законоведов; и когда чтецы прочитали и кончили, накрыли стол, и среди того, что подали, был засахаренный миндаль в уксусе. И мы подошли и начали есть миндаль, но один из нас отошел и не стал есть его, и хотя мы заклинали его, он поклялся, что не будет есть миндаль. Мы все же заставляли его, и он воскликнул: «Не принуждайте меня, довольно того, что со мной случилось из-за того, что я поел миндаля! – И потом он произнес:

Коль в речи друга что-то ранит слух,
Наверное, тебе не нужен этот друг»²⁵.

А когда он кончил, мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, почему ты отказываешься есть миндаль?» И он ответил: «Если я уж непременно должен поесть его, то я его поем только после того, как вымою руки сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щелоком, – а всего сто двадцать раз». И тогда хозяин пира приказал своим слугам принести воды и того, что требовал юноша, и тот вымыл руки так, как сказал я, а после того он подошел, и сел, и протянул руку, как бы испуганный, и с отвращением коснулся миндаля и стал есть,

²⁵ Перевод Д. Самойлова.

заставляя себя. И мы пришли от этого в крайнее удивление. И рука юноши дрожала, и он выставил большой палец своей руки, — и вдруг мы видим: он обрублен и юноша ест четыре-мя пальцами.

И мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, что с твоим большим пальцем? Он так и создан Аллахом или его постигло несчастье?» И юноша отвечал: «О братья, таков не один этот большой палец, но и другой, и на обеих ногах тоже. Да вот, посмотрите». И он обнажил большой палец на своей другой руке, и мы увидели, что он такой же, как на правой, и ноги его тоже без больших пальцев. И увидев, что это так, мы еще больше удивились и сказали ему: «Нам не терпится узнать твою историю, и почему отсечены твои пальцы, и зачем ты вымыл руки сто двадцать раз!»

«Знайте, — сказал тогда юноша, — что мой родитель был купец из богатых купцов Багдада во дни халифа Харуна ар-Рашида. Он страстно любил пить вино и слушать лютню и другие музыкальные инструменты и после смерти не оставил ничего. И я обрядил его, и устроил чтения, и тосковал по нем дни и ночи, а затем я открыл его лавку и увидел, что после него осталось лишь немного, и обнаружил за ним долги. Я уговорил займодавцев подождать, и смягчил их сердца, и стал торговать от пятницы до пятницы, и отдавал займодавцам; и таким образом продолжалось некоторое время, пока я не уплатил долги сполна, и я увеличивал свой капитал в течение дней и ночей. И вот однажды, в один из дней, я сижу и

вдруг неожиданно вижу молодую женщину, прекрасней которой не видали мои глаза, и на ней украшения и драгоценности, и она едет на муле, и впереди нее раб и сзади раб. И она остановила мула у входа на рынок и вошла, и евнух последовал за ней и сказал: «О госпожа, входи и не дай никому узнать, что ты здесь, – ты разожжешь против нас огонь гнева». И евнух заслонял ее, пока она смотрела лавки купцов, и она не нашла никого, кто бы уже открыл свою лавку, кроме меня, и подошла, и евнух следом за ней, и села возле моей лавки, и приветствовала меня, – и я не слыхивал ничего прекраснее ее слов и нежнее ее речей. А потом она открыла свое лицо, и я увидел, что оно подобно месяцу, и я посмотрел на нее взглядом, вызвавшим у меня тысячу вздохов, и любовь к ней привязалась к моему сердцу. И я стал еще и еще взглядывать ей в лицо и произнес:

Скажи красавице в узорном покрывале:
«Воистину лишь смерть дарует мне покой.

Свиданье подари, уйми мои печали —
Стою перед тобой с протянутой рукой»²⁶.

И, услышав эти стихи, она ответила словами поэта:

Предав любовь к тебе, я сердце загублю,
Оно живет тобой, любовь к тебе лелеет.

²⁶ Перевод Д. Самойлова.

Коль отвлечется глаз от той, кого люблю,
Пусть больше никогда тебя он не узреет.

Я клятву дал навек любви не изменить,
И сердце от такой любви не уцелеет.

Из чаши чистоты мне довелось испить.
О, если б мы с тобой оттуда вместе пили!

О, если бы мой вздох с твоим соединить,
Молил бы я, чтоб там меня похоронили!

И если имя там мое произнести,
То отзовется прах, закопанный в могиле.

Вы спросите его: «Что хочешь? Возвести!»
«Чтобы она и бог меня благословили!»²⁷

А окончив стихи, она спросила: «О юноша, есть ли у тебя красивые ткани?» И я отвечал: «Госпожа, твой раб беден, но подожди, пока купцы откроют лавки, и я принесу тебе то, что ты хочешь». И затем я стал с нею разговаривать, и погрузился в море влюбленности, и блуждал на путях любви к ней, пока купцы не открыли лавки, и тогда я поднялся и взял для нее все, что она потребовала, а цена за это была пять тысяч дирхемов. И женщина отдала ткани евнуху, и евнух

²⁷ Перевод Д. Самойлова.

взял их, и они вышли из рынка, и ей подвели мула; и она уехала, не сказав мне, откуда она, а я постыдился заговорить с нею об этом. И купцы обязали меня уплатить, и я принял на себя долг в пять тысяч дирхемов.

И я пришел домой, опьяненный любовью к той женщине. и мне подали ужин, и я съел кусочек – и вспомнил об ее красоте и прелести, и хотел уснуть, но сон не пришел ко мне. И я провел в таком состоянии неделю, и купцы потребовали с меня деньги, но я уговорил их подождать еще неделю; а через неделю она вдруг приехала верхом на муле, и с нею были евнух и два раба. И она приветствовала меня и сказала: «О господин мой, мы задержали плату за ткани! Приведи меня-лу и получи деньги». И меняла пришел, и евнух выложил деньги, и я не взял их, и разговаривал с ней, пока не открылся рынок. И тогда она сказала: «Купи мне то-то и то-то». И я взял для нее у купцов, что она пожелала, и она забрала это и ушла, не заговорив со мною о деньгах; и когда она ушла, я раскаялся в этом, так как я забрал то, что она потребовала, на тысячу динаров.

И после того как она скрылась из моих глаз, я сказал про себя: «Что это за любовь? Она дала мне пять тысяч дирхемов и взяла вещей на тысячу динаров!» И я почувствовал, что мне не хватает денег для купцов, и сказал: «Купцы-то знают лишь меня одного! Эта женщина просто плутовка: она ввела меня в обман своей прелестью и красотой и, увидав, что я еще молод, посмеялась надо мной, а я не спросил, где она

живет». И я все время беспокоился, и ее отсутствие длилось больше месяца, и купцы требовали с меня и прижимали меня, и я пустил свои земли на продажу, решившись погубить свое имущество.

И однажды я сидел размышляя и не успел очнуться, как вижу – она сходит с мула у ворот рынка и входит ко мне. И при виде ее мои заботы рассеялись, и я забыл, что со мной было, а она начала беседовать со мной, ведя прекрасные речи, и сказала: «Приведи менялу и отвесь деньги», – и отдала мне с излишком плату за то, что взяла. А затем она пустилась со мной в разговоры, и я чуть не умер от счастья и радости.

И она спросила у меня: «Есть у тебя жена?» И я ответил: «Нет, я не знаю ни одной женщины», – и заплакал. «Что ты плачешь?» – спросила она; и я отвечал: «Не беда!» А потом я взял несколько динаров, и отдал их евнуху, и попросил его быть посредником в этом деле. А он засмеялся и сказал: «Она влюблена в тебя больше, чем ты в нее. Ткани, которые у тебя она купила, ей не нужны, и она сделала это только из любви к тебе. Говори с ней о чем хочешь – она не будет тебе прекословить в том, что ты скажешь». И женщина видела, как я давал евнуху деньги.

И я вернулся, и сел, и сказал ей: «Будь милостива к моему рабу и уступи ему в том, о чем он тебя попросит!» – и я высказал ей то, что было у меня на душе. И она ответила на мои слова согласием и сказала евнуху: «Ты принесешь ему мое послание»; а мне она сказала: «Сделай так, как скажет

тебе евнух». Затем она поднялась и ушла, а я вручил купцам их деньги, и им досталась прибыль, а мне на долю пришлось сожаление о том, что сведения о ней прервались; и я не спал всю ночь. Но прошло лишь немало дней, и ко мне пришел евнух, и я оказал ему уважение и спросил его о ней, и он отвечал: «Она больна». – «Разъясни мне ее обстоятельства», – попросил я евнуха; и он сказал: «Эту девушку воспитала Ситт Зубейда, жена халифа Харуна ар-Рашида, – она из ее невольниц. Она попросила у своей госпожи разрешения выходить и входить и достигла того, что стала управительницей; а затем она рассказала Ситт про себя и попросила выдать ее за тебя замуж, но Ситт сказала: «Я не сделаю этого, пока не увижу этого юношу; если он на тебя похож, я выдам тебя за него замуж». А сейчас мы хотим отвезти тебя во дворец, и если ты попадешь во дворец, то добьешься брака с нею; если же твое дело раскроется – тебе снесут голову. Что ты на это скажешь?» – «Пойду с тобой, – ответил я, – и вытерплю то, что ты мне рассказал».

И тогда евнух сказал мне: «Когда наступит вечер, пойди в мечеть, помолись и переночуй там; это та мечеть, которую выстроила Ситт Зубейда на реке Тигр». – «С любовью и охотой», – ответил я. И когда наступил вечер, я пошел в мечеть, помолился там и провел ночь, а ко времени утренней зари вдруг явились два евнуха в челноке, и с ними были пустые сундуки. Они внесли их в мечеть, и один из них удалился, а один остался; и я всмотрелся в него и вдруг вижу: это тот,

что был посредником между мною и ею. И через некоторое время к нам пришла та девушка – моя подруга; и когда она явилась, я встал и обнял ее, а она поцеловала меня и заплакала, и мы немного поговорили. А потом она взяла меня и положила в сундук, и заперла его, и затем подошла к евнуху, с которым было много вещей, и стала брать их и складывать в другие сундуки, и запирала их один за одним, пока не сложила всего. И сундуки положили в челнок и поехали, направляясь к дворцу Ситт Зубейды. И меня взяло раздумье, и я сказал про себя: «Я погиб из-за своей страсти! Достигну я желаемого или нет?»

И я стал плакать, находясь в сундуке, и взывать к Аллаху, чтобы он выручил меня из беды, а они все ехали, пока не оказались с сундуками у дверей покоев халифа, и сундук, в котором я был, понесли в числе других. И моя подруга прошла мимо нескольких евнухов, приставленных наблюдать над гаремом, и слуг и дошла до одного старого евнуха; и тот пробудился ото сна, и закричал на девушку, и спросил ее: «Что это такое в этих сундуках?» – «Они полны вещей для Ситт Зубейды», – ответила она. И евнух сказал: «Открой их один за одним, чтобы мне взглянуть, что лежит в них!» Но девушка возразила: «Зачем открывать их?» И тогда евнух закричал: «Не тяни, эти сундуки необходимо открыть!» – и поднялся, и сразу же начал открывать сундук, в котором был я. И меня понесли к евнуху, и тогда мой разум исчез, и я облился от страха, и моя вода полилась из сундука;

и девушка сказала евнуху: «О начальник, ты погубил и меня и себя и испортил вещи, стоящие десять тысяч динаров! В этом сундуке разноцветные платья и четыре манна воды Земзема, и сейчас вода потекла на одежды, которые в сундуке, и теперь в них полиняет краска». — «Бери свои сундуки и уходи», — сказал евнух, и слуги подняли мой сундук и поспешили уйти, а другие сундуки понесли вслед за моим. И когда они шли, до моих ушей вдруг донесся голос, восклицавший: «Горе, горе! Халиф, халиф!» И услышав это, я умер живьем и произнес слова, говорящий которые не смутится: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Вот беда, которую я сам себе устроил!» И я услышал, как халиф спросил невольницу, мою подругу: «Горе тебе, что у тебя в этих сундуках?» И она отвечала: «У меня в сундуках платья Ситт Зубейды». А халиф сказал: «Открой их мне!» И услышав это, я умер окончательно и подумал: «Клянусь Аллахом, этот день — последний в моей земной жизни! Если я останусь цел, то женюсь на ней и никаких разговоров, а если мое дело раскроется, мне отрубят голову! О!» И я стал говорить: «Свидетельствую, нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха». И я услышал, — продолжал юноша, — как девушка сказала: «В этих сундуках доверенные мне вещи и одежды для Ситт Зубейды, и она хочет, чтобы никто их не видел». Но халиф воскликнул: «Я непременно их открою и посмотрю, что в них!» И потом он кликнул евнухов и сказал им: «Подайте мне сундук». И я убедился, что погиб

без всякого сомнения, и мир исчез для меня. И евнухи стали подносить один сундук за другим, и халиф видел в них благовония, и ткани, и роскошные платья; и сундуки все открывали, а халиф смотрел на бывшие там платья и прочее, пока не остался лишь тот сундук, где был я. И они уже протянули руки, чтобы открыть его, но девушка поспешно подошла к халифу и сказала: «Этот сундук, который перед тобой, мы откроем только при Ситт Зубейде. Это тот, где находится ее тайна!» И услышав эти слова, халиф приказал вносить сундуки, и евнухи подошли и унесли меня в сундуке, где я был, и поставили меня посреди комнаты между сундуками (а у меня высохла слюна). И моя подруга выпустила меня и сказала: «Нет для тебя беды и страха; расправь свою грудь, и успокой свое сердце, и посиди, пока не придет Ситт Зубейда, — быть может, я достанусь тебе на долю».

И я посидел немного и вдруг вижу, приближаются десять невольниц — девы, подобные месяцу, и становятся в два ряда, за ними идут еще двадцать невольниц — высокогрудые девы, и между ними Ситт Зубейда, и она не может идти — столько на ней платьев и украшений. И когда она пришла, невольницы вокруг нее расступились, а я подошел к ней и поцеловал перед ней землю. И она сделала мне знак сесть. И я сел перед ней, а она принялась меня расспрашивать и осведомилась о моем происхождении, и я ответил ей на ее вопросы; и тогда она обрадовалась и воскликнула: «Наше воспитание не обмануло нас, девушка!»

«Знай, — сказала она мне потом, — что эта девушка у нас вместо дочери, и она — залог Аллаха, вверенный тебе». И я поцеловал перед нею землю, и Ситт Зубейда согласилась на мой брак с девушкой. И она приказала мне пробыть у них десять дней, и я провел у них это время, не видя девушки, и только одна из прислужниц приносила мне обед и ужин. А после этого срока Ситт Зубейда посоветовалась с халифом относительно моей женитьбы на ее невольнице, и халиф разрешил и приказал выдать ей десять тысяч динаров. И Ситт Зубейда послала за свидетелями и судьей и скрепила мою брачную запись с девушкой, а после этого приготовили сладости и роскошные кушанья и разнесли их по всем помещениям. Так прошло еще десять дней, а через двадцать дней девушка сходила в баню, и потом подали столик с кушаньями, в числе которых было блюдо засахаренного миндаля в уксусе, политого розовой водой с мускусом, и подрумяненные куриные грудки, и прочее, ошеломляющее ум. И клянусь Аллахом, я, не откладывая, налег на миндаль и наелся им досыта и вытер руки, но забыл их вымыть, и я сидел до тех пор, пока не наступил мрак; и зажгли свечи, и пришли певицы с бубнами, и невесту все время открывали и одаривали золотом, пока она не обошла весь дворец, а после этого ее привели и облегчили от бывших на ней одежд, и я остался с нею наедине в постели, и обнял ее, и не верил, что обладаю ею. Но она почувствовала от моих рук запах миндального кушанья и, почуяв его, издала громкий крик, и невольницы

со всех сторон прибежали к ней, а я испугался и не знал, что случилось. И невольницы спросили ее: «Что с тобой, сестрица?» И она отвечала: «Уведите от меня этого сумасшедшего! А я-то думала, что он разумен!» – «В чем же проявилось мое безумие?» – спросил я. И она воскликнула: «Сумасшедший, зачем ты поел миндаля и не вымыл руки? Клянусь Аллахом, я отплачу тебе за твой проступок! Разве может такой, как ты, обладать подобною мне!» И она взяла лежавший рядом с нею витой бич и стала бить меня им по спине и по сиденью, пока я не потерял сознание от множества ударов; а она сказала невольницам: «Возьмите его и отведите к правителю города: пусть отрежут ему руку, которую он не вымыл, поев миндаля!» И услышав эти слова, я воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Мою руку отрежут за то, что я ел миндаль и не вымыл ее!» И невольницы подошли к ней и сказали: «О сестрица, не взыщи с него на этот раз за его проступок!» Но она воскликнула: «Клянусь Аллахом, я непременно отрежу что-нибудь у него на теле!» И она ушла и исчезла на десять дней, так что я ее не видел, а через десять дней она пришла и сказала мне: «О черноликий, я научу тебя, как есть миндаль и не мыть рук!»

И она кликнула невольниц, и они связали мне руки, а девушка взяла острую бритву и отрезала мне большие пальцы, – как вы видите, господи, – и я потерял сознание. А затем она посыпала раны порошком, и кровь остановилась, и я стал говорить: «Не буду больше есть миндаля, пока не вы-

мою рук сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щелоком!» И она взяла с меня обещание, что я не стану есть миндаля раньше, чем не вымою руки так, как я сказал. И когда вы принесли этот миндаль, цвет моего лица изменился, и я про себя подумал: «Из-за этого миндаля мне отрезали большие пальцы». А раз вы меня заставили, я и сказал: «Мне непременно надо исполнить то, в чем я поклялся».

«А что было с тобою после этого?» – спросили присутствующие. И юноша ответил: «Когда я поклялся ей, ее сердце успокоилось, и я проспал с нею. И мы прожили некоторое время, а потом она сказала мне: «Нехорошо, что мы живем во дворце халифа, куда никто не вступал, кроме тебя, да и ты вошел сюда только стараниями Ситт Зубейды». И она дала мне пятьдесят тысяч динаров и сказала: «Возьми эти деньги, пойди и купи нам просторный дом».

И я вышел и купил просторный дом, красивый и вместительный, и она перенесла туда все бывшие у нее в доме ценности и скопленные ею богатства, ткани и редкости. Вот причина того, что мне отрезали большие пальцы».

И мы поели и ушли, а после этого с горбуном случилось то, что случилось, и вот мой рассказ, и больше ничего».

«Это не удивительнее, чем история горбуна; напротив, история горбуна удивительней этого, и всех вас необходимо повесить», – сказал царь. И тогда выступил вперед еврей, поцеловал перед царем землю и молвил: «О царь времени, я расскажу тебе рассказ более удивительный, чем рассказ о

горбуне». – «Подавай, что у тебя есть», – сказал царь Китая.
И еврей начал:

Рассказ врача-еврея

«Вот самое удивительное, что случилось со мною в юности. Я был в Дамаске сирийском и учился там; и вот однажды я сижу, и вдруг приходит ко мне невольник из дворца правителя Дамаска и говорит: «Поговори с моим господином!» И я вышел и пошел с ним в жилище правителя, и, войдя, я увидел на возвышении под портиком можжевелевое ложе, украшенное золотыми полосками, и на нем лежал больной человек – юноша, невиданно прекрасный в его юности. И я сел у него в головах и помолился о его выздоровлении; и юноша сделал мне знак глазами, а я сказал ему: «О господин, дай мне твою руку, да сохранит тебя Аллах!» И он вынул свою левую руку, а я удивился этому и подумал: «О, диво Аллаха! Это красивый юноша из большого дома, и ему не хватает воспитанности! Вот это удивительно!» И я пощупал ему пульс, и написал для него бумажку, и заходил к нему в течение десяти дней; и он выздоровел, сходил в баню, и помылся, и вышел; и правитель наградил меня прекрасной наградой и назначил меня надзирателем у себя в больнице, что находится в Дамаске. И я пошел в баню вместе с юношей и велел освободить всю баню, и слуги вошли с ним и сняли с него одежды; и когда юноша обнажился, я увидел, что его правая рука недавно отрублена, – и в этом причина его болезни. И увидав это, я стал удивляться и опечалился за него; а посмот-

рев на его тело, я увидел на нем следы ударов плетьюми, — и юноша из-за этого употреблял мази. И это взволновало меня, и волнение проявилось у меня на лице; и юноша взглянул на меня и понял, в чем дело, и сказал мне: «О лучший врач нашего времени, не удивляйся этому. Я расскажу тебе мою историю, когда мы выйдем из бани».

И когда мы вышли из бани, и пришли домой, и съели кушанья, и отдохнули, юноша сказал: «Не хочешь ли ты развлечься на балконе?» И я отвечал: «Хорошо!» И тогда он велел рабам снести постели наверх и приказал им изжарить ягненка и принести нам плодов; и мы поели, и юноша ел левой рукой. «Расскажи мне твою историю», — сказал я ему.

«О врач нашего времени, — заговорил юноша, — послушай, что случилось со мной. Знай, что я из уроженцев Мосула, и отец моего отца умер и оставил десять сыновей, — и мой отец, о врач, был один из них, и был он старшим. И все они выросли и поженились, и моему отцу достался я, а девять его братьев не имели детей; и я рос и жил среди своих дядей, и они радовались мне великою радостью. И когда я вырос и достиг возраста мужей, я был однажды в соборной мечети Мосула (а был день пятницы, и мой отец находился с нами), и мы совершили пятничную молитву; и весь народ вышел, а мой отец и дяди остались сидеть и беседовали о диковинах разных стран и чудесах городов. И упомянули Каир, и мои дяди сказали: «Путешественники говорят, что нет на земле города прекраснее, чем Каир с его Нилом». И когда я услы-

шал эти слова, мне захотелось в Каир. «Кто не видал Каира – не видал мира, – сказал мой отец. – Его земля – золото, и его Нил – диво; женщины его – гурии, и дома в нем – дворцы, а воздух там ровный, и благоухание его превосходит и смущает алоэ. Да и как не быть таким Каиру, когда Каир – это весь мир. А если бы вы видели его сады по вечерам, когда склоняется над ними тень, – продолжал мой отец, – вы поистине увидели бы чудо и склонились бы к нему в восторге».

И они принялись описывать Каир и его Нил, – говорил юноша, – и когда они кончили и я услышал о таких достоинствах Каира, мое сердце осталось там. И окончив беседу, все поднялись и отправились в свои жилища, и я лег спать в этот вечер, но сон не шел ко мне из-за моего увлечения Каиром, и мне перестали быть приятны пища и питье. И когда прошло немного дней, мои дяди собрались в Египет, а я плакал перед моим отцом, пока он не собрал мне товаров, и я поехал с дядями, и отец сказал им: «Не давайте ему вступить в Каир; пусть он продает свои товары в Дамаске!»

Потом я простился с отцом, и мы отправились и выехали из Мосула, и ехали до тех пор, пока не прибыли в Халеб, и, пробыв там несколько дней, мы выехали и достигли Дамаска и увидели, что это город с каналами, деревьями, плодами и птицами, подобный райскому саду, где есть всякие плоды. И мы остановились в одном из ханов, и мои дяди стали продавать и покупать и продали также и мои товары, и каждый дирхем принес мне пять дирхемов, и я обрадовался прибы-

ли. И мои дяди оставили меня и отправились в Египет, а я остался после них в Дамаске и жил в красиво построенном доме, описать который бессилён язык, и плата за него была два динара в месяц. И я проводил время за едой и питьем, пока не истратил бывшие со мной деньги. И вот в какой-то из дней я сижу у ворот дома, и вдруг подходит молодая женщина, одетая в роскошнейшее платье, прекраснее которой не видел мой глаз. И я подмигнул ей, и она немедленно оказалась за воротами; и когда она вошла, я вошел с нею и закрыл за ней и за собой дверь, и она откинула с лица покрывало и сняла изар, и я нашел редкостной ее красоту, и любовь к ней овладела моим сердцем. И я встал и принес столик с лучшими кушаньями и плодами и всем, что было нужно для трапезы; и когда я принес это, мы поели и поиграли, а после игр выпили и опьянели, и потом я проспал с нею приятнейшую ночь до утра. И дал я ей десять динаров, но ее лицо омрачилось, и она сдвинула брови, и рассердилась, и воскликнула: «Тьфу вам, мосульцы! Ты как будто думаешь, что я хочу твоих денег!» И она вынула из-за рубахи пятнадцать динаров, и поклялась мне, и воскликнула: «Клянусь Аллахом, если ты не возьмешь их, я к тебе не вернусь!» И я принял от нее деньги, а она сказала: «О любимый, ожидай меня через три дня: между заходом солнца и вечерней молитвой я буду у тебя; приготовь же на эти динары такое же угощение». И она простилась со мною, и мой ум исчез вместе с нею, а когда три дня прошли, она явилась, одетая в парчу, драгоцен-

ности и одежды более великолепные, чем в первый раз. А я приготовил для нас трапезу раньше, чем она пришла, и мы поели и выпили и проспали, как обычно, до утра, и она дала мне пятнадцать динаров и сговорила со мною, что через три дня придет ко мне.

И я приготовил ей трапезу, и спустя несколько дней она явилась в платье еще более великолепном, чем первое и второе, и спросила: «О господин мой, не красива ли я?» – «Да, клянусь Аллахом!» – ответил я. И она сказала: «Не позволишь ли ты мне привести с собою девушку лучше меня и моложе, чем я, годами, чтобы она поиграла с нами и посмеялась и развеселилось бы ее сердце. Она давно уже скучает и просилась выйти со мною и провести со мной ночь». И услышав ее слова, я сказал: «Да, клянусь Аллахом!» И потом мы напились и проспали до утра, и она вынула пятнадцать динаров и сказала: «Прибавь к нашей трапезе что-нибудь для девушки, которая придет со мной», – и затем она ушла. А когда наступил четвертый день, я собрал для нее, как обычно, трапезу, и после заката она вдруг явилась, и с нею какая-то женщина, завернутая в изар. Они вошли и сели, и я обрадовался, и зажег свечи, и встретил их, радостный и счастливый; а они скинули бывшие на них одежды, и новая девушка открыла свое лицо, и я увидел, что она подобна полной луне, и прекраснее ее я не видывал. И поднявшись, я подал им еду и питье, и мы поели и выпили, и я принялся кормить новую девушку и наполнять ее кубок и пить с

нею; и первая девушка втайне приревновала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, не прекрасней ли эта девушка, чем я?» – «Да, клянусь Аллахом!» – отвечал я. И она сказала: «Мне хочется, чтобы ты проспал с нею». – «Твой приказ у меня на голове и на глазах!» – отвечал я; и она встала и постлала нам, и я пошел к девушке и проспал до утра. И я пошевелился и почувствовал, что я весь мокрый, и подумал, что вспотел, и стал будить девушку и потряс ее за плечи, – и голова ее скатилась с подушки. И ум мой улетел, и я воскликнул: «О благой покровитель, покрой меня!» И увидев, что она зарезана, я сел (а мир сделался черен в моих глазах) и стал искать свою прежнюю подругу, но не нашел ее и понял, что это она зарезала девушку из ревности ко мне.

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Как мне поступить?» – воскликнул я; и подумав немного, я встал, снял с себя одежду и, выкопав посреди комнаты яму, взял девушку вместе с ее драгоценностями, и положил в яму, и снова прикрыл ее землей и мраморными плитами. Потом я вымылся, надел чистую одежду, и, взяв остаток своих денег, вышел из дома, и запер его, и пошел к владельцу дома, и, укрепив свою душу, отдал ему плату за год и сказал: «Я уезжаю к моим дядям в Каир».

И я поехал в Каир и встретился с моими дядями, и они обрадовались мне, и оказалось, что они уже продали все свои товары. «Почему ты приехал?» – спросили они. И я ответил: «Я соскучился по вас», – и не сказал им, что со мной есть

немного денег. И я пробыл с ними год, любуясь на Каир и его Нил, и, наложив руку на оставшиеся у меня деньги, стал тратить их и пить и есть, пока не приблизилось время отъезда моих дядей. И тогда я убежал и спрятался от них, и они искали меня, но не услышали обо мне вестей и сказали: «Он, должно быть, вернулся в Дамаск», – и уехали. А я вышел и жил в Каире три года, пока у меня ничего не осталось из моих денег. А я каждый год посылал хозяину дома плату за него, и через три года моя грудь стеснилась (а у меня оставалась только годовая плата за дом), и тогда я поехал, и прибыл в Дамаск, и остановился в этом доме.

И хозяин его обрадовался мне; и я нашел все комнаты запертыми, как и было, и открыл их и вынес вещи, находившиеся там, и нашел под постелью, на которой я спал в ту ночь с зарезанной девушкой, золотое ожерелье, украшенное драгоценными камнями. Я взял его, и вытер с него кровь убитой девушки, и посмотрел на него, и немного поплакал, а после этого я прожил два дня и на третий день пошел в баню и переменял одежду. И у меня совсем не было денег. И однажды я пошел на рынок, и дьявол нашептал мне – в осуществление предопределенного, – и, взяв ожерелье, я отправился на рынок и отдал его посреднику. И он поднялся, и посадил меня рядом с хозяином моего дома, и, обождав, пока рынок ожил, взял ожерелье и стал предлагать его украдкой, без моего ведома. И вдруг оказалось, что ожерелье ценное – принесло две тысячи динаров. И тогда посредник пришел и ска-

зал: «Это ожерелье – медная подделка, изделие франков, и цена за него дошла до тысячи дирхемов». А я отвечал ему: «Да, мы выковали его для одной женщины, чтобы посмеяться над нею. Моя жена получила его в наследство, и мы хотим его продать. Пойди получи тысячу дирхемов».

И посредник, услышав это, понял, что дело с ожерельем сомнительное, и пошел к старосте рынка и отдал его ему, а староста отправился к вали и сказал: «Это ожерелье у меня украли, и мы нашли вора, который одет в одежду детей купцов».

И не успел я очнуться, как меня окружили стражники, и забрали, и отвели к вали; и вали спросил меня об этом ожерелье, и я сказал ему то же, что сказал посреднику, и вали засмеялся и воскликнул: «Во всем этом ни слова правды!»

И не успел я опомниться, как меня уже обнажили и стали бить плетью по бокам, и удары жгли меня, и я сказал: «Я украл его!» – думая про себя: «Лучше тебе сказать, что украл его. Я не скажу, что обладательницу ожерелья у меня убили, – меня убьют за нее».

И записали, что я украл ожерелье, и мне отрубили руку и прижгли обрубок в масле, и я лишился чувств; но мне дали выпить вина, и я очнулся и, взяв свою руку, пошел домой. И хозяин сказал мне: «Раз с тобой случилось подобное дело, уйди из моего дома и присмотри для себя другое место, так как ты обвинен в воровстве». А я отвечал ему: «О господин мой, потерпи дня два или три, пока я присмотрю себе поме-

щение». — «Хорошо», — сказал он, и ушел, и оставил меня, а я остался сидеть, и плакал, и говорил: «Как я вернусь к родным с отрубленной рукой? Они не знают, что я невиновен! Может быть, Аллах совершит что-нибудь благое», — и я горько заплакал.

И когда хозяин дома ушел от меня, мною овладело великое горе, и я прохворал два дня, а на третий день не успел я очнуться, как явился хозяин дома и с ним несколько стражников и староста рынка, и он утверждал, что я украл ожерелье. И я вышел к ним и спросил их: «Что случилось?» А они, не дав мне сроку, связали меня, и накинули мне на шею цепь, и сказали: «Ожерелье, которое было у тебя, отнесли правителю Дамаска, везирию и судье, и они сказали, что это ожерелье пропало у правителя три года назад вместе с его дочерью».

И когда я услышал от них эти слова, у меня упало сердце, и я воскликнул: «Погибла твоя душа, нет сомнения! Клянусь Аллахом, я непременно расскажу правителю мою историю, и если захочет, он меня убьет, а если захочет — простит меня».

И когда мы пришли к правителю, он велел мне встать перед собою, и, увидев меня, посмотрел на меня краем глаза, и сказал присутствующим: «Почему вы отрубили ему руку? Это несчастный человек, и нет за ним вины; вы обидели его, отрубив ему руку». И когда я услышал эти слова, мое сердце окрепло и душа моя успокоилась, и я воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господин мой, я совсем не вор! Меня обвинили

этим великим обвинением, и побили плетьюми посреди рынка, и принуждали меня сознаться, — и я солгал на себя и признался в краже, хотя и не виновен в ней». И правитель сказал: «Нет за тобой вины!» — а затем он заключил под стражу старосту рынка и сказал ему: «Отдай этому цену его руки, иначе я тебя повешу и возьму все твои деньги!» И он кликнул стражников, и они взяли старосту и уволокли его, а я остался с правителем. Потом сняли с моей шеи цепь с разрешения правителя и развязали мне руки, и правитель посмотрел на меня и сказал: «О дитя мое, будь правдив со мной и расскажи мне, как к тебе попало это ожерелье?»

«О господин мой, я скажу тебе правду», — ответил я и рассказал ему, что случилось у меня с первой девушкой и как она привела ко мне вторую и зарезала ее из ревности, и изложил эту историю целиком. И услышав это, правитель покачал головой, и ударил правой рукой о левую, и, положив на лицо платок, поплакал немного. И после этого он подошел ко мне и сказал: «Знай, о дитя мое, что старшая девушка — моя дочь, и я охранял ее с великой заботой, — а когда она стала взрослой, я послал ее в Каир, и она вышла замуж за сына своего дяди; но он умер, и она приехала ко мне. И она научилась мерзостям у жителей Каира и приходила к тебе четыре раза, и потом она привела к тебе свою меньшую сестру, — а обе они родились от одной матери и любили друг друга. И когда со старшей случилось то, что случилось, она открыла свою тайну сестре, и та попросилась пойти с нею. А

затем старшая вернулась одна, и я спросил про меньшую и увидел, что старшая плачет о ней; и она тайно сказала своей матери (а я был тут же), что случилось и как она зарезала свою сестру. И она все плакала и говорила: «Клянусь Аллахом, я не перестану плакать о ней, пока не умру!» И так и было. Посмотри же, дитя мое, что произошло! Я хочу, чтобы ты не перечил мне в том, что я тебе скажу: «Я женю тебя на моей меньшей дочке, она не родная сестра тем двум, и она невинна; и я не потребую от тебя приданого и назначу вам от себя содержание, и ты будешь у меня на положении сына».

«Хорошо, – сказал я, – могли ли мы думать!» И правитель тотчас же послал за судьей и свидетелями и написал мою брачную запись, и я вошел к его дочери, а он взял для меня у старосты рынка много денег, и я оказался у него на высочайшем месте. В этом году умер мой отец, и правитель послал от себя гонца, и тот привез мне деньги, которые отец оставил, – и теперь я живу приятнейшей жизнью. Вот причина отсечения правой руки».

И я удивился этому и провел у юноши три дня, и он дал мне много денег, и я уехал от него и прибыл в этот ваш город, и жизнь моя здесь была хороша, и у меня с горбуном случилось то, что случилось».

«Это не более удивительно, чем история горбуна, – сказал царь Китая, – и мне непременно следует вас всех повесить, но остался еще портной, начало всех грехов. Эй, портной, – сказал он, – если ты мне расскажешь что-нибудь бо-

лее удивительное, чем история горбуна, я подарю вам ваши проступки».

И тогда портной выступил вперед и сказал:

Рассказ портного

«Знай, о царь нашего времени, – вот самое удивительное, что со мной вчера случилось и произошло. Прежде чем встретить горбатого, я был в начале дня на пиру у одного из моих друзей, у которого собралось около двадцати человек из жителей этого города, и среди нас были ремесленники: портные, плотники, ткачи и другие. И когда взошло солнце, нам подали кушанье, чтоб мы поели; и вдруг хозяин дома вошел к нам, и с ним юноша-чужеземец, красавец из жителей Багдада, одетый в какие ни на есть хорошие одежды и прекрасный, но только он был хромым. И он вошел к нам и приветствовал нас, а мы поднялись перед ним, и он подошел, чтобы сесть, но увидел среди нас одного человека, цирюльника, и отказался сесть и хотел уйти от нас. Но мы схватили этого юношу, и хозяин дома вцепился в него, и стал заклинать его, и спросил: «Почему ты вошел и уходишь?» И юноша отвечал: «Ради Аллаха, господин мой, не противься мне ни в чем! Причина моего ухода в этом злосчастном цирюльнике, что сидит здесь». И услышав эти слова, хозяин дома пришел в крайнее удивление и сказал: «Как! Этот юноша из Багдада, и его сердце расстроилось из-за этого цирюльника!» А мы посмотрели на юношу и сказали ему: «Расскажи нам, в чем причина твоего гнева на этого цирюльника?»

«О собрание, – сказал тогда юноша, – у меня с этим ци-

рюльником в моем городе Багдаде произошло такое дело: это из-за него я сломал себе ногу и охромел, и я дал клятву, что больше никогда не буду находиться с ним в одном и том же месте или жить в городе, где он обитает, – и уехал из Багдада, и покинул его, и поселился в этом городе; и сегодняшнюю ночь я проведу не иначе как в путешествии».

«Заклинаем тебя Аллахом, – сказали мы ему, – Расскажи нам твою историю!»

И юноша начал (а лицо цирюльника пожелтело): «О люди, знайте, что отец мой был одним из больших купцов Багдада, и Аллах великий не послал ему детей, кроме меня. И когда я вырос и достиг возраста мужей, мой отец преставился к милости великого Аллаха и оставил мне деньги, и слуг, и челядь, и я стал хорошо одеваться и хорошо есть. Но Аллах внушил мне ненависть к женщинам. И в какой-то из дней я шел по переулкам Багдада, и мне встретилась на дороге толпа женщин, и я убежал, и спрятался в тупике, и присел в конце его на скамейку. И не просидел я минуты, как вдруг окно дома, стоявшего там, где я был, открылось, и в нем показалась девушка, подобная луне в полнолуние, равной которой по красоте я не видел, и она поливала цветы, бывшие на окне. И девушка повернулась направо и налево, и закрыла окно, и ушла, и ненависть превратилась в любовь, и я просидел все время до заката солнца, исчезнув из мира. И вдруг едет кади нашего города, и впереди него рабы, а сзади слуги; и он сошел и вошел в дом, откуда показалась девушка, – и

я понял, что это ее отец. Потом я отправился в свое жилище огорченный и упал, озабоченный, на постель; и ко мне вошли мои невольницы и сели вокруг меня, не зная, что со мной, а я не обратил к ним речи, и они заплакали и опечалились обо мне.

И ко мне вошла одна старуха и увидела меня, и от нее не укрылось мое состояние. Она села у моего изголовья, и ласково заговорила со мной, и сказала: «О дитя мое, скажи мне, что с тобой случилось, и я сделаю все для того, чтобы свести тебя с возлюбленной». И когда я рассказал ей свою историю, она сказала: «О дитя мое, это дочь кади Багдада, и она сидит взаперти; то место, где ты ее видел, — ее комната, а у ее отца большое помещение внизу; и она сидит одна. Я часто к ним захожу, и ты познаешь единение с нею только через меня, — подтянись же!»

И услышав ее речь, я укрепил свою душу, и мои родные обрадовались в этот день, и наутро я был уже здоров. И старуха отправилась, и вернулась с изменившимся лицом, и сказала: «О дитя мое, не спрашивай, что мне было от нее! Когда я сказала ей об этом, она ответила мне: «Если ты, злосчастная старуха, не бросишь таких речей, я, поистине, сделаю с тобою то, что ты заслуживаешь!» Но я непременно вернусь к ней в другой раз». И когда я услышал это, моя болезнь еще усилилась.

А через несколько дней старуха пришла и сказала: «О дитя мое, я хочу от тебя подарка!» И когда я услышал от нее

это, душа вернулась ко мне, и я воскликнул: «Тебе будет всякое благо!» А она сказала: вчера я пришла к девушке, и, увидев, что у меня разбито сердце и глаза мои плачут, она сказала мне: «Тетушка, что это у тебя, я вижу, стеснена грудь?» И когда она сказала мне это, я заплакала и ответила: «О госпожа, я пришла к тебе от юноши, который тебя любит, и он из-за тебя близок к смерти». И она спросила (а сердце ее смягчилось): «Откуда этот юноша, о котором ты упомянула?» И я ответила: «Это мой сын, плод моего сердца; он увидел тебя в окне несколько дней назад, когда ты поливала цветы, и, взглянув в твое лицо, обезумел от любви к тебе; и когда я сказала ему в первый раз, что случилось у меня с тобою, его болезнь усилилась, и он не покидает подушек. Он не иначе как умрет, несомненно». И она воскликнула (а лицо ее пожелтело): «И все это из-за меня?» И я отвечала: «Да, клянусь Аллахом! Чего же ты хочешь?» — «Пойди передай ему от меня привет и скажи, что со мной происходит во много раз больше того, что с ним, — сказала она. — Как будет пятница, пусть он придет к дому перед молитвой, и когда он придет, я спущусь, открою ему ворота и проведу его к себе, и мы немного побудем вместе с ним; и он вернется раньше, чем мой отец придет с молитвы».

И когда я услышал слова старухи, мучения, которые я испытывал, прекратились и мое сердце успокоилось. Я дал ей одежды, которые были на мне, и она ушла, сказавши: «Успокой свое сердце»; а я молвил: «Во мне не осталось никако-

го страдания». И мои родные и друзья обрадовались моему выздоровлению.

И так продолжалось до пятницы. И вот старуха вошла ко мне и спросила о моем состоянии, и я сообщил ей, что нахожусь в добром здоровье, а затем я надел свои одежды, и умастился, и стал ожидать, когда люди пойдут на молитву, чтобы отправиться к девушке. И старуха сказала мне: «Время у тебя еще есть, и если бы ты пошел в баню и снял свои волосы, в особенности после сильной болезни, это было бы хорошо». И я ответил ей: «Это правильно, но я обрею голову, а после схожу в баню».

И потом я послал за цирюльником, чтобы обрить себе голову, и сказал слуге: «Пойди на рынок и приведи мне цирюльника, который был бы разумен и не болтлив, чтобы у меня не треснула голова от его разговоров». И слуга пошел и привел этого зловредного старца. И войдя, он приветствовал меня, и я ответил на его приветствие, и он сказал мне: «Я вижу, ты отощал телом»; а я отвечал: «Я был болен». И тогда он воскликнул: «Да удалит от тебя Аллах заботу, горе, беду и печали!» – «Да примет Аллах твою молитву!» – сказал я; и цирюльник воскликнул: «Радуйся, господин мой, здоровье пришло к тебе! Ты хочешь укоротить волосы или пустить кровь? Дошло со слов Ибн Аббаса, – да будет доволен им Аллах! – что пророк говорил: «Кто подрежет волосок в пятницу, от того будет отвращено семьдесят болезней»; и с его же слов передают, что он говорил: «Кто в пятницу по-

ставит себе пиявки, тот в безопасности от потери зрения и множества болезней».

«Оставь эти разговоры, встань сейчас же, обрей мне голову, я человек слабый!» – сказал я; и цирюльник встал и, протянув руку, вынул платок и развернул его, – и вдруг в нем оказалась астробия с семью дисками, выложенными серебром. И цирюльник взял ее и, выйдя на середину дома, поднял голову к лучам солнца и некоторое время смотрел, а потом сказал: «Знай, что от начала сегодняшнего дня, то есть дня пятницы – пятницы десятого сафара, года шестьсот шестьдесят третьего от переселения пророка (наилучшие молитвы и привет над ним!) и семь тысяч триста двадцатого от времени Александра, – прошло восемь градусов и шесть минут, а в восхождении в сегодняшний день, согласно правилам науки счисления, Марс, и случилось так, что ему противостоит Меркурий, а это указывает на то, что брить сейчас волосы хорошо, и служит мне указанием, что ты желаешь встретиться с одним человеком, и это будет благоприятно, но после случатся разговоры и вещи, о которых я тебе не скажу». – «Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – ты надоел мне и сделал мне нехорошее предсказание, а я призвал тебя лишь затем, чтобы побрить мне голову! Пошевеливайся же, выбрей мне голову и не затягивай со мной разговоров!» – «Клянусь Аллахом, – отвечал цирюльник, – если бы ты знал, что с тобой случится, ты бы ничего сегодня не делал. Советую тебе поступать так, как я тебе скажу, ибо я говорю на

основании расчета по звездам».

И я сказал: «Клянусь Аллахом, я не видел цирюльника, умелого в науке о звездах, кроме тебя, но я знаю и ведаю, что ты говоришь много пустяков. Я позвал тебя лишь для того, чтобы привести в порядок мою голову, а ты пришел ко мне с этими скверными речами». – «Хочешь ли ты, чтобы я прибавил тебе еще? – спросил цирюльник. – Аллах послал тебе цирюльника-звездочета, сведущего в белой магии, в грамматике, синтаксисе, риторике, красноречии, логике, астрономии, геометрии, правоведении, преданиях и толкованиях Корана, и я читал книги и вытвердил их, принимался за дела и постигал их, выучил науки и познал их, изучил ремесла и усвоил их и занимался всеми вещами и брался за них. Твой отец любил меня за мою малую болтливость, и поэтому служить тебе моя обязанность; но я не болтлив, и не такой, как ты говоришь, и зовусь поэтому молчаливым, степенным. Тебе бы следовало восхвалить Аллаха и не прекословить мне, – я тебе искренний советчик, благосклонный к тебе, и я хотел бы быть у тебя в услужении целый год и чтобы ты воздал мне должное, и я не желаю от тебя платы за это».

И услышав это от него, я воскликнул: «Ты убьешь меня в сегодняшний день!» И цирюльник ответил: «О господин мой, я тот, кого люди называют Молчальником за малую болтливость в отличие от моих шести братьев, ибо моего старшего брата зовут аль-Бакбук, второго – аль-Хаддар, третьего – Бакик, имя четвертого – аль-Куз аль-Асвани, пя-

того – аль-Фашшар и шестого – Шакашик, а седьмого зовут ас-Самит, и это я».

И когда цирюльник продлил свои речи, – говорил юноша, – я почувствовал, что у меня лопается желчный пузырь, и сказал слуге: «Дай ему четверть динара, и пусть он уйдет от меня, ради лика Аллаха! Не нужно мне брить голову!» Но цирюльник, услышав, что я сказал слуге, воскликнул: «Что это за слова, о господин! Клянусь Аллахом, я не возьму от тебя платы, пока не услужу тебе, и служить тебе я непременно должен! Я обязан тебе прислуживать и исполнять то, что тебе нужно, и я не подумаю взять с тебя деньги. Если ты не знаешь мне цены, то я знаю тебе цену, и твой отец, да помилует его Аллах великий, оказал нам милости, ибо он был великодушен. Клянусь Аллахом, твой отец послал за мной однажды, в день, подобный этому благословенному дню, и я вошел к нему (а у него было собрание друзей), и он сказал мне: «Отвори мне кровь!» И я взял астроябию, и определил ему высоту, и нашел, что положение звезд для него неблагоприятно и что пустить кровь при этом тяжело, и осведомил его об этом; и он последовал моим словам и подождал.

И твой отец пришел в восторг, и кликнул слугу, и сказал ему: «Дай ему сто три динара и одежду!» – и отдал мне все это; а когда пришел похвальный час, я отворил ему кровь. И он не прекословил мне и поблагодарил меня, и собравшиеся, которые присутствовали, поблагодарили меня. И после кровопускания я не мог молчать и спросил его: «Ради Алла-

ха, господин мой, чем вызваны твои слова: «Дай ему сто три динара»?» И он ответил: «Динар за звездочетство, динар за беседу и динар за кровопускание, а сто динаров и одежду – за твою похвалу мне».

«Да помилует Аллах моего отца, который знал подобного тебе!» – воскликнул я; и этот цирюльник рассмеялся и сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха! Слава тому, кто изменяет, но сам не изменяется! Я считал тебя разумным, но ты заговариваешься от болезни. Сказал Аллах в своей великой книге: «Подавляющие гнев и прощающие людям», – и ты во всяком случае прощен. Я не ведаю причины твоей поспешности, и ты знаешь, что твой отец и дед ничего не делали без моего совета. Ведь сказано: советчик достоин доверия, и не обманывается тот, кто советуется; а одна поговорка говорит: у кого нет старшего, тот сам не старший. Ты не найдешь никого, более сведущего в делах, чем я, и я стою на ногах, прислуживая тебе, и ты мне не наскучил, – так как же это я наскучил тебе? Но я буду терпелив с тобою ради тех милостей, которые оказал мне твой отец».

«Клянусь Аллахом, о ослиный хвост, ты затянул свои разговоры и продолжил надо мной свою речь! Я хочу, чтобы ты обрил мне голову и ушел от меня!» – воскликнул я. И тогда цирюльник смочил мне голову и сказал: «Я понимаю, что тебя охватила из-за меня скука, но я не виню тебя, так как твой ум слаб и ты ребенок, и еще вчера я сажал тебя на плечо и носил в школу». – «О брат мой, заклинаю тебя Аллахом,

потерпи и помолчи, пока мое дело будет сделано, и иди своей дорогой!» – воскликнул я и разорвал на себе одежды. И увидев, что я это сделал, цирюльник взял бритву и начал ее точить, и точил ее, пока мой ум едва не покинул меня, а потом он подошел и обрил часть моей головы, после чего поднял руку и сказал: «О господин, поспешность – от дьявола, а медлительность – от милосердия! О господин мой, – сказал он еще, – я не думаю, чтобы ты знал мое высокое положение: моя рука упадет на головы царей, эмиров, везирей, мудрецов и достойных, ибо про меня сказал поэт:

Венец достойных этот брадобрей,
Его дела подобны ожерелью,

Он мудрости стал прочной цитаделью,
В его деснице головы царей»²⁸.

И я воскликнул: «Оставь то, что тебя не касается, ты стеснил мою грудь и обеспокоил мое сердце!» А цирюльник спросил: «Мне кажется, ты торопишься?» – «Да, да, да!» – крикнул я; и тогда он сказал: «Дай себе время: поспешность – от сатаны, и она порождает раскаяние и разочарование. Сказал кто-то, – приветствие и молитва над ним! – лучшее из дел то, в котором проявлена медлительность! А мне, клянусь Аллахом, твое дело внушает сомнение. Я желал бы, что-

²⁸ Перевод Д. Самойлова.

бы ты мне сообщил, на что ты вознамерился: я боюсь, что случится нечто другое. Ведь до времени молитвы осталось три часа. Я не хочу быть в сомнении насчет этого, — добавил он, — но желаю знать время наверное, ибо когда мечут слова в неведомое — это позор, в особенности для подобного мне, так как среди людей объявилась и распространилась слава о моих достоинствах, и мне не должно говорить наугад, как говорят обычно звездочеты».

И он бросил бритву, и, взяв астролябию, пошел под солнце и долгое время стоял, а потом возвратился и сказал мне: «До времени молитвы осталось три часа — ни больше ни меньше». — «Ради Аллаха, замолчи, — воскликнул я, — ты пронзил мою печень!» И цирюльник взял бритву и стал точить ее, как и в первый раз, и обрил мне часть головы, и сказал: «Я озабочен твоей поспешностью, и если бы ты сообщил мне о ее причине, это было бы лучше для тебя: ты ведь знаешь, что твой отец и дед ничего не делали, не посоветовавшись со мною». И я понял, что мне от него нет спасения, и сказал себе: «Пришло время молитвы, а я хочу пойти к девушке раньше, чем народ выйдет с молитвы. Если задержусь на минуту — не знаю, каким путем войти к ней!»

«Сократись и оставь эти разговоры и болтовню, — сказал я, — я хочу пойти на пир к одному из моих друзей». И цирюльник, услышав упоминание о пире, воскликнул: «Этот день — день благословенный для меня! Вчера я пригласил несколько моих приятелей и забыл позаботиться и пригото-

вить им что-нибудь поесть, а сейчас я подумал об этом. О, позор мне перед ними!» – «Не заботься об этом деле, раз ты узнал, что я сегодня на пиру, – сказал я. – Все, что есть в моем доме из кушаний и напитков, будет тебе, если ты закончишь мое дело и поспешишь обрить мне голову». – «Да воздаст тебе Аллах благом! Опиши мне, что у тебя есть для моих гостей, чтобы я знал это», – сказал цирюльник; и я ответил: «У меня пять родов кушанья, десять подрумяненных кур и жареный ягненок». – «Принеси это, чтобы мне посмотреть!» – воскликнул цирюльник; и я велел принести все это. И увидев кушанья, он сказал мне: «Остаются напитки!» – «У меня есть», – отвечал я; и цирюльник воскликнул: «Принеси их!» И я принес их, и он сказал: «Ты достоин Аллаха! Как благородна твоя душа! Но остаются еще курения и благовония». И я дал ему сверток, где были недд, алоэ и мускус, стоящие пятьдесят динаров.

А времени стало мало, и моя грудь стеснилась, и я сказал ему: «Возьми это и обрей мне всю голову, и заклинаю тебя жизнью Мухаммеда, – да благословит его Аллах и да приветствует!» Но цирюльник воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму этого, пока не увижу всего, что там есть!» И я приказал слуге развернуть сверток, и цирюльник выронил из рук астробию и, сев на землю, стал рассматривать благовония, курения и алоэ, бывшие в свертке, пока у меня не стеснилась грудь. А потом он подошел, взял бритву и, обрив небольшую часть моей головы, произнес: «Клянусь Аллахом, о дитя мое,

не знаю, благодарить ли тебя, или благодарить твоего отца, так как весь сегодняшний пир – это часть твоей милости и благодеяния. Но у меня нет никого, кто бы этого заслуживал, – у меня почтенные господа вроде Зенгута – баневладельца, Салия – зерноторговца, Салита – торговца бобами, Суайда – верблюжатника, Сувейда – носильщика, Абу Мукариша – банщика, Касима – сторожа и Карима – конюха, Икриши – зеленщика, Хумейда – мусорщика; и среди них нет человека надоедливого, буйного, болтливого или тягостного, и у каждого из них есть пляска, которую он пляшет, и стихи, которые он говорит. Но лучше в них то, что они, как твой слуга и невольник, не знают многоречивости и болтливости. Владелец бани – тот поет под бубен нечто волшебное и пляшет и распевает: «Я пойду, о матушка, наполню мой кувшин!» Зерноторговец показывает умение еще лучше – и пляшет и поет: «О плакальщица, владычица моя, ты ничего не упустила!» – и у всех отнимает душу – так над ним смеются. А мусорщик так поет, что останавливает птиц: «Новость у моей жены – точно в большом сундуке», и он красавец и весельчак. И каждый из них в совершенстве развлекает ум веселым и смешным. Но рассказ – не то что лицезрение, – добавил он, – и если ты предпочтешь явиться к нам, это будет любезнее и нам и тебе. Откажись от того, чтобы идти к твоим друзьям, к которым ты собрался; на тебе еще следы болезни, и может быть, ты пойдешь к людям болтливым, которые говорят о том, что их не касается, или среди них

окажется болтун, и у тебя заболит голова». — «Это будет когда-нибудь в другой день, — ответил я и засмеялся от гневного сердца. — Сделай мое дело, и я пойду, хранимый Аллахом всевышним, а ты отправляйся к своим друзьям: они ожидают твоего прихода».

«О господин, — сказал цирюльник, — я хочу только свести тебя с этими прекрасными людьми, сынами родовитых, в числе которых нет болтунов и многоречивых. С тех пор как я вырос, я совершенно не могу дружить с теми, кто, как я, немногословен. Если бы ты сдружился с ними и хоть один раз увидал их, ты бы оставил всех своих друзей». — «Да завершит Аллах благодаря им твою радость! Я непременно приду к ним в какой-нибудь день», — сказал я. И цирюльник воскликнул: «Я хотел бы, чтобы это было в сегодняшний день! Если ты решил отправиться со мною к моим друзьям, дай мне снести к ним то, что ты мне пожаловал, а если ты непременно должен идти сегодня к твоим приятелям, я отнесу эти щедроты, которыми ты меня почтил, и оставлю их у моих друзей, — пусть едят и пьют и не ждут меня, — а затем я вернусь к тебе и пойду с тобою к твоим друзьям. Между мной и моими приятелями нет стеснения, которое помешало бы мне их оставить; я быстро вернусь к тебе и пойду с тобою, куда бы ты ни отправился». — «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — воскликнул я. — Иди к твоим друзьям и веселись с ними и дай мне пойти к моим приятелям и побыть у них сегодня: они меня ждут». — «Я не

дам тебе пойти одному», — отвечал цирюльник. И я сказал: «Туда, куда я иду, никто не может пойти, кроме меня». Но цирюльник воскликнул: «Я думаю, ты условился с какой-нибудь женщиной, иначе ты бы взял меня с собою. Я имею на это больше права, чем все люди, и я помогу тебе в том, чего ты хочешь; я боюсь, что ты пойдешь к чужой женщине и твоя душа пропадет. В этом городе, Багдаде, никто ничего такого не может делать, в особенности в такой день, как сегодня, и наш вали в Багдаде — человек строгий, почтенный». — «Горе тебе, скверный старик, убирайся! С какими словами ты ко мне обращаешься!» — воскликнул я. И цирюльник сказал: «О глупец, ты думаешь: «Как ему не стыдно!» — и таишься от меня, но я это понял и удостоверился в этом, и я хочу только помочь тебе сегодня сам».

И я испугался, что мои родные и соседи услышат слова цирюльника, и долго молчал. А нас настиг час молитвы, и пришло время проповеди; и цирюльник кончил брить мне голову, и я сказал ему: «Пойди к твоим друзьям с этими кушаньями и напитками; я подожду, пока ты вернешься, и ты пойдешь со мною». И я не переставал подмазывать этого проклятого и обманывать его, надеясь, что он, может быть, уйдет от меня, но он сказал: «Ты меня обманываешь, и пойдешь один, и ввергнешься в беду, от которой тебе нет спасения. Аллахом заклинаю тебя, не уходи же, пока я не вернусь, и я пойду с тобой и узнаю, как исполнится твое дело». — «Хорошо, не заставляй меня ждать», — сказал я; и этот прокля-

тый взял кушанья, напитки и прочее, что я дал ему, и ушел от меня, и отдал припасы носильщику, чтобы тот отнес их в его дом, а сам спрятался в каком-то переулке. А я тотчас же встал (а муэдзины уже пропели приветствие пророку), и надел свои одежды, и вышел один, и пришел в тот переулок, и встал возле дома, в котором я увидал девушку, и оказалось, что та старуха стоит и ждет меня. И я поднялся с нею в покой, где была девушка, и вошел туда, и вдруг вижу: владелец дома возвратился в свое жилище с молитвы, и вошел в дом, и запер ворота. И я взглянул из окна вниз и увидел, что этот цирюльник – проклятье Аллаха над ним! – сидит у ворот. – «Откуда этот черт узнал про меня?» – подумал я; и в эту минуту, из-за того что Аллах хотел сорвать с меня покров своей защиты, случилось, что одна из невольниц хозяина дома совершила какое-то упущение, и он стал ее бить, и она закричала, и его раб вошел, чтобы выручить ее, но хозяин побил его, и он тоже закричал. И проклятый цирюльник решил, что хозяин дома бьет меня, и закричал, и разорвал на себе одежду, и посыпал себе голову землей, и стал вопить и звать о помощи. А люди стояли вокруг него, и он говорил: «Убили моего господина в доме кади!»

Потом он пошел, крича, к моему дому, а люди шли за ним следом и оповестили моих родных и слуг; и не успел я опомниться, как они уже подошли в разорванной одежде, распустив волосы и крича: «Увы, наш господин!» А этот цирюльник идет впереди них, в разорванной одежде, и кричит, а на-

род следует за ним. И мои родные все кричали, а он кричал среди шедших первыми, и они вопили: «Увы, убитый! Увы, убитый!» – и направлялись к тому дому, в котором был я.

И хозяин дома услышал шум и крик у ворот и сказал кому-то из слуг: «Посмотри, что случилось». И слуга вышел, и вернулся к своему господину, и сказал: «Господин, у ворот больше десяти тысяч человек, и мужчин и женщин, и они кричат: «Увы, убитый!» – и показывают на наш дом». И когда кади услышал это, дело показалось ему значительным, и он разгневался, и, поднявшись, вышел, и открыл ворота. И он увидел большую толпу, и оторопел, и спросил: «О люди, в чем дело?» И мои слуги закричали ему: «О проклятый, о собака, о кабан, ты убил нашего господина!» И кади спросил: «О люди, а что сделал ваш господин, чтобы мне убить его? Вот мой дом перед вами». И цирюльник сказал ему: «Ты сейчас бил его плетью, и я слышал его вопли». – «Но что же он сделал, чтобы мне убить его, и кто его ввел в мой дом, и куда, и откуда?» – спросил кади. И цирюльник воскликнул: «Не будь скверным старцем! Я знаю эту историю и все обстоятельства. Твоя дочь любит его, и он любит ее, и когда ты узнал, что он вошел в твой дом, ты приказал твоим слугам, и они его побили. Клянусь Аллахом, или нас с тобою рассудит только халиф, или выведи к нам нашего господина, чтобы его родные взяли его раньше, чем я войду и выведу его от вас и ты будешь пристыжен».

И кади ответил (а он говорил словно взнузданный, и его

окутал стыд перед людьми): «Если ты говоришь правду, входи сам и выведи его». И цирюльник одним прыжком вошел в дом; и увидев, что он вошел, я стал искать пути к выходу и бегству, но не нашел его раньше, чем увидел в той комнате, где я находился, большой сундук. И я влез туда, и закрыл над собой крышку, и задержал дыхание. А цирюльник вошел в комнату и, едва войдя туда, снова стал меня искать и принялся соображать, в каком я месте, и, повернувшись направо и налево, подошел к сундуку, где я был, и понес его на голове, — и все мое мужество исчезло. Цирюльник торопливо пошел; и поняв, что он не оставит меня, я открыл сундук, и выбросился на землю, и сломал себе ногу. И ворота распахнулись, и я увидел у ворот толпу.

А у меня в рукаве было много золота, которое я приготовил для дня, подобного этому, и для такого дела, как это, — и я стал сыпать это золото людям, чтобы они отвлеклись им. И люди стали хватать золото и занялись им, а я побежал по переулкам Багдада направо и налево, и этот проклятый цирюльник бежал за мной, и куда бы я ни входил, цирюльник входил за мною следом и говорил: «Они хотели огорчить меня, сделав зло моему господину! Слава Аллаху, который помог мне и освободил моего господина из их рук! Твоя неосмотрительность все время огорчала меня; если бы Аллах не послал меня тебе, ты бы не спасся от беды, в какую попал, и тебя бы ввергли в бедствие, от которого ты никогда бы не спасся. Сколько же ты хочешь, чтобы я для тебя жил

и выручал тебя? Клянусь Аллахом, ты погубил меня своею неосмотрительностью, а ты еще хотел идти один! Но мы не взыщем с тебя за твою глупость, ибо ты малоумен и тороплив». — «Мало тебе того, что случилось, — ты еще бегаешь за мною и говоришь мне такие слова на рынках!» — воскликнул я, и душа едва не покинула меня из-за сильного гнева на цирюльника. И я вошел в хан, находившийся посреди рынка, и попросил защиты у хозяина, и он не пустил ко мне цирюльника. Я сел в одной из комнат и говорил себе:

«Я уже не могу расстаться с этим проклятым цирюльником, и он будет со мною и днем и ночью, а у меня нет духу видеть его лицо!»

И я тотчас же послал за свидетелями и написал завещание своим родным, и разделил свои деньги, и назначил за этим наблюдающего, и приказал ему продать дом и земли, и дал ему указания о больших и о малых родичах, и выехал, и с того времени я странствую, чтобы освободиться от этого сводника. Я приехал и поселился в вашем городе и прожил здесь некоторое время, и вы пригласили меня, и вот я пришел к вам и увидел у вас этого проклятого сводника на почетном месте. Как же может быть хорошо моему сердцу пребывать с вами, когда он сделал со мною такие дела и моя нога из-за него сломана?»

И после этого юноша отказался есть; и услышав его историю, мы спросили цирюльника: «Правда ли то, что говорит про тебя этот юноша?» И он отвечал: «Клянусь Аллахом, я

сделал это с ним вследствие моего знания, разума и мужества, и если бы не я, он бы, наверно, погиб. Причина его спасения – только во мне, и хорошо еще, что пострадала его нога, но не пострадала его душа. Будь я многоречив, я бы не сделал ему добра, но вот я расскажу вам историю, случившуюся со мною, и вы поверите, что я мало говорю и нет во мне болтливости, в отличие от моих шести братьев».

Рассказ цирюльника о самом себе

«Я был в Багдаде во времена аль-Мустансира биллаха, сына аль-Мустади биллаха, и он, халиф, был в то время в Багдаде. А он любил бедняков и нуждающихся и сживал с учеными и праведниками. И однажды ему случилось разгневаться на десятерых преступников, и он велел правителю Багдада привести их к себе в день праздника (а это были воры, грабящие на дорогах). И правитель города выехал, и схватил их, и сел с ними в лодку; и я увидел их и подумал: «Люди собрались не иначе как для пира, и они, я думаю, проводят день в этой лодке за едой и питьем. Никто не разделит их трапезы, если не я!» И я поднялся, о собрание, по великому мужеству и степенности моего ума и, сойдя в лодку, присоединился к ним, и они переехали и высадились на другой стороне. И явились стражники и солдаты правителя с цепями, и накнули их на шеи воров, и мне на шею тоже набросили цепь, — и не от мужества ли моего это случилось, о собрание, и моей малой разговорчивости, из-за которой я промолчал и не пожелал говорить? И нас взяли за цепи и поставили перед аль-Мустансиром биллахом, повелителем правоверных, и он велел снести головы десяти человекам. И палач подошел к нам, посадив нас сначала перед собою на ковре крови и обнажив меч, и начал сбивать голову одному за другим, пока не скинул голову десятерым, а я остался. И халиф посмот-

рел и спросил палача: «Почему ты снес голову девяти?» И палач воскликнул: «Аллах спаси! Чтобы ты велел сбить голову десяти, а я обезглавил бы девять!» Но халиф сказал: «Я думаю, ты снес голову только девяти, а вот этот, что перед тобой, – это десятый». – «Клянусь твоей милостью, – ответил палач, – их десять!»

И их пересчитали, – говорил цирюльник, – и вдруг их оказалось десять. И халиф посмотрел на меня и спросил: «Что побудило тебя молчать в подобное время? Как ты оказался с приговоренными и какова причина этого? Ты старец великий, но ума у тебя мало». И услышав речи повелителя правоверных, я сказал ему: «Знай, о повелитель правоверных, что я – старец-молчальник и у меня мудрости много, а что до степенности моего ума, моего хорошего разума и малой разговорчивости, то им нет предела; а по ремеслу я цирюльник. И вчерашний день, ранним утром, я увидел этих десяти-терых, которые направлялись к лодке, и смешался с ними, и сошел с ними в лодку, думая, что они устроили пир; и не прошло минуты, как появились стражники и наложили им на шею цепи, и мне на шею тоже наложили цепь, и от большого мужества я промолчал и не заговорил, – и это не что иное, как мужество. И нас повели и поставили перед тобой, и ты приказал сбить голову десяти; и я остался перед палачом, но не осведомил вас о себе, – и это не что иное, как великое мужество, из-за которого я хотел разделить с ними смерть. Но со мной всю жизнь так бывает: я делаю людям хорошее,

а они платят мне самой ужасной отплатой».

И когда халиф услышал мои слова и понял, что я очень мужествен и неразговорчив, а не болтлив, как утверждает этот юноша, которого я спас от ужасов, — он так рассмеялся, что упал навзничь, и потом сказал мне: «О Молчальник, а твои шесть братьев так же, как и ты, мудры, учены и не болтливый?» — «Пусть бы они не жили и не существовали, если они подобны мне! — отвечал я. — Ты обидел меня, о повелитель правоверных, и не должно тебе сравнивать моих братьев со мною, так как из-за своей болтливости и малого мужества каждый из них стал калекой: один кривой, другой слепой, третий расслабленный, у четвертого отрезаны уши и ноздри, у пятого отрезаны губы, а шестой — горбун. Не думай, повелитель правоверных, что я болтлив; мне необходимо все изложить тебе, и у меня больше, чем у них всех, мужества. И с каждым из них случилась история, из-за которой он сделался калекой, и я расскажу их все тебе».

Рассказ о первом брате цирюльника

«Знай, о повелитель правоверных, что первый из них (а это горбун) был по ремеслу портным в Багдаде, и он шил в лавке, которую нанял у одного богатого человека. А этот человек жил над лавкой, и внизу его дома была мельница. И однажды мой горбатый брат сидел в лавке и шил, и он поднял голову и увидал в окне дома женщину, подобную восхо-

дядей луне, которая смотрела на людей. И когда мой брат увидел ее, любовь к ней привязалась к его сердцу, и весь этот день он все смотрел на нее и прекратил шитье до вечерней поры. Когда же настал следующий день, он открыл лавку в утреннюю пору и сел шить, и, вдевая нитку в иголку, всякий раз смотрел в окно. И он опять увидел ту женщину, и его любовь к ней и увлечение ею увеличились. Когда же наступил третий день, он сел на свое место и смотрел на нее, и женщина увидела его и поняла, что он стал пленником любви к ней. Она засмеялась ему в лицо, и он засмеялся ей в лицо, а затем она скрылась от него и послала к нему свою невольницу и с нею узел с красной шелковой материей. И невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа велит передать тебе привет и говорит: «Скрой нам рукою милости рубашку из этой материи и сшей ее хорошо!»» И он отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» Потом он скроил ей одежду и кончил шить ее в тот же день, а когда настал следующий день, невольница спозаранку пришла к нему и сказала: «Моя госпожа приветствует тебя и спрашивает, как ты провел вчерашнюю ночь. Она не вкусила сна, так ее сердце было занято тобою». И затем она положила перед ним кусок желтого атласа и сказала: «Моя госпожа говорит тебе, чтобы ты скроил ей из этого куска две пары шальвар и сшил их в сегодняшний день». И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь! Передай ей много приветов и скажи ей: «Твой раб послушен твоему повелению, приказывай же ему что хочешь».

И он принялся кроить и старательно шил шальвары, а через некоторое время она показалась ему из окна и приветствовала его знаками, то закрывая глаза, то улыбаясь ему в лицо; и он подумал, что добьется ее. А потом она от него скрылась, и невольница пришла к нему, и он отдал ей обе пары шальвар, и она взяла их и ушла; и когда настала ночь, он кинулся на постель и провел ночь до утра ворочаясь. А утром он встал и сел на свое место, и невольница пришла к нему и сказала: «Мой господин зовет тебя». И услышав это, он почувствовал великий страх, а невольница, заметив, что он испуган, сказала: «С тобой не будет беды, а только одно добро! Моя госпожа сделала так, что ты познакомишься с моим господином». И этот человек очень обрадовался, и пошел с невольницей, и, войдя к ее господину, мужу госпожи, поцеловал перед ним землю, и тот ответил на его приветствие, и дал ему много тканей, и сказал: «Скрой мне и сшей из этого рубашки». И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и кроил до тех пор, пока не скроил до вечера двадцать рубашек; и он весь день не попробовал кушанья. И хозяин спросил его: «Какая будет за это плата?» А он отвечал: «Двадцать дирхемов». И тогда муж женщины крикнул невольнице: «Поддай двадцать дирхемов!» И мой брат ничего не сказал. А женщина сделала ему знак, означавший: не бери от него ничего! И мой брат воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ничего не возьму от тебя!» – и, взяв шитье, вышел вон. А мой брат нуждался в каждом фельсе, и он провел три

дня, съедая и выпивая лишь немного, — так он старался шить эти рубашки. И невольница пришла и спросила: «Что ты сделал?» И он отвечал: «Готовы!» — и взял одежду, и принес ее к ним, и отдал мужу женщины, и тотчас же ушел. А женщина осведомила своего мужа о состоянии моего брата (а мой брат не знал этого), и они с мужем сговорились воспользоваться моим братом для шитья даром и посмеяться над ним. И едва настало утро, он пришел в лавку, и невольница явилась к нему и сказала: «Поговори с моим господином!» И он отправился с нею, а когда он пришел к мужу женщины, тот сказал: «Я хочу, чтобы ты скроил мне пять фараджий!» И мой брат скроил их и, взяв работу с собою, ушел. Потом он сшил эти фараджии и принес их мужу женщины, и тот одобрил его шитье и приказал подать кошель с дирхемами; и мой брат протянул уже руку, но женщина сделала из-за спины своего мужа знак: не бери ничего! Мой брат сказал этому человеку: «Не торопись, господин, времени довольно!» — и вышел от него и был униженнее осла, так как против него соединилось пять вещей: любовь, разорение, голод, нагота и усталость, а он только терпел. И когда мой брат сделал для них все дела, они потом схитрили и женили его на своей невольнице, а в ту ночь, когда он хотел войти к ней, ему сказали: «Переночуй до завтра на мельнице, будет хорошо!»

Мой брат подумал, что это правда так, и провел ночь на мельнице один, а муж женщины пошел и подговорил против него мельника, чтобы он заставил его вертеть на мельнице

жернов.

И мельник вошел к моему брату в полночь и стал говорить: «Этот бык бездельничает и больше не вертит жернов ночью, а пшеницы у нас много». И он спустился в мельницу, и, наполнив насып пшеницей, подошел к моему брату с веревкою в руке, и привязал его за шею, и крикнул: «Живо, верти жернов, ты умеешь только есть, гадить и отливать!» – и взял бич, и стал бить моего брата, а тот плакал и кричал, но не нашел для себя помощника и перемалывал пшеницу почти до утра.

И тогда пришел хозяин дома и, увидев моего брата привязанным к палке, ушел, а невольница пришла к нему рано утром и сказала: «Мне тяжело то, что с тобой случилось; мы с моей госпожой несем на себе твою заботу». Но у моего брата не было языка, чтобы ответить, из-за сильных побоев и усталости.

После этого мой брат отправился в свое жилище; и вдруг приходит к нему тот писец, что написал его брачную записку, и приветствует его, и говорит: «Да продлит Аллах твою жизнь! Таково бывает лицо наслаждений, нежности и объятий от вечера до утра!» – «Да не приветствует Аллах лжеца!» – воскликнул мой брат. – О, тысячу раз рогатый, клянусь Аллахом, я пришел лишь для того, чтобы молоть до утра вместо быка!»

«Расскажи мне твою историю», – сказал писец; и мой брат рассказал, что с ним было, и писец сказал: «Твоя звезда не

согласуется с ее звездой, но если хочешь, я перемену тебе эту запись». — «Посмотри, не осталось ли у тебя другой хитрости!» — ответил мой брат, и оставил писца, и ушел на свое место, ожидая, не принесет ли кто-нибудь работы ему на пропитание. Но вдруг приходит к нему невольница и говорит: «Поговори с моей госпожой!» — «Ступай, о дочь дозволенного, нет у меня дел с твоей госпожой!» — сказал мой брат; и невольница пошла и сообщила об этом своей госпоже. И не успел мой брат опомниться, как та уже выглянула из окна и, плача, воскликнула: «Почему, мой любимый, у нас нет с тобой больше дел?»

Но он не ответил ей, и она стала ему клясться, что все, что случилось с ним на мельнице, произошло не по ее воле и что она в этом деле не виновата; и когда мой брат взглянул на ее красоту и прелесть и услышал ее сладкие речи, то, что с ним было, покинуло его, и он принял ее извинения и обрадовался, что видит ее. И он поздоровался, и поговорил с нею, и просидел некоторое время за шитьем, а после этого невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа тебя приветствует и говорит тебе, что ее муж сказал, что он сегодня ночует у своих друзей, и когда он туда уйдет, ты будешь у нас и проспишь с моей госпожой сладостную ночь до утра».

А муж женщины сказал ей: «Что сделать, чтобы отвратить его от тебя?» И она ответила: «Дай я придумаю для него другую хитрость и ослаблю его в этом городе». (А мой брат ничего не знал о кознях женщин.)

И когда наступил вечер, невольница пришла к нему и, взяв моего брата, воротилась с ним, и там женщина, увидав моего брата, воскликнула: «Клянусь Аллахом, господин мой, я очень стосковалась по тебе!» – «Ради Аллаха, скорее поцелуй, прежде всего!» – сказал мой брат. И едва он закончил эти слова, как явился муж женщины из соседней комнаты и крикнул моему брату: «Клянусь Аллахом, я расстанусь с тобой только у начальника охраны!» И мой брат стал умолять его, а он его не слушал, но повел его к вали, и вали приказал побить его бичами и, посадив на верблюда, возить его по городу. И люди кричали о нем: «Вот воздаяние тому, кто врывается в чужой гарем!» И его выгнали из города, и он вышел и не знал, куда направиться; и я испугался, и догнал его, и обязался содержать его, и привел его назад и позволил ему жить у меня до сей поры».

И халиф рассмеялся от моих речей и сказал: «Отлично, о Молчальник, о немногоречивый!» – и велел выдать мне награду, чтобы я ушел. Но я воскликнул: «Я ничего не приму от тебя, раньше чем не расскажу, что случилось с остальными моими братьями, но не думай, что я много разговариваю».

Рассказ о втором брате цирюльника

«Знай, о повелитель правоверных, что моего второго брата аль-Хаддара звали Бакбак, и это расслабленный. В один

из дней случилось ему идти по своим делам, и вдруг встречает его старуха и говорит ему: «О человек, постой немного! Я предложу тебе одно дело, и если оно тебе понравится, сделай его для меня и спроси совета у Аллаха». И мой брат остановился, и она сказала: «Я скажу тебе о чем-то и укажу тебе путь к этому, но пусть не будут многословны твои речи». – «Подавай свой рассказ», – ответил мой брат. И старуха спросила: «Что ты скажешь о красивом доме и благоухающем саде, где бежит вода, и о плодах, вине и лице прекрасной, которую ты будешь обнимать от вечера до утра? Если ты сделаешь так, как я тебе указываю, то увидишь добро».

И мой брат, услышав ее слова, спросил: «О госпожа, а почему ты направились с этим делом именно ко мне из всех людей? Что тебе понравилось во мне?» И она отвечала моему брату: «Я сказала тебе – не будь многоречив! Молчи и пойдем со мною». И затем старуха повернулась, а мой брат последовал за нею, желая того, что она ему описала. И они вошли в просторный дом со множеством слуг, и старуха поднялась с ним наверх, и мой брат увидел прекрасный дворец.

И когда обитатели дома увидели его, они спросили: «Кто это привел тебя сюда?» А старуха сказала: «Оставьте его, молчите и не смущайте его сердца, – это рабочий, и он нам нужен». Потом она пошла с ним в украшенную горницу, лучше которой не видали глаза; и когда они вошли в эту горницу, женщины поднялись, и приветствовали моего брата, и посадили его рядом с собою, а спустя немного он услышал

большой шум, и вдруг подошли невольницы, и среди них девушка, подобная луне в ночь полнолуния. И мой брат устремил на нее взор, и поднялся на ноги, и поклонился девушке, а она приветствовала его и велела ему сесть; и он сел, она же обратилась к нему и спросила: «Да возвеличит тебя Аллах, есть в тебе добро?» – «О госпожа моя, все добро – во мне!» – отвечал мой брат. И она приказала подать еду, и ей подали прекрасные кушанья, и она стала есть. И при этом девушка не могла успокоиться от смеха, а когда мой брат смотрел на нее, она оборачивалась к своим невольницам, как будто смеясь над ним. И она выказывала любовь к моему брату и шутила с ним, а мой брат, осел, ничего не понимал, и от сильной страсти, одолевшей его, он думал, что девушка его любит и даст ему достигнуть желаемого.

И когда кончили с едою, подали вино, а потом явились десять невольниц, подобных месяцу, с многострунными лютнями в руках и стали петь на разные приятные голоса. И восторг одолел моего брата, и, взяв кубок из ее рук, он выпил его и поднялся перед нею на ноги; а потом девушка выпила кубок, и мой брат сказал ей: «На здоровье!» – и поклонился ей; и после этого она дала ему выпить кубок и, когда он выпил, ударила его по шее. И увидя от нее это, мой брат вышел стремительно, а старуха принялась подмигивать ему: вернись! И он вернулся. И тогда девушка велела ему сесть, и он сел и сидел, ничего не говоря, и она снова стала бить его по затылку, но ей было этого недостаточно, и она приказала

ла своим невольницам бить его, а сама говорила старухе: «Я ничего не видала лучше этого!» И старуха восклицала: «Да, заклинаю тебя, о госпожа моя!»

И невольницы били его, пока он не лишился сознания, а потом мой брат поднялся за нуждою, и старуха догнала его и сказала: «Потерпи немножко: ты достигнешь того, чего ты хочешь». – «До каких пор мне терпеть? Я уже обеспамятел от подзатыльников», – сказал мой брат; и старуха ответила: «Когда она захмелеет, ты достигнешь желаемого». И мой брат вернулся к своему месту и сел. И все невольницы, до последней, поднялись, и женщина приказала им окурить моего брата и опрыскать его лицо розовой водой, и они это сделали; а потом она сказала: «Да возвеличит тебя Аллах! Ты вошел в мой дом и исполнил мое условие, а всех, кто мне перечил, я прогоняла. Но тот, кто был терпелив, достигал желаемого». – «О госпожа, – отвечал ей мой брат, – я твой раб и в твоих руках»; и она сказала: «Знай, что Аллах внушил мне любовь к веселью, и тот, кто мне повинуется, получает что хочет». И она велела невольницам петь громким голосом, так что все бывшие в помещении исполнились восторга, а после этого она сказала одной девушке: «Возьми твоего господина, сделай, что нужно, и приведи его сейчас же ко мне».

И невольница взяла моего брата (а он не знал, что она с ним сделает), и старуха догнала его и сказала: «Потерпи, потерпи, осталось недолго!» И лицо моего брата просветлело, и он подошел к девушке (а старуха все говорила: «Потерпи, ты

уже достиг желаемого») и спросил старуху: «Скажи мне, что хочет сделать эта невольница?» И старуха сказала: «Тут нет ничего, кроме добра! Я – выкуп за тебя! Она хочет выкрасить тебе брови и вырвать усы!» – «Краска на бровях сойдет от мытья, – сказал мой брат, – а вот выдрать усы – это уже больно!» – «Берегись ей перечить, – отвечала старуха, – ее сердце привязалось к тебе». И мой брат стерпел, чтобы ему выкрасили брови и выдрали усы, и тогда невольница пошла к своей госпоже и сообщила ей об этом, и та сказала: «Остается еще одна вещь – сбрей ему бороду, чтобы он стал безволосым».

И невольница пришла к моему брату и сказала ему о том, что велела ее госпожа, и мой дурак брат спросил: «А что мне делать с позором перед людьми?» И старуха ответила: «Она хочет это с тобой сделать только для того, чтобы ты стал безволосым, без бороды и у тебя на лице не осталось бы ничего колючего. В ее сердце возникла большая любовь к тебе, терпи же: ты достигнешь желаемого».

И мой брат вытерпел, и подчинился невольнице, и обрил себе бороду, и девушка вывела его, и вдруг оказывается – он с накрашенными бровями, выдранными усами, бритой бородой и красным лицом! И девушка испугалась его и потом так засмеялась, что упала навзничь и воскликнула: «О господин мой, ты покори́л меня этими прекрасными чертами!» И она стала заклинать его жизнью, чтобы он поднялся и поплясал; и мой брат встал и начал плясать, и она не оставила в ком-

нате подушки, которою бы не ударила его, и все невольницы тоже били его плодами вроде померанцев и лимонов, кислых и сладких, пока он не упал без чувств от побоев, затрещин по затылку и бросания.

И старуха сказала ему: «Теперь ты достиг желаемого. Знай, что тебе не будет больше побоев и осталось еще только одно, а именно: у нее в обычае, когда она опьянеет, никому не давать над собою власти раньше, чем она снимет платье и шальвары и останется голой, обнаженной. А потом она велит тебе снять одежду и бегать и сама побежит впереди тебя, как будто она от тебя убегает, а ты следуй за ней с места на место, пока у тебя не поднимется зебб, и тогда она даст тебе власть над собою».

«Сними с себя одежду», – сказала она потом; и мой брат снял с себя все платье (а мир исчез для него) и остался нагим, и тогда девушка сказала ему: «Вставай теперь и беги, и я тоже побегу, – и тоже разделась и воскликнула: «Если ты чего-нибудь хочешь, следуй за мной!» И она побежала впереди него, и он последовал за нею, и она вбегала в одно помещение за другим, и мой брат за ней, и страсть одолела его, и его зебб вел себя точно бесноватый. И она вбежала впереди него в темное помещение, и мой брат тоже за ней, и он наступил на тонкое место, и пол провалился под ним, и не успел мой брат опомниться, как оказался посреди улицы, на рынке кожевников, которые продавали и покупали кожи. И увидев моего брата в таком виде – нагого, с поднявшим-

ся зеббом, с бритой бородой, без усов и с красным лицом, торговцы закричали на него, и захлопали в ладоши, и стали бить его кожами, так что он лишился чувств. И его взвалили на осла и привезли к вали, и вали спросил их: «Кто это?» И они сказали: «Он упал к нам из дома везиря в таком виде». И тогда вали приказал дать ему сто ударов бичом по шее и выгнал из Багдада; и я вышел, и догнал его, и провел его тайно в город, а затем я назначил ему то, что нужно для пропитания. И если бы не мое великодушие, я бы не стал терпеть подобного ему».

Рассказ о третьем брате цирюльника

«А что касается моего третьего брата, то его имя Бакик, и он слепой. Судьба и предопределение привели его однажды к большому дому, и он постучал в ворота, надеясь, что владелец дома заговорит с ним и он попросит у него что-нибудь. И владелец дома спросил: «Кто у ворот?» – но никто ему не ответил, и мой брат услышал, как он опять спросил громким голосом: «Кто это?» Но мой брат не ответил ему и услышал, что он пошел и дошел до ворот, и открыл их, и спросил моего брата: «Что ты хочешь?» – «Чего-нибудь, ради Аллаха великого!» – сказал мой брат; и хозяин дома спросил: «Ты слепой?» – «Да», – отвечал мой брат; и тогда хозяин дома сказал ему: «Поддай мне руку», – и брат подал ему руку, думая, что хозяин дома что-нибудь даст ему, а тот взял его ру-

ку и повел его по лестнице, пока не довел до самой верхней крыши, а мой брат предполагал, что он чем-нибудь его накормит и даст ему что-нибудь.

И дойдя до конца, хозяин дома спросил моего брата: «Что ты хочешь, слепец?» И мой брат отвечал: «Хочу чего-нибудь, ради Аллаха великого». – «Пошли тебе Аллах!» – сказал хозяин дома; и тогда мой брат воскликнул: «Эй ты, почему ты не сказал мне этого внизу?» А хозяин дома отвечал: «О подлец, а ты почему не заговорил со мной сразу?» – «А сейчас что ты хочешь со мною сделать?» – спросил его мой брат. «У меня ничего нет, чтобы дать тебе», – отвечал он; и мой брат сказал: «Спустись со мною по лестницам». – «Дорога перед тобою», – сказал хозяин дома. И мой брат пошел и до тех пор спускался, пока между ним и воротами не осталось двадцати ступенек, но тут его нога поскользнулась, и он упал к воротам и раскрыл себе голову. И он вышел, не зная, куда направиться, и его догнали несколько его товарищей, слепых, и спросили: «Что досталось тебе в сегодняшний день?» И он рассказал им, что с ним произошло, а потом сказал: «О братья, я хочу взять немного из тех денег, что у меня остались, и истратить их на себя».

А владелец дома следовал за ним и слышал его слова, но мой брат и его товарищи не знали об этом человеке. И мой брат пришел к своему дому и вошел туда, и человек вошел вслед за ним (а брат не знал этого), и мой брат сел, ожидая своих товарищей. И когда они вошли, он сказал им: «Запри-

те дверь и обыщите дом, чтобы не последовал за нами кто-нибудь чужой». И услышав слова моего брата, тот человек встал и подтянулся на веревке, свисавшей с потолка, а они обошли весь дом и никого не нашли. А потом они вернулись, и сели рядом с моим братом, и, вынув бывшие у них деньги, сосчитали их, и вдруг их оказалось двенадцать тысяч дирхемов!

И они оставили деньги в углу комнаты, и каждый из них взял себе, сколько ему было нужно, а остаток денег они бросили на землю, а потом они поставили перед собой кое-какую еду и сели есть.

И брат услышал подле себя незнакомое жевание и сказал своим товарищам: «С нами чужой!» – и протянул руку, и его рука уцепилась за руку того человека – владельца дома. И они напали на него с побоями, а когда им надоело его бить, они принялись кричать: «О мусульмане, к нам вошел вор и хочет взять наши деньги!»

И около них собралось много народу, и тот человек подошел и привязался к ним и стал обвинять их в том же, в чем они обвиняли его, и зажмурил глаза, так что стал как будто слепым, как они, и никто не усомнился в этом. И он принялся кричать: «О мусульмане, я взываю к Аллаху и султану и прибегаю к Аллаху и к вали за советом!» И не успел он опомниться, как их всех окружили, и с ними моего брата, и погнали к дому вали.

И вали велел привести их к себе и спросил: «В чем ваше

дело?» И этот человек сказал: «Смотри, но для тебя ничего не станет ясно без пытки! Начни с меня первого и попытай меня, а потом вот этого, моего поводыря», — и он указал рукой на моего брата. И того человека протянули и побили четырьмя сотнями палок по заду, и побои причинили ему боль, и он открыл один глаз, а когда ему прибавили ударов, он открыл и второй глаз.

И вали спросил его: «Что это за дела, о проклятый?» И он отвечал: «Дай мне перстень пощады! Мы четверо притворяемся слепыми, и обманываем людей, и входим в дома, и смотрим на женщин, и стараемся их погубить. У нас скопилась большая нажива — двенадцать тысяч дирхемов, и я сказал своим товарищам: «Дайте мне то, что мне следует, — три тысячи дирхемов»; а они побили меня и взяли мои деньги. И я прошу защиты у Аллаха и у тебя. Я имею больше всех права на мою долю, и мне хочется, чтобы ты узнал истинность моих слов. Побей каждого из них сильнее, чем ты бил меня, и они откроют глаза».

И тогда вали велел их пытать и начал прежде всего с моего брата, и его привязали к лестнице, и вали сказал ему: «О негодяи, вы отрицаете милость Аллаха и утверждаете, что вы слепы!» — «Аллах, Аллах! — воскликнул мой брат. — Клянусь Аллахом, нет среди нас зрячего!» И его били, пока он не обеспамятел; и вали сказал: «Оставьте его, пусть он очнется, и побейте его снова, второй раз». А потом он велел дать каждому из его товарищей больше чем по триста палок,

и зрячий говорил им: «Откройте глаза, а не то вас еще будут бить!» А затем этот человек сказал вали: «Пошли со мною кого-нибудь, кто принесет тебе деньги; эти люди не откроют глаз: они боятся позора перед людьми». И вали послал и взял деньги, и дал из них этому человеку три тысячи дирхемов – его долю, как он утверждал, и взял остальное, и он выгнал троих слепцов из города.

И я вышел, о повелитель правоверных, и догнал моего брата, и спросил о его положении, и он рассказал мне то, о чем я тебе говорил, и я тайно ввел его в город и украдкою стал выдавать ему что есть и что пить».

И халиф засмеялся, услышав мой рассказ, и сказал: «Дайте ему награду, и пусть он уйдет!» Но я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму ничего, пока не изложу повелителю правоверных, что случилось с моими братьями! Я ведь мало говорю».

Рассказ о четвертом брате цирюльника

«А что до моего четвертого брата, о повелитель правоверных, – продолжал я, – (а это кривой), то он был мясником в Багдаде, и продавал мясо, и выращивал баранов, и к нему шли покупать мясо вельможи и люди состоятельные. И он нажил на этом большие деньги, и приобрел выючных животных и дома, и провел таким образом долгое время. И однажды, в один из дней, он был у своей лавки, и вдруг под-

ле нее остановился старик с большой бородой, и подал ему несколько дирхемов, и сказал: «Дай мне на это мяса», – и, отдав деньги, ушел (а мой брат дал ему мяса). И он посмотрел на серебро старика и увидел, что его дирхемы белые и блестят, и отложил их отдельно в сторону.

И старик продолжал ходить к нему пять месяцев, и мой брат бросал его дирхемы отдельно в сундук, но потом он пожелал их вынуть и купить на них баранов, и открыл сундук, но увидел, что все, что есть в нем, – белая нарезанная бумага.

И мой брат принялся бить себя по лицу и кричать; и народ собрался вокруг него, и он рассказал свою историю, и все удивились ей. А потом мой брат, как обычно, зарезал барана, и повесил его в лавке, и стал говорить: «Аллах! Если бы пришел этот скверный старец!» И не прошло минуты, как старик подошел со своим серебром, и тогда мой брат встал, и вцепился в него, и принялся вопить: «О мусульмане, ко мне! Послушайте мою историю с этим нечестивым!»

И услышав его слова, старец спросил: «Что тебе приятнее: отстать от меня или чтобы я тебя опозорил перед людьми?» – «А чем ты меня опозоришь?» – спросил брат. «Тем, что ты продаешь человеческое мясо за баранину», – отвечал старик. «Ты лжешь, проклятый!» – воскликнул мой брат; и старик сказал: «Тот проклятый, у кого человек в лавке повешен». – «Если дело обстоит так, как ты сказал, мои деньги и моя кровь тебе дозволены», – отвечал мой брат. И тогда старик сказал: «О собрание людей, если хотите подтвержде-

ния моим словам и моей правдивости – войдите в лавку». И люди ринулись в лавку моего брата и увидели, что тот баран превратился в повешенного человека; и увидав это, они вцепились в моего брата и закричали: «О неверный, о нечестивый!» И самый дорогой для него человек колотил его и бил по лицу и говорил: «Ты кормишь нас мясом сынов Адама!» – а старец ударил его по глазу и выбил его.

И люди понесли этого зарезанного к начальнику охраны, и старец сказал ему: «О эмир, этот человек режет людей, продает их мясо как мясо баранов, и мы привели его к тебе. Встань же и соверши правосудие Аллаха, великого, славного!» И мой брат защищался, но начальник не стал его слушать и велел дать ему пятьсот ударов палками, и у него взяли все деньги, – а если бы не деньги, его бы, наверное, убили.

И мой брат поднялся, и пошел наобум, и вошел в большой город; он подумал: «Хорошо бы сделаться башмачником», – и он открыл лавку и сидел, работая, чтобы прокормиться. И в один из дней он вышел по делу, и услышал топот коней, и спросил об этом, и ему сказали: «Это царь выезжает на охоту и ловлю». И мой брат стал смотреть на красоту царя, а взор царя встретился со взором моего брата, – и царь опустил голову и сказал: «К Аллаху прибегаю от зла этого дня!» – и повернул поводья своей лошади, и воротился; и все слуги тоже воротились. А потом царь приказал слугам, и они догнали моего брата и больно побили его, так что он едва не умер. И мой брат не знал, в чем причина этого, и вернулся в свое

жилище в невменяемом состоянии. И после этого он пошел к одному человеку из слуг царя и рассказал ему, что с ним случилось, и тот так засмеялся, что упал навзничь, и сказал ему: «О брат мой, знай, что царь не в состоянии смотреть на кривого, в особенности если он крив на правый глаз; он его не отпустит раньше, чем убьет».

Услышав такие слова, мой брат решил бежать из этого города, и поднялся, и вышел из него, и переправился в другую местность, где никого не было, кто бы знал его, и провел там долгое время. А после этого мой брат стал размышлять о своем деле. И однажды он вышел прогуляться, и услышал за собою топот коней, и сказал: «Пришло веление Аллаха!» И он стал искать места, где бы скрыться, но не нашел, и посмотрел – и вдруг видит: закрытая дверь. И он толкнул эту дверь, и она упала, и мой брат вошел, и увидел длинный проход, и вошел туда. И не успел он опомниться, как двое людей вцепились в него, и они сказали моему брату: «Слава Аллаху, который отдал тебя нам во власть! О враг Аллаха, вот уже три ночи, как ты не даешь нам спать и нам нет покоя, и ты заставил нас вкусить смерть!» – «О люди, в чем ваше дело?» – спросил мой брат, и они сказали: «Ты обманываешь нас и хочешь нас опозорить! Ты придумываешь хитрости и хочешь зарезать хозяина дома! Мало было тебе и твоим пособникам разорить его! Но вынь нож, которым ты каждую ночь грозишь нам!» И они обыскали его и нашли у него за поясом нож; и мой брат сказал им: «О люди, побойтесь

Аллаха! Знайте, что моя история удивительна». — «А какова твоя история?» — спросили они. И он рассказал свою историю, желая, чтобы его отпустили. И они не стали слушать моего брата, и не обратили внимания на его слова, и разорвали его одежду, и нашли на нем следы ударов плетьюми, и сказали: «О проклятый, вот следы ударов!» И потом моего брата привели к вали, и мой брат сказал про себя: «Я попался за мои грехи, и никто не освободит меня, если не Аллах великий». И вали спросил моего брата: «О несчастный, что побудило тебя на это дело? Ты вошел в дом для убийства!» И мой брат воскликнул: «Ради Аллаха, прошу тебя, о эмир, выслушай мои слова и не торопись со мною!» Но вали сказал: «Станем мы слушать слова вора, у которого на спине следы побоев! С тобой сделали такое дело не иначе как за большой грех», — прибавил вали и велел дать моему брату сто ударов; и моего брата побили сотней ударов, и посадили на верблюда, и кричали о нем: «Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто врывается в чужие дома!»

И вали приказал выгнать его из города, и мой брат пошел наобум, и, услышав об этом, я пошел к нему и расспросил его, и он рассказал мне свою историю и то, что с ним случилось, и я все время ходил с ним кругом города, пока о нем кричали, а когда его выпустили, я пришел к нему, и взял его тайно, и привел в город, и стал выдавать ему что есть и что пить».

Рассказ о пятом брате цирюльника

«А что касается моего пятого брата, то у него были отрезаны уши, о повелитель правоверных, и был он человек бедный и просил у людей по вечерам, а днем тратил выпрошенное. А отец наш был дряхлый старик, далеко зашедший в годах, и он умер и оставил нам семьсот дирхемов; и каждый из нас взял по сто дирхемов. И мой пятый брат, взяв свою долю, растерялся и не знал, что с нею делать; и когда он так раздумывал, вдруг пришло ему на ум купить на эти деньги всякого рода стеклянной посуды и извлечь из нее пользу. И он купил на сто дирхемов стекла, поставил его на большой поднос и сел в одном месте продавать его. А рядом с ним была стена, и он прислонился к ней спиной и сидел, размышляя о самом себе.

И он думал: «Моих основных денег в этом стекле — сто дирхемов, а я продам его за двести дирхемов и затем куплю на двести дирхемов стекла и продам его за четыреста дирхемов, и не перестану продавать и покупать, пока у меня не окажется много денег. И я куплю на них всяких товаров, драгоценностей и благовоний и получу большую прибыль, а после этого я куплю красивый дом, и куплю невольников, и коней, и золотые седла, и стану есть и пить, и не оставлю в городе ни одного певца или певицы, которых бы я не привел к себе. И если захочет Аллах великий, я накоплю капитал

в сто тысяч дирхемов...» И все это он прикидывал в уме, а поднос со стеклом стоял перед ним; и он думал дальше: «А когда денег станет сто тысяч дирхемов, я пошлю посредниц, чтобы посвататься к дочерям царей и везирей, и посватаюсь к дочери везиря — до меня дошло, что она совершенна по красоте и редкой прелести, — и дам за нее в приданое тысячу динаров; и если ее отец согласится — так и будет, а если не согласится — я возьму ее силой, наперекор его носу. И когда она окажется в моем доме, я куплю десять маленьких евнухов, и куплю себе одежду из одежд царей и султанов, и сделаю себе золотое седло, которое выложу дорогими самоцветами, а потом я выеду, и со мною будут рабы — пойдут вокруг меня и впереди меня, и я поеду по городу, и люди будут меня приветствовать и благословлять меня. А потом я войду к везирю, отцу девушки (а рабы будут сзади меня, и впереди меня, и справа от меня, и слева от меня), и когда везирь меня увидит, он поднимется мне навстречу и посадит меня на свое место, а сам сядет ниже меня, так как он мой тесть. А со мной будут два евнуха с двумя кошельками, в каждом кошельке по тысяче динаров, и я дам ему тысячу динаров в приданое за его дочь и подарю ему другую тысячу динаров, чтобы он знал мое благородство, и щедрость, и величие моей души, и ничтожность всего мирского в моих глазах. И если он обратится ко мне с десятью словами, я отвечу ему парой слов и уеду к себе домой. А когда придет кто-нибудь из родных моей жены, я подарю ему денег и награжу его одеждой;

а если он явится ко мне с подарком, я его верну ему и не приму – чтобы знали, что я горд душой и ставлю свою душу лишь на ее место. А потом я велю им привести меня в порядок, и когда они это сделают, я прикажу привести невесту и как следует все уберу в моем доме, а когда придет время открыванья, я надену самую роскошную одежду и буду сидеть в платье из парчи, облокотясь и не поворачиваясь ни вправо, ни влево, – из-за моего большого ума и степенности моего разума. И моя жена будет стоять предо мною, как луна, в своих одеждах и драгоценностях, и я не буду смотреть на нее из чванства и высокомерия, пока все, кто будет тут, не скажут: «О господин мой, твоя жена и служанка стоит перед тобой, соизволь посмотреть на нее, ей тягостно так стоять». И они много раз поцелуют предо мною землю, и тогда я подниму голову и взгляну на нее одним взглядом, а потом опущу голову к земле. И ее уведут в комнату сна, а я переменю свою одежду и надену что-нибудь лучшее, чем то, что на мне было; и когда невесту приведут ко мне, я не взгляну на нее, пока меня не попросят много раз, а потом я посмотрю на нее и опущу голову к земле, – и я все время буду так делать, пока ее открывание не окончится. А после я прикажу кому-нибудь из слуг подать кошель с пятью сотнями динаров, и когда невеста будет тут, я отдам его прислужницам и велю им ввести меня к невесте. И когда меня введут, я не стану смотреть на нее и не заговорю с ней из презрения, чтобы говорили, что я горд душой. И ее мать придет, и поцелует

мне голову и руку, и скажет: «О господин, взгляни на твою служанку, она хочет твоей близости, залечи же ее сердце». А я не дам ей ответа; когда она это увидит, она встанет, и поцелует мне ноги несколько раз, и скажет: «О господин мой, моя дочь красивая девушка, которая еще не видала мужчины, и когда она увидит в тебе такую сдержанность, ее сердце разобьется. Склонись же к ней и поговори с нею». И она поднимется и принесет мне кубок с вином, и ее дочь возьмет кубок, и когда она подойдет ко мне, я оставлю ее стоять перед собой, а сам облокочусь на вышитую подушку, не глядя на нее, — из-за величия своей души, — пока она мне не скажет, что я султан, высокий саном, и не попросит меня: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, не отвергай кубка из рук твоей служанки, ибо я твоя невольница». Но я ничего ей не отвечу; и она будет ко мне приставать и скажет: «Его обязательно надо выпить», — и поднесет его к моему рту; и я махну рукой ей в лицо, и отпихну ногой, сделаю вот так!» — и он взмахнул ногой, и поднос со стеклом упал (а он был на высоком месте) и свалился на землю, и все, что было на нем, разбилось.

И мой брат закричал и сказал: «Все это от высокомерия моего!» И тогда, о повелитель правоверных, он стал бить себя по лицу, и разорвал свою одежду, и начал плакать и бить себя; и люди смотрели на него, идя на пятничную молитву, и некоторые смотрели и жалели его, а другие о нем не думали. И мой брат был в таком состоянии: ушли от него и деньги

и прибыль. И он просидел некоторое время плача; и вдруг видит – красивая женщина едет на муле с золотым седлом, и с нею несколько слуг, и от нее веет мускусом, а едет она на пятничную молитву. И когда она увидела стекло, и состояние моего брата, и его плач, ее взяла печаль, и сердце ее сжалось над ним, и она спросила о его положении; и ей сказала: «С ним был поднос стеклянной посуды, благодаря которой он кое-как жил, и посуда разбилась, и его постигло то, что ты видишь». И тогда она позвала одного из слуг и сказала ему: «Дай то, что есть с тобой, этому бедняге»; и слуга дал моему брату кошелек, где он нашел пятьсот динаров, и когда они попали в его руки, он едва не умер от сильной радости.

И мой брат принялся благословлять ту женщину, и вернулся в свое жилище богатым, и сидел размышляя; и вдруг – стучат в дверь. И он встал, и открыл, и видит – незнакомая старуха. И она сказала ему: «О дитя мое, знай, что время молитвы уже близко, а я не совершила омовения, и мне бы хотелось, чтобы ты меня пустил к себе в дом омыться». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал мой брат, и вошел, и велел ей входить, и когда она вошла, он дал ей кувшин для омовения.

И мой брат сел, и сердце его трепетало от радости из-за динаров, и потом он завязал их в кошель; и когда он покончил с этим, старуха завершила омовение и, подойдя туда, где сидел мой брат, сотворила молитву в два раката, а затем помолилась за моего брата хорошей молитвой. И он поблагода-

рил ее за это и, протянув руку к динарам, дал ей два динара и сказал про себя: «Это от меня милостыня». И когда старуха увидела динары, она воскликнула: «Да будет Аллах превознесен! Почему ты смотришь на того, кто тебя любит, как на нищего? Возьми твои деньги, они мне не нужны, и положи их опять себе на сердце; а если ты хочешь встретиться с той, кто тебе их дал, я сведу ее с тобою – она моя подруга». – «О матушка, – спросил мой брат, – как ухитриться попасть к ней?» И она сказала: «О дитя мое, она имеет склонность к человеку богатому; возьми же с собой все свои деньги и следуй за мной, и я приведу тебя к тому, что ты хочешь. А когда ты встретишься с ней, употреби все, какие есть, ласки и приятные слова, и ты получишь из ее прелестей и ее денег все, что хочешь».

И мой брат взял с собой все свое золото, и поднялся, и пошел с ней (и он не верил этому); а старуха все шла, и мой брат следовал за нею до одних больших ворот. И она постучала, и вышла невольница-гречанка и открыла ворота, и тогда старуха вошла и велела моему брату войти с нею, и он вошел в большой дом и большую комнату, пол которой был устлан удивительными коврами, и там были повешены занавеси. И мой брат сел и положил золото перед собой, а свой тюрбан он положил на колени; и не успел он опомниться, как появилась девушка, лучше которой не видали смотрящие, и она была одета в роскошные одежды. И мой брат поднялся на ноги; и когда девушка увидела его, она засмеялась ему в

лицо и сделала ему знак сесть. А потом она велела запереть дверь и, подойдя к моему брату, взяла его за руку, и они оба отправились, и пришли к уединенной комнате, и вошли в нее, и оказалось, что она устлана разной парчой.

И мой брат сел, и она села с ним рядом и немножко поиграла с ним, а затем она поднялась и сказала: «Не двигайся с места, пока я не приду!» – и скрылась от моего брата на некоторое время. И когда он так сидел, вдруг вошел к нему черный раб огромного роста, и у него был обнаженный меч. «Горе тебе, – воскликнул он, – кто привел тебя в это место и что ты здесь делаешь?» И когда мой брат увидел его, он не был в состоянии дать ему никакого ответа, и у него оцепенел язык, так что он не мог вымолвить слова. И раб взял его, и снял с него одежду, и до тех пор бил его мечом плашмя, пока он не упал без чувств на землю от побоев, и скверный раб подумал, что он прикончил его. И мой брат слышал, как он говорит: «Где солильщица?» И к нему подошла девушка, несшая в руке большое блюдо, где было много соли, и раб все время присыпал ею раны моего брата, но тот не двигался, опасаясь, что раб узнает, что он жив, и убьет его и его душа пропадет.

Потом невольница ушла, – говорил рассказчик, – и раб крикнул: «Где погребщица?» И старуха подошла к моему брату, и потащила его за ноги в погреб, и бросила его туда на множество убитых. И он провел в этом месте два полных дня, и Аллах сделал соль причиной его жизни, так как она

остановила кровь; и мой брат нашел в себе силу, чтобы двигаться, и поднялся в погребке, и открыл над собой плиту (а он боялся), и вышел вон.

И Аллах даровал ему защиту, и брат вошел в темноту и скрылся в этом проходе до утра, а когда наступило утреннее время, эта проклятая старуха вышла на поиски другой дичи, и брат вышел за нею следом, а она не знала этого. И он пришел в свое жилище, и не переставал лечиться, пока не выздоровел, и следил за старухой, все время смотря, как она хватала людей одного за другим и приводила их в тот дом, но ничего не говорил.

А потом, когда вернулись к нему его дух и сила, он взял тряпку, сделал из нее кошель, наполнил его стеклом и привязал к поясу. И он переоделся, чтобы его никто не узнал, и надел платье, и, взяв меч, спрятал его под платье, и когда увидел старуху, сказал ей на языке персиян: «О старуха, я чужеземец, и прибыл сегодня в этот город, и никого не знаю. Нет ли у тебя весов, вмещающих пятьсот динаров? Я тебе подарю немного из них». И старуха ответила: «У меня сын – меняла, и у него есть всякие весы. Пойдем со мною раньше, чем он уйдет со своего места, и он свешает твое золото». – «Иди впереди меня!» – сказал мой брат; и она пошла, а брат сзади, и, подойдя к воротам, она постучала, и вышла та самая девушка и открыла ворота. И старуха засмеялась ей в лицо и сказала: «Я сегодня принесла вам жирный кусок мяса». И девушка взяла моего брата за руку и ввела его в то помеще-

ние, куда он входил прежде. И она немного посидела подле него, и поднялась, и сказала: «Не уходи, пока я не вернусь к тебе», – и ушла. И не успел мой брат опомниться, как пришел проклятый раб, и с ним был тот обнаженный меч. И он сказал моему брату: «Поднимайся, проклятый!» И мой брат поднялся, и раб пошел впереди него, а брат мой шел сзади; и он протянул руку к мечу, что был у него под платьем, и ударил им раба, и скинул ему голову с плеч, потащил его за ногу к погребу и крикнул: «Где солильщица?» И тогда пришла девушка с блюдом, в котором была соль, и, увидав моего брата и в его руке меч, она бросилась бежать, но брат последовал за нею, и ударил ее, и отрубил ей голову. А потом он закричал: «Где старуха?» И она пришла, и брат спросил ее: «Узнаешь ты меня, скверная старуха?» А она отвечала: «Нет, господин». И мой брат сказал: «Я владелец денег, к которому ты пришла, и ты у меня омылась, и помолилась, и призвала меня сюда». – «Побойся Аллаха и подумай еще о моем деле», – сказала старуха; но мой брат и не посмотрел на нее и так ударил ее, что разрубил на четыре куска, а потом он вышел искать девушку, и когда она увидела его, ее ум улетел, и она воскликнула: «Пощады!» И мой брат пощадил ее.

«Что привело тебя к этому черному?» – спросил он тогда ее; она сказала: «Я была невольницей одного купца, а эта старуха заходила ко мне, и я с нею подружилась. И в один из дней она сказала мне: «У нас свадьба, равной которой никто не видел, и я хочу, чтобы ты посмотрела на нее». И я

отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь!» – потом я надела свою лучшую одежду и драгоценности, и взяла с собою кошелек с сотнею динаров, и пошла с нею, и она привела меня в этот дом. И войдя, я не успела опомниться, как этот черный взял меня, и я в таком положении уже три года из-за хитрости проклятой старухи». – «А есть у него что-нибудь в этом доме?» – спросил мой брат, и она сказала: «У него есть много, и если ты можешь это перенести, перенеси, попросив совета у Аллаха».

И мой брат поднялся и пошел с нею, и она открыла сундуки, в которых были мешки, и мой брат впал в недоумение, а девушка сказала ему: «Иди теперь, и оставь меня здесь, и приведи кого-нибудь, чтобы снести деньги». И мой брат вышел, и нанял десять человек, и пришел к воротам, но нашел их открытыми и не увидел ни девушки, ни мешков, кроме немногих, – одни только ткани. Он понял, что девушка обманула его, и взял оставшиеся деньги, и, открыв кладовые, забрал то, что в них было, и ничего не оставил в доме, и провел ночь радостный.

А когда настало утро, он нашел у ворот двадцать солдат, которые вцепились в него и сказали: «Вали тебя требует». И они взяли его, и мой брат стал проситься у них пройти в свой дом, но они не дали ему времени вернуться домой, и мой брат обещал им много денег, но они отказались. И они крепко связали его веревкой и повели, и им встретился по дороге один его приятель, и мой брат уцепился за его полу и

стал просить его постоять с ним, чтобы помочь ему освободиться из их рук. И этот человек остановился и спросил их, в чем с ним дело; и они сказали: «Вали приказал нам привести его к себе, и вот мы идем с ним». И друг моего брата попросил их освободить его, с тем что он даст им пятьсот динаров, и сказал им: «Когда вернетесь к вали, скажите ему: «Мы его не нашли». Но они отвергли его слова и взяли моего брата, таща его вниз лицом, и привели его к вали; и когда вали увидел моего брата, он спросил его: «Откуда у тебя эти ткани и деньги?» – «Я хочу пощады», – сказал мой брат; и вали дал ему платок пощады, и тогда брат рассказал ему о том, что случилось и что произошло у него со старухой, с начала до конца, и о бегстве девушки, и сказал вали: «А то, что я взял, возьми из этого сколько хочешь и оставь мне, на что кормиться». И вали взял все деньги и ткани, и побоялся, что весть об этом дойдет до султана, и сказал моему брату: «Уходи из этого города, а не то я тебя повешу!» И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и ушел в какой-то город, и на него напали воры, и раздели его, и побили, и обрезали ему уши. И я услышал весть о нем, и вышел к нему, и взял для него одежду, и привел его тайно в город, и стал ему выдавать что пить и что есть».

Рассказ о шестом брате цирюльника

«А что касается моего шестого брата, о повелитель пра-

воверных, то у него отрезаны губы. Он обеднел и вышел однажды поискать чего-нибудь, чтобы удержать в теле жизнь; и вот, когда он шел какой-то дорогой, он вдруг видит прекрасный дом с широким, высоким портиком, а возле ворот слуги и люди, приказывающие и запрещающие. И он спросил кого-то из стоявших там, и тот сказал: «Это дом одного из семьи Бармакидов». И тогда мой брат подошел к привратникам и попросил у них чего-нибудь, и они сказали: «Войди в ворота дома – найдешь то, что любишь, у нашего господина». И мой брат вошел под портик, и прошел под ним, и достиг дома, красивого до предела красоты и изящества, и посреди него был сад, подобного которому он не видел, а пол в нем был выложен мрамором, и повешены были там занавеси.

И брат мой остался в недоумении, не зная, куда направиться, и пошел к возвышенной части покоя, и увидел человека с красивым лицом и бородой; и тот, увидев моего брата, поднялся к нему, и приветствовал его, и спросил его о его положении, и брат сообщил ему, что он нуждается.

И услышав слова моего брата, этот человек проявил сильное огорчение и, взявшись рукою за свою одежду, разорвал ее и воскликнул: «Я живу в этом городе, а ты в нем голодаешь! Мне не вынести этого!»

И он обещал ему всякие блага и сказал: «Ты непременно должен разделить со мной соль». И мой брат ответил: «О господин, у меня нет терпения, и я сильно голоден!» И хозяин крикнул: «Эй, мальчик, подай таз и кувшин! – и ска-

зал: – Подойди и вымой руки». И мой брат поднялся, чтобы помыть руки, но не увидел ни таза, ни кувшина. А хозяин стал делать движения, точно он моет руки, и потом крикнул: «Подайте столик!» Но мой брат ничего не увидел. И тот человек сказал ему: «Пожалуйста, поешь этого кушанья, не стыдись! – и стал делать движения, как будто он ест, и говорил моему брату: – Удивительно, как ты мало ешь! Не ограничивай себя в еде, я знаю, как ты голоден!» И мой брат стал делать вид, что ест, а хозяин говорит ему: «Ешь и смотри, как хорош и как бел этот хлеб». Но брат ничего не видел и думал про себя: «Этот человек любит издеваться над людьми». «О господин мой, – сказал ему брат, – я в жизни не видал хлеба белее и вкуснее этого». И он отвечал: «Его испекла невольница, которую я купил за шестьсот динаров». Потом хозяин дома крикнул: «Эй, мальчик, подай мясной пирог, первое кушанье, и прибавь в него жиру!» И спросил моего брата: «О гость, заклинаю тебя Аллахом, видел ли ты пирог лучше этого? Ради моей жизни, ешь, не стыдись! Эй, мальчик, – крикнул он затем, – подай нам мясо в уксусе и жирных куропаток!» И сказал моему брату: «Ешь, гость, ты голоден и нуждаешься в этом». И мой брат стал ворочать челюстями и жевать, а тот человек требовал кушанье за кушаньем, но ничего не приносили, и он только приказывал моему брату есть.

Потом он крикнул: «Эй, мальчик, подай нам цыплят, начиненных фисташками!» И сказал моему брату: «Заклинаю

тебя жизнью, о мой гость, этих цыплят откармливали фи-
сташками, – поешь же того, чему подобного ты никогда не
ел, и не стыдись». – «О господин мой, это хорошо!» – от-
вечал мой брат; и хозяин стал подносить руку ко рту моего
брата, как бы кормя его, и перечислял блюда, расхваливая
их моему брату, который был голоден, и его голод еще уве-
личился, так что ему хотелось хотя бы ячменной лепешки.
«Видел ли ты пряности лучше тех, что в этих кушаньях?» –
спросил он потом; и мой брат ответил: «Нет, господин». И
тот сказал: «Ешь хорошенько и не стыдись!» – «Мне уже до-
вольно еды», – отвечал мой брат; и хозяин дома крикнул:
«Уберите это и подайте сладости!» И сказал моему брату:
«Поешь вот этого, это прекрасное кушанье, и покушай этих
пышек. Заклинаю тебя жизнью, возьми эту пышку, пока с
нее не стек сок». – «Да не лишусь я тебя, о господин мой!» –
воскликнул мой брат и принялся расспрашивать его, много
ли мускуса в пышках, и хозяин дома отвечал: «У меня обыч-
но кладут в каждую пышку мискаль мускуса и полмискаля
амбры». И при всем этом мой брат двигал головой и ртом
и играл челюстями. «Ешь этот миндаль, не стыдись», – ска-
зал хозяин дома; и мой брат ответил: «О господин мой, с
меня уже довольно, я не в состоянии что-нибудь съесть!» А
хозяин дома воскликнул: «О гость, если хочешь чего-нибудь
съесть и насладиться, Аллахом, Аллахом закликаю тебя, не
будь голоден!» – «О господин, – сказал мой брат, – как мо-
жет быть голоден тот, что съел все эти кушанья?» И потом

мой брат подумал и сказал про себя: «Обязательно сделаю с ним дело, после которого он раскается в таких поступках!» А тот человек крикнул: «Подайте нам вино!» И слуги стали двигать руками в воздухе, точно подают вино. И хозяин подал брату кубок и сказал: «Возьми этот кубок, и если вино тебе понравится, скажи мне». – «О господин, – отвечал мой брат, – оно хорошо пахнет, но я привык пить старое вино, которому двадцать лет». – «Постучись-ка в эту дверь – ты сможешь несколько его выпить», – сказал хозяин; и мой брат воскликнул: «О господин, твоей милостью!» – и сделал движение рукой, как будто пьет, а хозяин дома сказал: «На здоровье и в удовольствие!» Потом он сделал вид, что выпил, и подал моему брату второй кубок, и тот выпил и сделал вид, что опьянел, а затем мой брат захватил его врасплох и, подняв руку так, что стало видно белизну его подмышки, дал ему затрещину, от которой зазвенело в помещении. И он дал ему еще затрещину, второй раз, и тот человек воскликнул: «Что это, негодяй?» И мой брат отвечал: «О господин мой, ты был милостив к твоему рабу, и ввел его в свой дом, и дал ему поесть пищи, и напоил его старым вином, и он охмелел и стал буяннить, но ты достаточно возвышен, чтобы снести его глупость и простить ему вину».

И услышав его слова, хозяин дома громко рассмеялся и сказал: «Я уже долгое время потешаюсь над людьми и издеваюсь над друзьями, но не видел ни у кого такой выносливости и сообразительности, чтобы проделать со мною все

эти дела. А теперь я простил тебя; будь же моим сотрапезником взаправду и никогда не расставайся со мной». И он велел внести множество сортов кушаний, которые упомянул вначале, и они с моим братом ели, пока не насытились, а затем они перешли в комнату для питья; и вдруг там оказались невольницы, подобные лунам, и они стали петь на все голоса и под все инструменты, а потом оба принялись пить, и их одолел хмель; и тот человек подружился с моим братом так, что стал ему точно брат, и полюбил его великой любовью, и наградил его. А когда настало утро, они снова принялись за еду и питье – и так продолжалось в течение двадцати лет. А потом тот человек умер, и султан захватил его имущество и то, что было у моего брата, и султан отбирал у него деньги, пока не оставил его бедняком, ничего не имеющим.

И мой брат вышел, убегая наобум; и когда он был посреди дороги, на него напали кочевники и взяли его в плен. Они привели его к себе в стан, и тот, кто его забрал, стал его мучить и говорил ему: «Выкупи у меня твою душу за деньги, а не то я тебя убью!»; а мой брат плакал и говорил ему: «Клянусь Аллахом, у меня ничего нет! Я твой пленник, делай со мной что хочешь».

И кочевник вынул нож, и отрезал моему брату губы, и все сильнее приставал к нему с требованиями. А у кочевника была красивая жена, и когда он выходил, она предлагала себя моему брату и старалась прельстить его, а он отказывался; но когда наступил один из дней и она стала соблазнять

брата, он принялся играть с нею и посадил ее к себе на колени. И в это время ее муж вдруг вошел к ней и, увидав моего брата, воскликнул: «Горе тебе, проклятый, теперь ты хочешь испортить мою жену!» И он вынул нож, и отрезал ему зебб, и, взвалив моего брата на верблюда, бросил его на горе, и оставил.

И мимо него проходили путешественники, и они узнали его, и накормили, и напоили, и сообщили мне, что с ним случилось; и я пришел к нему, и понес его, и принес его в город, и назначил ему всего достаточно. И вот я пришел к тебе, о повелитель правоверных, и побоялся уйти отсюда, прежде чем расскажу тебе: это было бы ошибкой. Ведь за мною шесть братьев, и я забочусь о них».

И когда повелитель правоверных услышал мою историю и то, что я рассказал ему о моих братьях, он засмеялся и сказал: «Твоя правда, о Молчальник, ты немногоречив, и в тебе нет болтливости, но теперь уходи из этого города и живи в другом!» И он выгнал меня под стражей.

И я входил в города и обходил области, пока не услышал о его смерти и о том, что халифом стал другой, и тогда я пришел в этот город; и оказалось, что мои братья уже умерли. И я пошел к этому юноше, и сделал с ним наилучшие дела, и если бы не я, его наверное бы убили, но он обвинил меня в том, чего во мне нет. И то, о собрание, что он передал о моей болтливости, — ложь. Из-за этого юноши я обошел многие страны, пока не достиг этой земли и не застал его у вас, и не

от моего ли это великодушия, о благое собрание?»

И когда мы слышали историю цирюльника, и его многие речи, и то, что он обидел этого юношу, мы взяли цирюльника, и схватили его, и заточили, и сели, спокойные, и поели, и выпили, и пир продолжался до призыва к послеполуденной молитве. И потом я вышел и пришел домой, и моя жена насупилась и сказала: «Ты веселишься и развлекаешься, а я грущу! Если ты меня не выведешь и не будешь со мной гулять остаток дня, я разорву веревку нашей близости и причина нашей разлуки будет в тебе».

И я вышел с нею, и мы гуляли до вечера, а затем мы вернулись и встретили горбуна, который был пьян через край, и он говорил такие стихи:

Вино и кубок пропускают свет,
Прозрачность их, однако, не ясна:

Вот предо мной вино, а кубка нет,
Вот кубок предо мной, но нет вина²⁹.

И я пригласил его и вышел купить жареной рыбы, и мы сели есть, а потом моя жена дала ему кусок хлеба и рыбы и сунула их ему в рот, и заткнула его, и горбун умер; и я снес его и ухитрился бросить его в дом этого врача-еврея, а врач из-

²⁹ Перевод Д. Самойлова.

ловчился и бросил его в дом надсмотрщика, а надсмотрщик ухитрился и бросил на дороге христианина-маклера. Вот моя история и то, что я вчера пережил, – не удивительнее ли это истории горбуна?»

И услышав эту историю, царь Китая затряс головой от восторга, и проявил удивление, и сказал: «Эта история, что произошла между юношей и болтливым цирюльником, поистине лучше и прекраснее истории лгуна-горбуна!»

Потом царь приказал одному из придворных: «Пойдите с портным и приведите цирюльника из заточения: я послушаю его речи, и он будет причиной вашего освобождения, а этого горбуна мы похороним – ведь он со вчерашнего дня мертвый – и сделаем его гробницу».

И не прошло минуты, как придворный с портным отправились в тюрьму, и вывели оттуда цирюльника, и шли с ним, пока не остановились перед царем. И увидев цирюльника, царь всмотрелся в него – и вдруг оказывается: это дряхлый старик, зашедший за девяносто, с черным лицом, белой бородой и бровями, обрубленными ушами и длинным носом, и в душе его – глупость. И царь засмеялся от его вида и сказал: «О Молчальник, я хочу, чтобы ты рассказал мне какую-нибудь из твоих историй». И цирюльник спросил: «О царь времени, а какова история этого христианина, и еврея, и мусульманина, и мертвого горбуна, который среди вас, и что причина этого собрания?» – «А почему ты об этом спрашиваешь?» – сказал царь Китая; и цирюльник отвечал: «Я спра-

шиваю о них, чтобы царь узнал, что я не болтун и я не виновен в болтливости, в которой они меня обвиняют. Я тот, чье имя Молчальник, и во мне есть доля от моего имени».

«Изложите цирюльнику историю этого горбуна и то, что случилось с ним в вечернюю пору и что рассказывали еврей, христианин, надсмотрщик и портной», – сказал царь; и они это сделали (а в повторении нет пользы!), и после этого цирюльник покачал головой и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это, поистине, удивительная диковина! Откройте этого горбуна!»

И ему открыли горбуна, и он сел около него, и, взяв его голову на колени, посмотрел ему в лицо, и стал так смеяться, что перевернулся навзничь, а потом воскликнул: «Всякая смерть удивительна, но о смерти этого горбуна следует записать золотыми чернилами!» И все собравшиеся оторопели от слов цирюльника, и царь удивился его речам и спросил: «Что с тобой, о Молчальник? Расскажи нам». И цирюльник ответил: «О царь времени, клянусь твоей милостью, в лгуне-горбуне есть дух!» И цирюльник вынул из-за пазухи шкатулку и, открыв ее, извлек из нее горшочек с жиром и смазал им шею горбуна и жилы на ней, а потом он вынул два железных крючка и, опустив их ему в горло, извлек оттуда кусок рыбы с костью, и когда он вынул его, оказалось, что он залит кровью. А горбун один раз чихнул и вскочил на ноги, и погладил себя по лицу, и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – посланник Аллаха!»

И царь и присутствующие удивились тому, что они воочию увидели.

И царь Китая так смеялся, что лишился чувств и присутствующие тоже; и султан сказал: «Клянусь Аллахом, это удивительная история, и я в жизни не слышал диковиннее ее!»

«О мусульмане, о все воины, – спросил потом султан, – видели ли вы в жизни, чтобы кто-нибудь умер и потом ожил? Если бы Аллах не послал ему этого цирюльника (а он был причиной его жизни), горбун наверное бы умер».

И все сказали: «Клянемся Аллахом, это удивительная диковина!» А потом царь Китая приказал записать эту историю золотыми чернилами, и ее записали и затем положили в казну царя. А после этого он наградил еврея, христианина и надсмотрщика, каждого из них, драгоценной одеждой, и велел им уходить; и они ушли. А затем царь обернулся к портному и наградил его драгоценной одеждой и сделал своим портным; он назначил ему выдачи, и помирил его с горбуном, наградил горбуна дорогой и красивой одеждой, и назначил ему выдачи, сделав его своим сотрапезником, а цирюльника он пожаловал и назначил его главным цирюльником царства и своим собутыльником. И они пребывали в сладостнейшей и приятнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Но это нисколько не удивительнее рассказа о двух везирах и Анис аль-Джалис». – «А как это было?» – спросила Дуньязада.

Рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис

«Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был в Басре царь из царей, который любил бедняков и нищих, и был благосклонен к подданным, и одаривал из своих денег тех, кто верил в Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует! И звали его царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зейни, и у него было два везиря, один из которых прозывался аль-Муин ибн Сави, а другого звали аль-Фадл ибн Хакан. И аль-Фадл ибн Хакан был великодушнейший человек своего времени и вел хорошую жизнь, так что сердца соединились в любви к нему, и люди единодушно советовались с ним, и все молились о его долгой жизни – ибо в нем было чистое добро и он уничтожил зло и вред.

А везирь аль-Муин ибн Сави ненавидел людей и не любил добра, и в нем было одно зло. И люди, насколько они любили аль-Фадла ибн Хакана, настолько ненавидели аль-Муина ибн Сави.

И властью всемогущего случилось так, что царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зейни однажды сидел на престоле своего царства, окруженный вельможами правления, и позвал своего везиря аль-Фадла ибн Хакана, и сказал ему: «Я хочу невольницу, которой не было бы лучше в ее время, и чтобы

она была совершенна по красоте, и превосходила бы других стройностью, и обладала похвальными качествами».

И вельможи правления сказали: «Такую найдешь только за десять тысяч динаров». И тогда султан кликнул своего казначея и сказал: «Отнеси десять тысяч динаров аль-Фадлу ибн Хакану!» – и казначей исполнил приказание султана.

А везирь ушел, после того как султан велел ему ходить каждый день на рынок и передать посредникам то, что мы говорили, и чтобы не продавали ни одной невольницы выше тысячи динаров ценою, пока ее не покажут везирю. И невольниц не продавали, прежде чем их покажут везирю, но никакая невольница, что попадала к ним, не нравилась ему.

В один из дней вдруг пришел ко дворцу везиря аль-Фадла ибн Хакана посредник и, увидя его на коне, въезжающим в царский дворец, схватил его стремя и сказал: «О господин, то, что отыскать было прежде благородное повеление, – готово!» И везирь воскликнул: «Ко мне с нею!» И посредник на некоторое время скрылся, и пришла с ним девушка стройная станом, с высокой грудью, насурьмленным оком и овальным лицом, с худощавым телом и тяжкими бедрами, в лучшей одежде, какая есть из одежд, и со слюной слаще патоки, и ее стан был стройнее гибких веток и речи нежнее ветерка на заре.

И когда везирь увидел ее, он был ею восхищен до пределов восхищения, а затем он обратился к посреднику и спросил его: «Сколько стоит эта невольница?» И тот ответил:

«Цена за нее остановилась на десяти тысячах динаров, и ее владелец клянется, что эти десять тысяч динаров не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законовещения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах». – «Ко мне с ее господином!» – сказал везирь, и посредник привел его в тот же час и минуту, и вдруг оказывается – он человек из персиян, который прожил, сколько прожил, и судьба потрепала его, но пощадила.

«Согласен ли ты взять за эту невольницу десять тысяч динаров от султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни?» – спросил везирь, и персиянин воскликнул: «Клянусь Аллахом, я предлагаю ее султану ни за что – это для меня обязательно!» И тогда везирь велел принести деньги, и их принесли и отвесили персиянину.

И работорговец подошел к везиру и сказал ему: «С разрешения нашего владыки везиря я скажу!» – «Подавай, что у тебя есть!» – ответил везирь, и торговец сказал: «По моему мнению, лучше тебе не приводить этой девушки к султану в сегодняшний день: она прибыла из путешествия, и воздух над нею сменился, и путешествие поистерло ее. Но оставь ее у себя во дворце на десять дней, пока она не придет в обычное состояние, а потом сведи ее в баню, одень ее в наилучшие одежды и отведи ее к султану – тебе будет при этом пол-

нейшее счастье».

И везирь обдумал слова работорговца и нашел их правильными. Он привел девушку к себе во дворец, и отвел ей отдельное помещение, и каждый день выдавал ей нужные кушанья, напитки и прочее, и она провела таким образом некоторое время.

А у везиря аль-Фадла ибн Хакана был сын, подобный лу-не, когда она появится, с лицом как месяц и румяными щеками, с родинкой, словно точка амбры, и с зеленым пушком. И юноша не знал об этой невольнице, а его отец научил ее и сказал: «О дочь моя, знай, что я купил тебя только как наложницу для царя Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни, а у меня есть сын, который не оставался на улице один с девушкой без того, чтобы не иметь с нею дело. Будь же с ним настороже и берегись показать ему твое лицо и дать ему услышать твои речи». И девушка отвечала ему: «Слушаю и повинуюсь!» И он оставил ее и удалился.

А по предопределенному велению случилось так, что девушка в один из дней пошла в баню, что была в их жилище, и одна из невольниц вымыла ее, и она надела роскошные платья, так что увеличилась ее красота и прелесть, и вошла к госпоже, жене везиря, и поцеловала ей руку, и та сказала: «На здоровье, Анис аль-Джалис! Хороша эта баня?» – «О госпожа, – отвечала она, – мне доставало только твоего присутствия там». И тогда госпожа сказала невольницам: «Пойдемте в баню!» – и те ответили: «Внимание и повинно-

вание!» И они поднялись, и их госпожа меж ними, и она поручила двери той комнаты, где находилась Анис аль-Джалис, двум маленьким невольницам и сказала им: «Не давайте никому войти к девушке!» И они отвечали: «Внимание и повиновение!»

И когда Анис аль-Джалис сидела в комнате, сын везиря, а звали его Нур ад-Дин Али, вдруг пришел и спросил о своей матери и о девушке, и невольницы ответили: «Они пошли в баню».

А невольница Анис аль-Джалис услышала слова Нур ад-Дина Али, сына везиря, будучи внутри комнаты, и сказала про себя: «Посмотреть бы, что это за юноша, о котором везирь говорил мне, что он не оставался с девушкой на улице без того, чтобы не иметь с ней дело! Клянусь Аллахом, я хочу взглянуть на него!» И поднявшись (а она была только что из бани), она подошла к двери комнаты и посмотрела на Нур ад-Дина Али, и вдруг оказывается – это юноша, подобный луне в полнолуние. И взгляд этот оставил после себя тысячу вздохов, и юноша бросил взгляд и взглянул на нее взором, оставившим после себя тысячу вздохов, и каждый из них попал в сети любви к другому.

И юноша подошел к невольницам и крикнул на них, и они убежали от него и остановились вдалеке, глядя, что он делает. И вдруг он подошел к двери комнаты, открыл ее, и вошел к девушке, и сказал ей: «Тебя мой отец купил для меня?» И она ответила: «Да», – и тогда юноша подошел к ней

(а он был в состоянии опьянения), и взял ее ноги, и положил их себе вокруг пояса, а она сплела руки на его шее и встретила его поцелуями, вскрикиваниями и заигрываниями, и он стал сосать ей язык, и она сосала ему язык, и он уничтожил ее девственность.

И когда невольницы увидали, что их молодой господин вошел к девушке Анис аль-Джалис, они закричали и завопили, а юноша уже удовлетворил нужду и вышел, убегая и ища спасения, и бежал, боясь последствий того дела, которое он сделал. И услышав вопли девушек, их госпожа поднялась, и вышла из бани (а пот капал с нее), и спросила: «Что это за вопли в доме? – и, подойдя к двум невольницам, которых она посадила у дверей комнаты, она воскликнула: – Горе вам, что случилось?» И они, увидав ее, сказали: «Наш господин Нур ад-Дин пришел к нам и побил нас, и мы убежали от него, а он вошел к Анис аль-Джалис и обнял ее, и мы не знаем, что он сделал после этого. А когда мы кликнули тебя, он убежал». И тогда госпожа подошла к Анис аль-Джалис и спросила ее: «Что случилось?» – и она отвечала: «О госпожа, я сижу, и вдруг входит ко мне красивый юноша и спрашивает: «Тебя купил для меня отец?» И я отвечала: «Да!» – и клянусь Аллахом, госпожа, я думала, что его слова правда, – и тогда он подошел ко мне и обнял меня». – «А говорил он тебе еще что-нибудь, кроме этого?» – спросила ее госпожа, и она ответила: «Да, и он взял от меня три поцелуя». – «Он не оставил тебя, не обесчестив!» – восклик-

нула госпожа, и потом заплакала, и стала бить себя по лицу, вместе с невольницами, боясь за Нур ад-Дина, чтобы его не зарезал отец.

И пока это происходило, вдруг вошел везирь и спросил, в чем дело, и его жена сказала ему: «Поклянись мне, что то, что я скажу, ты выслушаешь!» – «Хорошо», – отвечал везирь. И она повторила ему, что сделал его сын, и везирь опечалился, и порвал на себе одежду, и стал бить себя по лицу, и выщипал себе бороду. И его жена сказала: «Не убивайся, я дам тебе из своих денег десять тысяч динаров, ее цену». И тогда везирь поднял к ней голову и сказал: «Горе тебе, не нужно мне ее цены, но я боюсь, что пропадет моя душа и мое имущество». – «О господин мой, а как же так?» – спросила она. И везирь сказал: «Разве ты не знаешь, что за нами следит враг, которого зовут аль-Муин ибн Сави? Когда он услышит об этом деле, он пойдет к султану и скажет ему: «Твой везирь, который, как ты говоришь, тебя любит, взял у тебя десять тысяч динаров и купил на них девушку, равной которой никто не видел, и когда она ему понравилась, он сказал своему сыну: «Возьми ее, у тебя на нее больше прав, чем у султана». И он ее взял и уничтожил ее девственность. И вот эта невольница у него». И царь скажет: «Ты лжешь!» – а он ответит царю: «С твоего позволения я ворвусь к нему и приведу ее тебе». И царь прикажет ему это сделать, и он обыщет дом, и заберет девушку, и приведет ее к султану, а тот спросит ее, и она не сможет отрицать, и аль-Муин скажет:

«О господин, ты знаешь, что я тебе искренний советчик, но только нет мне у вас счастья». И султан изуродует меня, а все люди будут смотреть на это, и пропадет моя душа». И жена везиря сказала ему: «Не дай никому узнать об этом – это дело случилось втайне – и вручи свое дело Аллаху в этом событии». И тогда сердце везиря успокоилось.

Вот что было с везирем. Что же касается Нур ад-Дина Али, то он испугался последствий своего поступка и проводил весь день в садах, а в конце вечера он приходил к матери и спал у нее, а перед утром вставал и уходил в сад. И так он поступал месяц, не показывая отцу своего лица. И его мать сказала его отцу: «О господин, погубим ли мы девушку и погубим ли сына? Если так будет продолжаться, то он уйдет от нас». – «А как же поступить?» – спросил ее везирь. И она сказала: «Не спи сегодня ночью и, когда он придет, схвати его – и помирись. И отдай ему девушку – она любит его, и он любит ее, а я дам тебе ее цену».

И везирь подождал до ночи и, когда пришел его сын, он схватил его и хотел его зарезать, но мать Нур ад-Дина настигла его и спросила: «Что ты хочешь с ним сделать?» – «Я зарежу его», – отвечал везирь, и тогда сын спросил своего отца: «Разве я для тебя ничтожен?» И глаза везиря наполнились слезами, и он воскликнул: «О дитя мое, как могло быть для тебя ничтожно, что пропадут мои деньги и моя душа?» И юноша отвечал: «Послушай, о батюшка, что сказал поэт:

Пусть я грешник, но мудрые грешных прощали,
Ведь имели они снисхождение к греху.

Как враги твои могут избегнуть печали,
Если все они в бездне, а ты наверху?»³⁰

И тогда везирь поднялся с груди своего сына и сказал: «Дитя мое, я простил тебя!» – и его сердце взволновалось, а сын его поднялся и поцеловал руку своего отца, и тот сказал: «О дитя мое, если бы я знал, что ты будешь справедлив к Анис аль-Джалис, я бы подарил ее тебе». – «О батюшка, как мне не быть к ней справедливым?» – спросил Нур ад-Дин.

И везирь сказал: «Я дам тебе наставление, дитя мое: не бери, кроме нее, жены или наложницы и не продавай ее». – «Клянусь тебе, батюшка, что я ни на ком, кроме нее, не женюсь и не продам ее», – отвечал Нур ад-Дин, и дал в этом клятву, и вошел к невольнице, и прожил с нею год. И Аллах великий заставил царя забыть случай с этой девушкой.

Что же касается аль-Муина ибн Сави, то до него дошла весть об этом, но он не мог говорить из-за положения везиря при султане.

А когда прошел год, везирь аль-Фадл ибн Хакан отправился в баню и вышел оттуда вспотевший, и его ударило воздухом, так что он слег на подушки, и бессонница его продлилась, и слабость растеклась по нему.

³⁰ Перевод А. Ревича.

И тогда он позвал своего сына Нур ад-Дина Али и, когда тот явился, сказал ему: «О сын мой, знай, что удел распределен и срок установлен, и всякое дыхание должно испытать чашу смерти... О дитя мое, – сказал он потом, – нет у меня для тебя наставления, кроме того, чтобы бояться Аллаха, и думать о последствиях дел, и заботиться о девушке Анис аль-Джалис». – «О батюшка, – сказал Нур ад-Дин, – кто же равен тебе? Ты был известен добрыми делами, и за тебя молились на кафедрах!» И везирь сказал: «О дитя мое, я надеюсь, что Аллах меня примет!» И затем он произнес оба исповедания и был приписан к числу людей блаженства.

И тогда дворец перевернулся от воплей, и весть об этом дошла до султана, и жители города слышали о кончине аль-Фадла ибн Хакана, и заплакали о нем дети в школах. И его сын Нур ад-Дин Али поднялся и обрядил его, и явились эмиры, везири, вельможи царства и жители города, и в числе присутствующих на похоронах был везирь аль-Муин ибн Сави.

И когда схоронили аль-Фадла ибн Хакана в земле и вернулись друзья и родные, Нур ад-Дин тоже вернулся со стенами и плачем. И он пребывал в глубокой печали об отце долгое время, и в один из дней, когда он сидел в доме своего отца, вдруг кто-то постучал в дверь. И Нур ад-Дин Али поднялся и открыл дверь, и вошел один из сотрапезников и друзей его отца, и поцеловал Нур ад-Дину руку, и сказал: «О господин мой, кто оставил после себя подобного тебе, тот не

умер, и таков же был исход для господина первых и последних. О господин, успокой свою душу и оставь печаль!»

И тогда Нур ад-Дин перешел в покои, предназначенные для сидения с гостями, и перенес туда все, что было нужно, и у него собрались друзья, и он взял туда свою невольницу. И к нему сошлись десять человек из детей купцов, и он принялся есть кушанья и пить напитки, и обновлял трапезу за трапезой, и стал одарять гостей и проявлять щедрость.

И тогда пришел к нему его поверенный и сказал ему: «О господин мой, Нур ад-Дин, разве не слышал ты слов кого-то: «Кто тратит не считая – обеднеет не зная». О господин, эти значительные траты и богатые подарки уничтожают деньги».

И когда Нур ад-Дин Али услышал от своего поверенного эти слова, он посмотрел на него и ответил: «Из всего, что ты сказал, я не буду слушать ни слова! Я слышал, как поэт говорил:

Если я скопидом и богатствам слуга,
Пусть отсохнет рука, охромеет нога!

Разве кто-то от щедрости умер в позоре?
Разве слава скупца хоть кому дорога?³¹

Знай, о поверенный, – прибавил он, – я хочу, чтобы, если у тебя осталось достаточно мне на обед, ты не отягощал меня

³¹ Перевод А. Ревича.

заботой об ужине».

И поверенный ушел от него своей дорогой, а Нур ад-Дин Али предавался наслаждениям, ведя приятнейшую жизнь, как и прежде, и всякому из его сотрапезников, кто ему говорил: «Эта вещь прекрасна!» – он отвечал: «Она твоя как подарок». А если другой говорил: «О господин мой, такой-то дом красив!» – Нур ад-Дин отвечал ему: «Он подарок тебе».

И Нур ад-Дин до тех пор устраивал для них трапезу в начале дня и трапезу в конце дня, пока не провел таким образом год. А через год, однажды, он сидел и вдруг слышит: девушка Анис аль-Джалис произносит стихи:

В довольстве живя, ты, конечно, доволен был всем,
Судьбы не страшился, о зле и не думал совсем,

Ночами, не видя опасности, стал ты беспечным,
Но ясные ночи угрозу таят между тем³².

И только она кончила говорить стихотворение, как постучали в дверь, и Нур ад-Дин поднялся, и кто-то из его сотрапезников последовал за ним, а он не знал этого. И открыв дверь, Нур ад-Дин Али увидел своего поверенного и спросил его: «Что случилось?» И поверенный отвечал: «О господин мой, то, чего я боялся, произошло». – «А как так?» – спросил Нур ад-Дин, и поверенный ответил: «Знай, что у ме-

³² Перевод А. Ревича.

ня в руках не осталось ничего, что бы стоило дирхем, или меньше, или больше, и вот тетради с расходами, которые я произвел, и записи о твоём первоначальном имуществе». И услышав эти слова, Нур ад-Дин Али опустил голову к земле и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!»

Когда же этот человек, который тайком последовал за ним, чтобы послушать, услышал слова поверенного, он вернулся к своим друзьям и сказал: «Что станем делать? Нур ад-Дин Али разорился». И тут вернулся Нур ад-Дин Али к ним, они ясно увидели у него на лице огорчение, и тут один из сотрапезников поднялся на ноги, посмотрел на хозяина дома и спросил: «О господин, может быть, ты разрешишь мне уйти?» – «Почему это ты уходишь сегодня?» – спросил Нур ад-Дин, и гость ответил: «Моя жена рожает, и я не могу быть вдали от нее. Мне хочется пойти к ней и посмотреть ее». И Нур ад-Дин позволил ему.

Тогда встал другой и сказал: «О господин мой Нур ад-Дин, мне хотелось бы сегодня быть у брата, – он справляет обрезание своего сына».

И каждый стал отпрашиваться, с помощью выдумки, и уходил своей дорогой, пока не ушли все, и Нур ад-Дин Али остался один.

И тогда он позвал свою невольницу и сказал ей: «О Анис аль-Джалис, не видишь ты, что меня постигло?» И рассказал ей, о чем говорил ему поверенный. А она отвечала: «О господин, уже много ночей назад намеревалась я сказать тебе

об этих обстоятельствах, но услышала, что ты произнес такие стихи:

Коль мир этот щедро дарит тебе множество благ,
Будь щедрым с другими, покуда не канешь во мрак.

Покуда живешь ты, добра не погубят щедроты.
Коль жизнь завершилась, ее не продлишь ты никак³³.

И когда я услышала, что ты произносишь эти стихи, я промолчала и не обратила к тебе речи».

«О Анис аль-Джалис, – сказал ей Нур ад-Дин Али, – ты знаешь, что я раздарил свои деньги только друзьям, а они оставили меня ни с чем, но я думаю, что они не покинут меня без помощи». – «Клянусь Аллахом, – отвечала Анис аль-Джалис, – тебе не будет от них никакой пользы».

И тогда Нур ад-Дин воскликнул: «Я сейчас же пойду и постучусь к ним в дверь, быть может, мне что-нибудь от них достанется, и я сделаю это основой своих денег и стану на них торговать, и оставлю развлечения и забавы».

И в тот же час и минуту он встал и шел не останавливаясь, пока не пришел в тот переулок, где жили его десять друзей (а все они жили в этом переулке). И он подошел к первым воротам и постучал, и к нему вышла невольница и спросила его: «Кто ты?» – и он отвечал ей: «Скажи твоему господину:

³³ Перевод А. Ревича.

Нур ад-Дин Али стоит у двери и говорит тебе: «Твой раб целует тебе руки и ожидает твоей милости». И невольница вошла и уведомила своего господина, но тот крикнул ей: «Воротись, скажи ему: «Его нет!» И невольница вернулась к Нур ад-Дину и сказала ему: «О господин, моего господина нет».

И Нур ад-Дин пошел, говоря про себя: «Если этот, сын прелюбодеяния, и отрекся от себя, то другой не будет сыном прелюбодеяния». И он подошел к воротам второго друга и сказал то же, что говорил в первый раз, но тот тоже оказался отсутствующим, и тогда Нур ад-Дин произнес:

Все, увы, отвернулись, и тот, кто душой был широк,
Кто встречал угощением, едва ты ступал на порог³⁴.

А произнеся этот стих, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я непременно испытаю их всех: может быть, среди них будет один, кто заступит место их всех!» И он обошел этих десятирех, но никто из них не открыл ему двери, и не показался ему, и не разломил перед ним лепешки, и тогда Нур ад-Дин произнес:

Удачей отмеченный, ты привлекаешь людей,
Как дерево в пору, когда созревают плоды.

Плоды оборвут, и вблизи никого не найдешь,
А дерево чахнет, страдает в жару без воды.

³⁴ Перевод А. Ревича.

Где взять одного благородного из десяти?

Бездушным позор, да погибнут в пучине беды!³⁵

Потом он вернулся к своей невольнице (а его горе увеличилось), и она сказала ему: «О господин, не говорила ли я, что они не принесут тебе никакой пользы!» И Нур ад-Дин отвечал: «Клянусь Аллахом, никто из них не показал мне своего лица, и ни один из них не признал меня». И тогда она сказала: «О господин, продавай домашнюю утварь и посуду, пока Аллах великий не приуготовит тебе чего-нибудь, и проживай одно за другим».

И Нур ад-Дин продавал, пока не продал всего, что было в доме, и у него ничего не осталось, и тогда он посмотрел на Анис аль-Джалис и спросил ее: «Что же будем делать теперь?» – «О господин, – отвечала она, – мое мнение, что тебе следует сейчас же встать, и пойти со мною на рынок, и продать меня. Ты ведь знаешь, что твой отец купил меня за десять тысяч динаров; быть может, Аллах пошлет тебе цену близкую к этой, а когда Аллах предопределит нам быть вместе, мы будем вместе».

«О Анис аль-Джалис, – отвечал Нур ад-Дин, – клянусь Аллахом, мне нелегко расстаться с тобою на одну минуту». И она сказала ему: «Клянусь Аллахом, о господин мой, и мне тоже, но у необходимости свои законы, как сказал поэт:

³⁵ Перевод А. Ревича.

Нас порою идти заставляет нужда
По стезе, где иные умрут со стыда.

И когда бы несчастья не вынуждали,
На такое никто б не пошел никогда»³⁶.

И тогда Нур ад-Дин поднялся на ноги, и взял Анис аль-Джалис (а слезы текли у него по щекам, как дождь), и произнес языком своего состояния:

Погодите, вы мне на прощанье даруйте хоть взгляд!
Им утешится сердце, в разлуке вкусившее яд,

Но когда вам для этого надо немного усилий,
Не насилюйте душу, уж лучше погибну стократ³⁷.

А затем он пошел, и привел Анис аль-Джалис на рынок, и отдал ее посреднику, сказав ему: «О хаджи Хасан, знай цену того, что ты будешь предлагать». И посредник спросил: «Это не Анис аль-Джалис, которую твой отец купил у меня за десять тысяч динаров?» И тот сказал: «Да!»

Тогда посредник отправился к купцам, но увидел, что не все они собрались, и подождал, пока сошлись все купцы и рынок наполнился невольницами всех родов: из турчанок,

³⁶ Перевод А. Ревича.

³⁷ Перевод А. Ревича.

франкских девушек, черкешенок, абиссинок, нубиянок, те-
курок, гречанок, татарок, грузинок и других. И увидав, что
рынок полон, посредник поднялся на ноги, и выступил впе-
ред, и крикнул: «О купцы, о денежные люди, не все, что круг-
ло, – орех, и не все, что продолговато, – банан; не все крас-
ное – мясо, и не все белое – жир! О купцы, у меня эта един-
ственная жемчужина, которой нет цены. Сколько же мне вы-
крикнуть за нее?» – «Кричи четыре тысячи динаров и пять-
сот», – сказал один из купцов, и зазыватель открыл ворота
торга четырьмя тысячами и пятьюстами динаров.

И когда он произносил эти слова, вдруг везирь аль-Муин
ибн Сави прошел по рынку и, увидав Нур ад-Дина Али, ко-
торый стоял в конце рынка, он произнес про себя: «Что это
сын ибн Хакана стоит здесь? Разве осталось у этого висель-
ника что-нибудь, на что покупать невольниц?» И он посмот-
рел кругом и услышал зазывателя, который стоял на рынке
и кричал, а купцы стояли вокруг него, и тогда везирь ска-
зал про себя: «Я думаю, он, наверное, разорился и привел
невольницу Анис аль-Джалис, чтобы продать ее».

«О, как освежает она мое сердце!» – подумал он потом и
позвал зазывателя, и тот подошел к нему и поцеловал перед
ним землю, а везирь сказал: «Я хочу ту невольницу, которую
ты предлагаешь».

И зазыватель не мог прекословить и ответил ему: «О гос-
подин, во имя Аллаха!» – и вывел невольницу вперед и по-
казал ее везирию.

И она понравилась ему, и он спросил: «О Хасан, сколько тебе давали за эту невольницу?» – «Четыре тысячи и пятьсот динаров, чтобы открыть торги», – отвечал посредник. И аль-Муин крикнул: «Подать мне четыре тысячи пятьсот динаров!»

Когда купцы услышали это, никто из них не хотел набавить ни дирхема, наоборот, они отошли, так как знали несправедливость везира. А аль-Муин ибн Сави посмотрел на посредника и сказал ему: «Что же ты стоишь? Пойди предложи от меня четыре тысячи динаров, а тебе будет пятьсот динаров».

И посредник подошел к Нур ад-Дину и сказал: «О господин, пропала твоя невольница ни за что!» – «Как так?» – спросил тот, и посредник сказал: «Мы открыли торг за нее с четырех тысяч пятисот динаров, но пришел этот злодей аль-Муин ибн Сави, который проходил по рынку, и когда он увидел эту невольницу, она понравилась ему, и он сказал мне: «Предложи от меня четыре тысячи динаров, и тебе будет пятьсот динаров». Я думаю, он, наверное, узнал, что эта невольница твоя, и если он сейчас отдаст тебе за нее деньги – будет хорошо, но я знаю – он, по своей несправедливости, напишет тебе бумажку с переводом на кого-нибудь из своих управителей, а потом пошлет к ним, вслед за тобою, человека, который им скажет: «Не давайте ему ничего». И всякий раз, как ты пойдешь искать с них, они станут говорить тебе: «Сейчас мы тебе отдадим», – и будут поступать с тобою таким образом один день за другим, а у тебя гордая душа. Ко-

гда же им наскучат твои требования, они скажут: «Покажи нам бумажку», – и возьмут от тебя бумажку и порвут ее, и деньги за невольницу у тебя пропадут».

И услышав от посредника эти слова, Нур ад-Дин Али посмотрел на него и сказал: «Как же поступить?» И посредник ответил: «Я дам тебе один совет, и если ты его от меня примешь, тебе будет полнейшее счастье». – «Что же это?» – спросил Нур ад-Дин. «Ты пойдешь сейчас ко мне, когда я буду стоять посреди рынка, – отвечал посредник, – и возьмешь у меня из рук невольницу, и ударишь ее, и скажешь: «О девка, я сдержал клятву, которую дал, и привел тебя на рынок, так как поклялся тебе, что ты непременно будешь выведена на рынок и посредник станет предлагать тебя!» И если ты это сделаешь, может быть, везирь и все люди попадутся на эту хитрость и подумают, что ты привел ее на рынок только для того, чтобы выполнить клятву». – «Вот это правильно!» – воскликнул Нур ад-Дин.

Потом посредник покинул его, и пошел на середину рынка, и, взяв невольницу за руку, сделал знак везирю аль-Муину ибн Сави и сказал: «О господин, вот ее владелец подходит». А Нур ад-Дин пришел, и вырвал из его рук невольницу, и ударил ее, и воскликнул: «Горе тебе, о девка, я привел тебя на рынок, чтобы сдержать клятву! Иди домой и не перечь мне другой раз! Горе тебе! Нужны мне за тебя деньги, чтобы я стал продавать тебя! Если бы я продал домашнюю утварь, я выручил бы много больше, чем твоя цена».

А везирь аль-Муин ибн Сави, увидав Нур ад-Дина, сказал ему: «Горе тебе, разве у тебя еще осталось что-нибудь, что продается или покупается?» И аль-Муин ибн Сави хотел броситься на него, и тут купцы посмотрели на Нур ад-Дина (а они все любили его), и он сказал им: «Вот я перед вами, и вы знаете, как он жесток!» А везирь воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы не вы, я бы наверное убил его!» И все купцы показали Нур ад-Дину знаком глаза: «Разделайся с ним!» – и сказали: «Ни один из нас не встанет между ним и тобою».

Тогда Нур ад-Дин подошел к везирию ибн Сави (а Нур ад-Дин был храбрец), и стащил везиря с седла, и бросил его на землю. А тут была месилка для глины, и везирь упал в нее, и Нур ад-Дин стал его бить и колотить кулаками, и один из ударов пришелся ему по зубам, так что борода везиря окрасилась его кровью.

А с везирем было десять невольников, и когда они увидали, что с их господином делают такие дела, они схватились руками за рукоятки своих мечей и хотели обнажить их и броситься на Нур ад-Дина Али, чтобы разрубить его, но тут люди сказали невольникам: «Этот – везирь, а тот – сын везиря. Может быть, они в другое время помирятся, и вы будете ненавистны и тому и другому; а может быть, аль-Муину достанется ваш удар, и вы умрете самой гадкой смертью. Рассудительней будет вам не вставать между ними».

И когда Нур ад-Дин кончил бить везиря, он взял свою

невольницу и пошел к себе домой, а что касается везиря, то он тотчас же ушел, и его платье стало трех цветов: черное от глины, красное от крови и пепельное от грязи.

И увидав себя в таком состоянии, он взял кусок циновки, и накинул ее себе на шею, и взял в руки два пучка хальфы, и отправился, и пришел к замку, где был султан, и закричал: «О царь времени, обиженный, обиженный!»

И его привели перед лицо султана, тот всмотрелся и вдруг видит – это старший везирь! «О везирь, – спросил султан, – кто сделал с тобою такие дела?» И везирь заплакал, и зарыдал, и произнес: «О господин, со всеми, кто тебя любит и служит тебе, бывает так!» И султан воскликнул: «Горе тебе, скорее скажи мне, как это с тобой случилось и кто сделал с тобою эти дела, когда уважение к тебе есть уважение ко мне!»

«Знай, о господин, – ответил везирь, – что я сегодня вышел на рынок, чтобы купить себе рабыню-стряпуху, и увидел на рынке девушку, лучше которой я не видел в жизни. И я хотел купить ее для нашего владыки султана и спросил посредника про нее и про ее господина, и посредник сказал мне, что она принадлежит Али, сыну аль-Фадла ибн Хакана. А наш владыка султан дал раньше его отцу десять тысяч динаров, чтобы купить на них красивую невольницу, и он купил эту невольницу, и она ему понравилась, и он поскупился на нее для владыки нашего султана и отдал ее своему сыну. И когда его отец умер, этот сын продавал все, какие у него бы-

ли, владения, и сады, и посуду, пока не разорился, и он привел невольницу на рынок, намереваясь ее продать, и купцы прибавляли за нее, пока ее цена не дошла до четырех тысяч динаров. И тогда я подумал про себя: «Куплю эту невольницу для нашего владыки султана – ведь деньги за нее поначалу были от него», – и сказал: «О дитя мое, возьми от меня ее цену – четыре тысячи динаров». И когда он услышал мои слова, он посмотрел на меня и сказал: «О скверный старец, я продам ее евреям и христианам, но тебе ее не продам!» И я сказал: «Я покупаю ее не для себя, я ее покупаю для нашего владыки султана, властителя нашего благоденствия». И услышав от меня эти слова, он рассердился, и потянул меня, и сбросил с коня, хотя я дряхлый старец, и бил меня своей рукой и колотил, пока не сделал меня таким, как ты видишь. И всему этому я подвергся лишь потому, что я пошел купить для тебя эту невольницу».

И везирь кинулся на землю и стал плакать, и когда султан увидал, в каком он состоянии, и услышал его слова, жила гнева вздулась у него между глаз. И он обернулся к вельможам царства, и вдруг перед ним встали сорок человек, разящие мечами, и султан сказал им: «Сейчас же идите к дому Али ибн Хакана, разграбьте и разрушьте его, и приведите ко мне Али и невольницу со скрученными руками, и волоките их лицами вниз, и приведите ко мне обоих!»

И они отвечали: «Внимание и повиновение!» – и надели оружие, и собрались идти к дому Али Нур ад-Дина.

А у султана был один придворный, по имени Алам ад-Дин Санджар, который раньше был невольником аль-Фадла ибн Хакана, отца Али Нур ад-Дина, а потом его должность менялась, пока султан не сделал его своим придворным. И когда он услышал приказание султана и увидел, что враги снарядились, чтобы убить сына его господина, это было для него нелегко, и он удалился от султана и, сев на коня, поехал и прибыл к дому Нур ад-Дина Али. И он постучал в дверь, тот вышел к нему и, увидев его, признал его, а Алам ад-Дин сказал: «О господин, теперь не время для приветствий и разговоров; послушай, что сказал поэт:

Спасайся скорее, пока с бедой не знаком,
И пусть о хозяине плачет отеческий дом!

В другой стороне мы другое построим жилище.
А душу другую, увы, никогда не найдем»³⁸.

«О Алам ад-Дин, что случилось?» – спросил Нур ад-Дин, и придворный ответил: «Поднимайся и спасай свою душу, и ты и невольница! Аль-Муин ибн Сави расставил вам сеть, и когда вы попадете к нему в руки, он убьет вас обоих. Султан уже послал к вам сорок человек, разящих мечами, и, по моему мнению, вам следует бежать, прежде чем беда вас постигнет».

³⁸ Перевод А. Ревича.

Потом Санджар протянул руку к своему поясу и, найдя в нем сорок динаров, взял их и отдал Нур ад-Дину и сказал: «О господин, возьми эти деньги и поезжай с ними. Будь у меня больше этого, я бы дал тебе, но теперь не время для упреков».

И тогда Нур ад-Дин вошел к невольнице и уведомил ее об этом, и она заломила руки, потом они оба тотчас же вышли за город (а Аллах опустил над ними свой покров), и пошли на берег реки, и нашли там судно, снаряженное к отплытию.

А капитан стоял посреди судна и кричал: «Кому еще нужно сделать запасы, или проститься с родными, или кто забыл что-нибудь нужное, – пусть делает это, мы отправляемся!» И все ответили: «У нас нет больше дел, капитан». И тогда капитан крикнул команде: «Живее, отпустите концы и вырвите колья!» И Нур ад-Дин Али спросил его: «Куда это, капитан?» – «В Обитель Мира, Багдад», – отвечал капитан. Тогда Нур ад-Дин Али взошел на судно, и невольница взошла вместе с ним, и они поплыли и распустили паруса, и судно вышло, точно птица с парюю крыльев, и ветер был хорош, и так вот случилось с ними.

Что же до того, что было с невольниками, то они пришли к дому Нур ад-Дина Али, сломали двери, и вошли, и обошли помещение, но не напали на их след, и тогда они разрушили дом, и воротились, и уведомили султана, и султан воскликнул: «Ищите их, в каком бы месте они ни были!» – и невольники отвечали: «Внимание и повиновение!»

Потом везирь аль-Муин ибн Сави ушел домой (а султан наградил его почетной одеждой), и его сердце успокоилось, и султан сказал ему: «Никто за тебя не отомстит, кроме меня», – а везирь пожелал ему долгого века и жизни. А затем султан велел кричать в городе: «О люди, все поголовно! Наш владыка султан повелел, что того, кто наткнется на Али Нур ад-Дина, сына Хакана, и приведет его к султану, он наградит почетной одеждой и даст ему тысячу динаров, а тот, кто его укроет или будет знать его место и не уведомит о нем, тот заслуживает наказания, которое его постигнет». И Нур ад-Дина Али начали искать, но о нем не пришло ни вестей, ни слухов, и вот что было с этими.

Что же касается Нур ад-Дина и его невольницы, то они благополучно достигли Багдада, и капитан сказал им: «Вот Багдад. Это безопасный город, и зима ушла от него с ее холодом, и пришло к нему время весны с ее розами, и деревья в нем зацвели, и каналы в нем побежали».

И тогда Нур ад-Дин Али со своей невольницей сошел с судна и дал капитану пять динаров, и, покинув судно, они прошли немного, и судьбы закинули их к садам. И они пришли в одно место и увидали, что оно выметено и обрызгано, с длинными скамьями и висящими ведрами, полными воды, а сверху был навес из тростника, во всю длину прохода, и в начале дорожки были ворота в сад, но только запертые. «Клянусь Аллахом, это прекрасное место!» – сказал Нур ад-Дин Али своей невольнице, и она отвечала: «О господин, по-

сидим немного на этих скамьях и передохнем». И они подошли, и сели на скамью, и вымыли лицо и руки, и их ударило воздухом, и они заснули (преславлен тот, кто не спит!).

А этот сад назывался Сад Увеселения, и в нем был дворец, называемый Дворец Удовольствия и Изображений, и принадлежал он халифу Харуну ар-Рашиду. И халиф, когда у него стеснялась грудь, приходил в этот сад и во дворец и сидел там, и во дворце было восемьдесят окон, где было подвешено восемьдесят светильников, а посреди дворца был большой подсвечник из золота. И когда халиф приходил, он отдавал невольницам приказание открыть окна и приказывал девушкам и Исхаку ибн Ибрахиму ан-Надиму петь, и тогда его грудь расправлялась и проходила его забота.

А в саду был садовник, дряхлый старик, которого звали шейх Ибрахим, и когда он выходил по делу и видел в саду гуляющих с непотребными женщинами, он сильно сердился. И шейх Ибрахим дождался, пока в какой-то день халиф пришел к нему, и рассказал ему об этом, и халиф сказал: «Со всякими, кого ты найдешь у ворот сада, делай что хочешь».

И когда настал тот день, шейх Ибрахим, садовник, вышел, чтобы исполнить одно случившееся ему дело, и увидел этих двоих, которые спали у ворот сада, прикрытые одним изаром. «Клянусь Аллахом, хорошо! – сказал он. – Они не знали, что халиф дал мне разрешение и приказ убивать всех, кого я найду здесь! Но я их ужасно отколочу, чтобы никто не приближался к воротам сада».

И он срезал зеленую ветку, и подошел к ним, и, подняв руку, так что стала видна белизна его подмышки, хотел их побить, но подумал и сказал про себя: «О Ибрахим, как ты будешь их бить, не зная их положения? Может быть, они чужеземцы или из странников и судьба закинула их сюда. Я открою их лица и посмотрю на них». И он поднял с их лиц изар и сказал себе: «Эти двое красивы, и мне не должно их бить», – и накрыл их лица и, подойдя к Нур ад-Дину Али, стал растирать ему ноги.

И Нур ад-Дин открыл глаза и нашел у себя в ногах дряхлого старца, имевшего вид степенный и достойный, и тогда он устыдился, и поджал ноги, и сел, и, взяв руки шейха Ибрахима, поцеловал их. И шейх спросил его: «О дитя мое, ты откуда?» И Нур ад-Дин отвечал: «О господин, мы чужеземцы», – и слезы побежали из его глаз. А шейх Ибрахим сказал: «О дитя мое, знай, что пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, учил почитать чужеземцев. И, дитя мое, – продолжал он, – не пройдешь ли ты в сад и не погуляешь ли в нем? Тогда твоя грудь расправится». – «О господин, а чей это сад?» – спросил Нур ад-Дин, и шейх Ибрахим ответил: «О дитя мое, сад я получил в наследство от родных». (А при этих словах у шейха Ибрахима была та цель, чтобы они успокоились и прошли в сад.)

И услышав слова шейха, Нур ад-Дин поблагодарил его и поднялся вместе с невольницей (а шейх Ибрахим шел впереди них), и они вошли и увидели сад, да какой еще сад! И

ворота его были со сводами, точно портик, и были покрыты лозами, а виноград там был разных цветов – красный, как яхонт, и черный, как эбен. И они вошли под навес и нашли там плоды, росшие купами и отдельно, и на ветвях птиц, поющих напевы, и соловьев, повторявших разные колена, и горлинок, наполнявших голосом это место, и дроздов, щебетавших как человек, и голубей, подобных пьющему, одурманенному вином, а деревья принесли совершенные плоды из всего, что есть съедобного, и каждого плода было по паре. И были тут абрикосы – от камфарных до миндальных и хорасанских, и сливы, подобные цвету лица прекрасных, и вишни, уничтожающие желтизну зубов, и винные ягоды двух цветов – белые отдельно от красных, – и померанцы, цветами подобные жемчугам и кораллам, и розы, что позорят своей алостью щеки красивых, и фиалка, похожая на серу, вспыхнувшая огнями в ночь, и мирты, и левкой, и лаванда с анемонами, и эти цветы были окаймлены слезами облаков, и уста ромашек смеялись, и нарциссы смотрели на розы глазами негров, и сладкие лимоны были как чаши, а кислые – только ядра из золота. И земля покрылась цветами всех окрасок, и пришла весна, и это место засияло блеском, и поток журчал, и пели птицы, и ветер свистел, и воздух был ровный. Потом шейх Ибрахим вошел с ними в помещение, бывшее наверху, и Нур ад-Дин увидел, как красиво это помещение, и увидел свечи, уже упомянутые, что были в окнах, и вспомнил былые пиры, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, этот покой прекра-

сен!» И затем они сели, и шейх Ибрахим подал им еду, и они досыта поели и вымыли руки, а затем Нур ад-Дин подошел к одному из окон и кликнул свою невольницу, и она подошла, и оба стали смотреть на деревья, обремененные всякими плодами.

А потом Нур ад-Дин обернулся к шейху Ибрахиму и спросил его: «О шейх Ибрахим, нет ли у тебя какого-нибудь питья? Ведь люди пьют, когда поедят». И шейх Ибрахим принес им воды – прекрасной, нежной и холодной, но Нур ад-Дин сказал: «О шейх Ибрахим, это не то питье, которого я хочу». – «Может быть, ты хочешь вина?» – спросил шейх. И когда Нур ад-Дин ответил: «Да», – он воскликнул: «Сохрани меня от него Аллах! Я уже тринадцать лет не делал этого, так как пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, проклял пьющих вино и тех, кто его выжимает, продает или покупает».

«Выслушай от меня два слова», – сказал Нур ад-Дин. «Говори», – отвечал старик, и Нур ад-Дин спросил: «Если какой-нибудь проклятый осел будет проклят, случится с тобою что-нибудь оттого, что он проклят?» – «Нет», – отвечал старик. И Нур ад-Дин сказал: «Возьми этот динар и эти два дирхема, сядь на того осла, и остановись поодаль от лавки, и, когда увидишь покупающего вино, позови его от лавки и скажи: «Возьми эти два дирхема, и купи на этот динар вина, и взвали его на осла». И будет, что ты не нес вино и не покупал, и с тобой из-за этого ничего не случится». И шейх Ибра-

хим воскликнул, смеясь его словам: «Клянусь Аллахом, дитя мое, я и не видал никого остроумнее тебя, и не слышал речей слаще твоих!» А потом шейх Ибрахим сделал так, как сказал ему Нур ад-Дин, и тот поблагодарил его за это и сказал: «Теперь мы зависим от тебя, и тебе следует лишь соглашаться. Принеси нам то, что нам нужно». – «О дитя мое, – отвечал Ибрахим, – вот мой погреб перед тобою (а это была кладовая, предназначенная для повелителя правоверных), входи туда и бери оттуда что хочешь, там больше, чем ты пожелаешь».

И Нур ад-Дин вошел в кладовую, и увидел там сосуды из золота, серебра и хрусталя, выложенные разными дорогими камнями, и вынес их, и расставил в ряд, и налил вино в кружки и бутылки, и он был обрадован тем, что увидел, и поражен. И шейх Ибрахим принес им плоды и цветы, а затем он ушел и сел поодаль от них, а они стали пить и веселиться.

И питье взяло над ними власть, и глаза их стали влюбленно переглядываться, и волосы у них распустились, и цвет лица изменился. И шейх Ибрахим сказал себе: «Что это я сижу вдали, отчего мне не сесть возле них? Когда я встречу у себя таких, как эти двое, что похожи на две луны?»

И шейх Ибрахим подошел и сел в конце портика, и Нур ад-Дин Али сказал ему: «О господин, заклинаю тебя жизнью, подойди к нам!» – и шейх Ибрахим подошел. И Нур ад-Дин наполнил кубок и, взглянув на шейха Ибрахима, сказал: «Выпей, чтобы посмотреть, какой у него вкус!» – «Сохрани

Аллах! – воскликнул шейх Ибрахим, – я уже тринадцать лет ничего такого не делал!» И Нур ад-Дин притворился, что забыл о нем, и выпил кубок и кинулся на землю, показывая, что хмель одолел его.

И тогда Анис аль-Джалис взглянула на шейха и сказала ему: «О шейх Ибрахим, посмотри, как этот поступил со мной», – а шейх Ибрахим спросил: «А что с ним, о госпожа?» И девушка отвечала: «Он постоянно так поступает со мною: попьет недолго и заснет, а я остаюсь одна, и нет у меня собутыльника, чтобы посидеть со мною за чашей, и некому мне пропеть над чашей». – «Клянусь Аллахом, это нехорошо!» – сказал шейх Ибрахим (а его члены расслабли, и душа его склонилась к ней из-за ее слов). А девушка наполнила кубок и, взглянув на шейха Ибрахима, сказала: «Заклинаю тебя жизнью, не возьмешь ли ты его и не выпьешь ли? Не отказывайся и залечи мое сердце». И шейх Ибрахим протянул руку, и взял кубок, и выпил его, а она налила ему второй раз, и поставила кубок на подсвечник, и сказала: «О господин, тебе остается этот». – «Клянусь Аллахом, – ответил он, – я не могу его выпить! Довольно того, что я уже выпил!» Но девушка воскликнула: «Клянусь Аллахом, это неизбежно!» И шейх взял кубок и выпил его, а потом она дала ему третий, и он взял его и хотел его выпить, как вдруг Нур ад-Дин очнулся, и сел прямо, и сказал: «О шейх Ибрахим, что это такое? Разве я только что не заклинал тебя, а ты отказался и сказал: «Я уже тринадцать лет не делал этого»?» И шейх

Ибрахим отвечал, смущенный: «Клянусь Аллахом, я не виноват, это она сказала мне!» – и Нур ад-Дин засмеялся.

И они сели пить, и девушка сказала потихоньку своему господину: «О господин, пей и не упрашивай шейха Ибрахима пить, я покажу тебе, что с ним будет». И она принялась наливать и поить своего господина, ее господин наливал и поил ее, и так они делали раз за разом, и шейх Ибрахим посмотрел на них и сказал: «Что это за дружба! Прокляни, Аллах, ненасытного, который пьет, в нашу очередь! Не дашь ли и мне выпить, брат мой? Что это такое, о благословенный!» И они засмеялись его словам так, что опрокинулись на спину, а потом они выпили, и напоили его, и продолжали пить вместе, пока не прошла треть ночи. И тогда девушка сказала: «О шейх Ибрахим, не встать ли мне, с твоего позволения, и не зажечь ли одну из этих свечей, что поставлены в ряд?» – «Встань, – сказал он, – но не зажигай больше одной свечи», – и девушка поднялась на ноги и, начавши с первой свечи, зажгла все восемьдесят, а потом села. И тогда Нур ад-Дин спросил: «О шейх Ибрахим, а что есть у тебя на мою долю? Не позволишь ли мне зажечь один из этих светильников?» И шейх Ибрахим сказал: «Встань, зажги один светильник и не будь ты тоже назойливым». И Нур ад-Дин поднялся и, начавши с первого, зажег все восемьдесят светильников, и тогда помещение заплясало. А шейх Ибрахим, которого уже одолел хмель, воскликнул: «Вы смелее меня!» И он встал на ноги и открыл все окна, и они с ним сидели и пили вместе,

произнося стихи, и дворец весь сверкал.

И определил Аллах, властный на всякую вещь (и всякой вещи он создал причину), что в эту минуту халиф посмотрел и взглянул на те окна, что были над Тигром, при свете месяца и увидел свет свечей и светильников, блиставший в реке. И халиф, бросив взгляд и увидев, что дворец в саду как бы пляшет из-за этих свечей и светильников, воскликнул: «Ко мне Джафара Бармакида!» И не прошло мгновения, как тот уже предстал перед лицом повелителя правоверных, и халиф воскликнул: «О собака среди везирей! Ты отбираешь у меня город Багдад и не сообщаем мне об этом?» – «Что это за слова?» – спросил Джафар. «Если бы город Багдад не был у меня отнят, – ответил халиф, – Дворец Изображений не горел бы огнями свечей и светильников и не были бы открыты его окна! Горе тебе! Кто бы отважился совершить подобные поступки, если бы ты у меня не отнял халифат?» И Джафар, у которого затряслись поджилки, спросил: «А кто рассказал тебе, что Дворец Изображений освещен и окна его открыты?» – и халиф отвечал: «Подойди ко мне и взгляни!»

И Джафар подошел к халифу, и посмотрел в сторону сада, и увидал, что дворец светится от свечей в темном мраке. И он хотел оправдать шейха Ибрахима, садовника: быть может, это было с его позволения, так как он увидел в этом для себя пользу, и сказал: «О повелитель правоверных, шейх Ибрахим на той неделе, что прошла, сказал мне: «О господин мой Джафар, я хочу справить обрезание моих сыновей при жиз-

ни повелителя правоверных и при твоей жизни», – и я спросил его: «А что тебе нужно?» – и он сказал мне: «Возьми для меня от халифа разрешение справить обрезание моих детей в замке». И я отвечал ему: «Иди справляй их обрезание, а я повидаясь с халифом и уведомя его об этом». И он таким образом ушел от меня, а я забыл тебя уведомить».

«О Джафар, – отвечал халиф, – у тебя была передо мной одна провинность, а теперь стало две, так как ты ошибся с двух сторон: во-первых, ты не уведомил меня об этом, а с другой стороны, ты не довел шейха Ибрахима до его цели: он ведь пришел к тебе и сказал эти слова только для того, чтобы намекнуть, что он хочет немного денег, и помочь себе ими, а ты ему ничего не дал и не сообщил мне об этом». – «О повелитель правоверных, я забыл», – отвечал Джафар, и халиф воскликнул: «Клянусь моими отцами и дедами, я проведу остаток ночи только возле него! Он человек праведный, и заботится о старцах и факирах, и созывает их, и они у него собираются, и, может быть, от молитвы кого-нибудь из них нам достанется благо в здешней и будущей жизни. И в этом деле будет для него польза от моего присутствия, и шейх Ибрахим обрадуется». – «О повелитель правоверных, – отвечал Джафар, – время вечернее, и они сейчас заканчивают». Но халиф вскричал: «Хочу непременно отправиться к ним!» – и Джафар умолк, и растерялся, и не знал, что делать.

А халиф поднялся на ноги, и Джафар пошел перед ним, и с ним был Масрур, евнух, и все трое отправились, изменив

обличье, и, выйдя из дворца халифа, пошли по улицам, будучи в одежде купцов, и достигли ворот упомянутого сада. И халиф подошел и увидел, что ворота сада открыты, и удивился, и сказал: «Посмотри, Джафар! Как это шейх Ибрахим оставил ворота открытыми до этого времени! Не таков его обычай!»

И они вошли и достигли конца сада, остановились под дворцом, и халиф сказал: «О Джафар, я хочу посмотреть за ними, раньше чем войду к ним, чтобы взглянуть, чем они заняты, и посмотреть на старцев. Я до сих пор не слышу ни звука, и никакой факир не поминает имени Аллаха».

И халиф посмотрел, и увидел высокий орешник, и сказал: «О Джафар, я хочу влезть на это дерево – его ветви близко от окон – и посмотреть на них», – и затем халиф полез на дерево и до тех пор цеплялся с ветки на ветку, пока не поднялся на ветвь, бывшую напротив окна. И он сел на нее, и посмотрел в окно дворца, и увидел девушку и юношу, подобных двум лунам (превознесен тот, кто сотворил их и придал им образ!), и увидел шейха Ибрахима, который сидел с кубком в руке и говорил: «О владычица красавиц, в питье без музыки нету счастья! Я слышал, как поэт говорил:

За малою чашей мы чашу большую вина
По кругу запустим, и снова нальет нам луна,

Но ты не спеши, ведь без музыки пить не годится.

Не просто без свиста водой напоить скакуна»³⁹.

И когда халиф увидал, что шейх Ибрахим совершает такие поступки, жила гнева вздулась у него меж глаз, и он спустился и сказал Джафару: «Я никогда не видал праведников в таком состоянии! Поднимись ты тоже на это дерево и посмотри, чтобы не миновало тебя благословение праведных». И услышав слова повелителя правоверных, Джафар впал в недоумение, не зная, что делать, и поднялся на верхушку дерева, и посмотрел, и вдруг видит Нур ад-Дина, шейха Ибрахима и невольницу, и у шейха Ибрахима в руках кубок. И увидав это, Джафар убедился, что погиб, и спустился вниз, и встал перед повелителем правоверных, и халиф сказал ему: «О Джафар, слава Аллаху, назначившему нам следовать явным указаниям закона!» И Джафар не мог ничего сказать от сильного смущения, а потом халиф взглянул на Джафара и сказал: «Посмотри-ка! Кто привел этих людей на это место и кто ввел их в мой дворец? Но равных по красоте этому юноше и этой девушке никогда не видели мои глаза». – «Твоя правда, о владыка султан», – отвечал Джафар, который начал надеяться на прощение халифа Харуна ар-Рашида, и халиф сказал: «О Джафар, поднимемся на ту ветку, что против них, и посмотрим на них!»

Оба поднялись на дерево, и стали смотреть, и слышали, что шейх Ибрахим говорил: «О господа мои, я оставил сте-

³⁹ Перевод А. Ревича.

пенность за питьем вина, но это услаждает только при звуках струн». И Анис аль-Джалис ответила: «О шейх Ибрахим, клянусь Аллахом, будь у нас какие-нибудь музыкальные инструменты, наша радость была бы полной». И услышав слова невольницы, шейх Ибрахим встал на ноги, и халиф сказал Джафару: «Посмотрим, что он будет делать!» – «Не знаю», – отвечал Джафар, а шейх Ибрахим скрылся и вернулся с лютней, и халиф всмотрелся в нее и вдруг видит – это лютня Абу Исхака ан-Надима.

«Клянусь Аллахом, – воскликнул тогда халиф, – если эта невольница споет скверно, я распну вас всех, а если она споет хорошо, я их прощу и распну тебя одного». – «О боже, – сказал Джафар, – сделай так, чтобы она спела скверно!» – «Зачем?» – спросил халиф. «Чтобы ты распял нас всех, и мы бы развлекали друг друга», – отвечал Джафар, и халиф засмеялся его словам.

А девушка взяла лютню, и осмотрела ее, и настроила ее струны, и ударила по ним, и сердца устремились к ней, а она произнесла:

О люди, в чьей власти дать помощь несчастным
влюбленным!

Нас пламя страстей иссушило, любовь обожгла,

Мы будем достойны любого из благодеяний,
Не надо смеяться, мы просим защиты от зла.

Нас горе постигло, мы в прахе теперь, в униженье,
Мы в ваших руках, наша участь, увы, тяжела.

Вы можете нас и убить, но какая вам прибыль?
На душу возьмете все наши дурные дела⁴⁰.

«Клянусь Аллахом, хорошо, о Джафар! – воскликнул халиф. – Я в жизни не слышал голоса певицы, подобного этому!» А Джафар спросил: «Быть может, гнев халифа оставил его?» – «Да, оставил», – сказал халиф и спустился с дерева вместе с Джафаром, а потом он обратился к Джафару и сказал: «Я хочу войти, и посидеть с ними, и услышать пение этой девушки предо мной». – «О повелитель правоверных, – отвечал Джафар, – если ты войдешь к ним, они, может быть, смутятся, а шейх Ибрахим – тот умрет от страха». Но халиф воскликнул: «О Джафар, непременно научи меня, как мне придумать хитрость и войти к ним, чтобы они не узнали меня».

И халиф с Джафаром отправились в сторону Тигра, размышляя об этом деле, и вдруг видят, рыбак стоит и ловит рыбу под окнами дворца. А как-то раньше халиф кликнул шейха Ибрахима и спросил его: «Что это за шум я слышу под окнами дворца?» – и шейх Ибрахим ответил: «Это голоса рыбаков». И тогда халиф сказал ему: «Поди удали их отсюда», – и рыбаков не стали туда пускать.

⁴⁰ Перевод А. Ревича.

Когда же наступила эта ночь, пришел рыбак, по имени Карим, и увидел, что ворота в сад открыты, и сказал: «Вот время небрежности! Я воспользуюсь этим и половлю теперь рыбу!» И он взял свою сеть и закинул ее в реку, и вдруг халиф, один, остановился над его головой. И халиф узнал его и сказал: «Карим!» – и тот обернулся, услышав, что его называют по имени, и когда он увидел халифа, у него затряслись поджилки, и он воскликнул: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я сделал это не для того, чтобы посмеяться над приказом, но бедность и семья побудили меня на то, что ты видишь!»

«Полови на мое имя», – сказал халиф. И рыбак подошел обрадованный, и закинул сеть, и подождал, пока она растянется до конца и установится на дне, а потом он потянул ее к себе и вытянул всевозможную рыбу. И халиф обрадовался этому и сказал: «Карим, сними с себя одежду!» И тот скинул свое платье (а на нем был кафтан из грубой шерсти, с сотней заплаток, где было немало хвостатых вшей) и снял с головы тюрбан, который он вот уже три года не разматывал, но всякий раз, увидев тряпку, он нашивал ее на него.

И когда он скинул свой кафтан и тюрбан, халиф снял с себя две шелковые одежды – александрийскую и баальбекскую, – и плащ, и фараджию и сказал рыбаку: «Возьми их и надень». А халиф надел кафтан рыбака и его тюрбан, и прикрыл себе лицо платком, и сказал рыбаку: «Уходи к своему делу», – и рыбак поцеловал ноги халифа, и поблагодарил его,

и сказал:

Ты милостив был, о дарующий свет голытьбе!
Подобной награды в моей не бывало судьбе.

Пребуду всю жизнь я до гроба тебе благодарен,
Из гроба мой прах вознесет благодарность тебе⁴¹.

И рыбак еще не окончил своего стихотворения, как вши уже заползали по коже халифа, и тот стал хватать их с шеи правой и левой рукой и кидать, и сказал: «О рыбак, горе тебе, поистине много вшей в этом кафтане!» – «О господин, – отвечал рыбак, – сейчас тебе больно, а пройдет неделя, и ты не будешь чувствовать их и не станешь о них думать». И халиф засмеялся и воскликнул: «Горе тебе! Оставлю я этот кафтан на теле!» – «Я хочу сказать тебе слово», – сказал рыбак. «Говори, что у тебя есть», – отвечал халиф. «Мне пришло на ум, о повелитель правоверных, – сказал рыбак, – что раз ты захотел научиться ловить рыбу, чтобы у тебя было в руках полезное ремесло, этот кафтан тебе подойдет». И халиф засмеялся словам рыбака, а затем рыбак повернул своей дорогой, а халиф взял корзину с рыбой, положил сверху немного зелени и пришел с нею к Джафару и остановился перед ним. И Джафар подумал, что это Карим, рыбак, и испугался за него и сказал: «Карим, что привело тебя сюда? Спасайся! Халиф

⁴¹ Перевод А. Ревича.

сегодня в саду, и если он тебя увидит – пропала твоя шея». И услышав слова Джафара, халиф рассмеялся, и когда он рассмеялся, Джафар узнал его и сказал: «Быть может, ты наш владыка султан?» – «Да, Джафар, – отвечал халиф, – ты мой везирь, и мы с тобой пришли сюда, а ты меня не узнал; так как же узнает меня шейх Ибрахим, да еще пьяный? Стой на месте, пока я не вернусь к тебе!» И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом халиф подошел к дверям дворца и постучал легким стуком, и Нур ад-Дин сказал: «Шейх Ибрахим, в двери дворца стучат». – «Кто у дверей?» – спросил шейх Ибрахим. И халиф сказал: «Я, шейх Ибрахим», – и тот спросил: «Кто ты?» – и халиф ответил: «Я, Карим, рыбак. Я услышал, что у тебя гости, и принес тебе немного рыбы. Она хорошая». И, услышав упоминание о рыбе, Нур ад-Дин и его невольница обрадовались и сказали: «О господин, открой ему, и пусть он принесет нам свою рыбу». И шейх Ибрахим открыл дверь, и халиф вошел, будучи в облиии рыбака, и поздоровался первым, и шейх Ибрахим сказал ему: «Привет вору, грабителю и игроку! Пойди покажи нам рыбу, которую ты принес!» И халиф показал им рыбу, и они посмотрели и видят – рыба живая, шевелится, и тогда невольница воскликнула: «Клянись Аллахом, господин, эта рыба хорошая! Если бы она была жареная!» – «Клянись Аллахом, госпожа моя, ты права! – ответил шейх Ибрахим и затем сказал халифу: – Почему ты не принес эту рыбу жареной? Встань теперь, изжарь ее и по-

дай нам». – «Сейчас я вам ее изжарю и принесу», – отвечал халиф, и они сказали: «Живо!»

И халиф побежал бегом и, придя к Джафару, крикнул: «Джафар!» – «Да, повелитель правоверных, все хорошо?» – ответил Джафар, и халиф сказал: «Они потребовали от меня рыбу жареной». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – подай ее, я им ее изжарю». Но халиф воскликнул: «Клянусь гробницей моих отцов и дедов, ее изжарю только я, своей рукой!» И халиф подошел к хижине садовника, и, поискав там, нашел все, что ему было нужно, даже соль, шафран и майоран и прочее, и, подойдя к жаровне, повесил сковороду и хорошо поджарил рыбу, а когда она была готова, положил ее на лист банана, взял из сада лимон и сухих плодов, и принес рыбу, и поставил ее перед ними.

И девушка с юношей и шейх Ибрахим подошли и стали есть, а покончив с едой, они вымыли руки, и Нур ад-Дин сказал: «Клянусь Аллахом, рыбак, ты оказал нам сегодня вечером прекрасную милость!» И он положил руку в карман и вынул ему три динара из тех динаров, что дал ему Санджар, когда он выходил в путешествие, и сказал: «О рыбак, извини меня! Если бы ты знал меня до того, что со мной случилось, я бы, наверное, удалил горечь бедности из твоего сердца, но возьми это по мере благословения Аллаха!» И он кинул динары халифу, и халиф взял их, и поцеловал, и убрал (а при всем этом халиф желал только послушать девушку, когда она будет петь).

И халиф сказал Нур ад-Дину: «Ты поступил хорошо и был милостив, но я хочу от твоей всеобъемлющей милости, чтобы эта девушка спела нам песню, и я бы послушал».

И тогда Нур ад-Дин сказал: «Анис аль-Джалис!» – и она отвечала: «Да!» – а он сказал ей: «Заклинаю тебя жизнью, спой нам что-нибудь ради этого рыбака, он хочет тебя послушать!»

И услышав слова своего господина, девушка взяла лютню, настроила ее струны, прошла по ним и произнесла:

О стройная дева! Лишь тронула струны рукой,
Ты наши похитила души, украла покой.

Едва лишь запела – и слух возвратила глухому.
«Какие прекрасные звуки!» – воскликнул немой⁴².

А потом она заиграла на диковинный лад, так что ошеломила умы, и произнесла такие стихи:

Вы нас почтили, украсив наш город собой.
Блеском рассеяли мглу этой ночи сырой.

В пору и мне благовоньями дом окропить:
Розовой влагою, мускусом и камфарой⁴³.

⁴² Перевод А. Ревича.

⁴³ Перевод А. Ревича.

И халиф пришел тут в восторг, и волнение одолело его, и от сильного восторга он не мог удержаться и воскликнул: «Хорошо, клянусь Аллахом! Хорошо, клянусь Аллахом! Хорошо, клянусь Аллахом!» – а Нур ад-Дин спросил его: «О рыбац, понравилась ли тебе невольница?» И халиф отвечал: «Да, клянусь Аллахом!» – и тогда Нур ад-Дин сказал: «Она мой подарок тебе, – подарок благодарного, который не отменяет подарков и не берет обратно даров».

И затем Нур ад-Дин поднялся на ноги, и, взяв плащ, бросил его рыбаку, и велел ему выйти и уходить с девушкой, и девушка посмотрела на Нур ад-Дина и сказала: «О господин, ты уходишь, не прощаясь! Если уж это неизбежно, постой, пока я с тобой прощусь и изъясню тебе свое состояние». И она произнесла такие стихи:

Страданье, тоска и печальная память бывшего
Измучили душу, и тело прозрачно, как дым.

Любимый, не надо твердить, что утешусь я скоро,
Не вижу исхода тоске и печалям моим.

Уж если способен в слезах своих кто-нибудь плавать,
По ним поплыву я, как челн по затонам речным.

О вы, кто владеет душой моей ныне и вечно,
Как хмель винограда разбавленный – кубком златым!

Разлука близка. Как я этой минуты страшилась!
О тот, кто играл моей страстью и сердцем живым!

О доблестный отпрыск Хакана, мечта моя, жажда!
О тот, кто душою и сердцем вовеки любим!

Ты ради меня не страшился и гнева владыки,
Теперь ты живешь на чужбине, блуждаешь, гоним.

О мой господин, пусть Аллах нам в разлуке поможет!
Ты отдал Кариму меня. Будь прославлен, Карим!⁴⁴

И когда она окончила стихотворение, Нур ад-Дин ответил ей такими стихами:

В минуту прощанья, в тот день роковой,
Рыдая, она говорила со мной:

«Скажи мне, как будешь ты жить без меня?»
В ответ я: «Спроси у того, кто живой»⁴⁵.

И когда халиф услышал в стихах ее слова: «Ты отдал Кариму меня», – его стремление к ней увеличилось, но ему стало тяжело и трудно разлучить их, и он сказал юноше: «Господин мой, девушка упомянула в стихах, что ты стал врагом ее господину и обладателю. Расскажи же мне, с кем ты враждо-

⁴⁴ Перевод А. Ревича.

⁴⁵ Перевод А. Ревича.

вал и кто тебя разыскивает». – «Клянусь Аллахом, о рыбак, – отвечал Нур ад-Дин, – со мной и с этой невольницей произошла удивительная история и диковинное дело, и будь оно написано иглами в уголках глаза, оно бы послужило назиданием для поучающихся!» И халиф спросил: «Не расскажешь ли ты нам о случившемся с тобою деле и не осведомишь ли нас о твоей истории? Быть может, тебе будет в этом облегчение, ведь помощь Аллаха близка». – «О рыбак, – спросил тогда Нур ад-Дин, – выслушаешь ли ты наш рассказ в нанизанных стихах, в рассыпанной речи?» И халиф ответил: «Рассыпанная речь – слова, а стихи – нанизанные жемчужины».

И тогда Нур ад-Дин склонил голову к земле и произнес такие стихи:

Друг сердечный, давно я расстался со сном,
Трудно тем, кто покинул отеческий дом.

Мой родитель и холил меня, и лелеял,
Но теперь обитает он в мире ином.

Бед немало в ту пору разбило мне сердце,
Много бед приключилось со мною потом.

Мне отец мой купил дорогую рабыню
С гибким станом, как ива, и ясным челом.

Я наследство на эту красоту истратил,
Разбазарил с друзьями за пирным столом.

Хоть с любимой было мне жаль расставаться,
Я на торжище с нею предстал городском.

Объявил ее цену на рынке посредник
И легко сторговался с одним стариком.

И тогда я разгневался гневом великим
И отбил у злодеев добычу силком.

Мой противник в неистовство впал, разъярился,
Налетел на меня с перекошенным ртом.

Я ответил ударом, отвел свою душу,
Справа бил его, слева крушил кулаком.

Убоявшись врагов, убежал я с базара,
От возмездия в доме укрылся родном.

Приказал изловить меня наш повелитель,
Но знакомый привратник, пришедший тайком,

Мне шепнул, чтоб скорей уходил я отсюда
В край далекий, где я никому не знаком.

И ушли мы из дому глубокою ночью,
И дошли до Багдада неблизким путем.

О рыбак, все, что было, тебе подарил я,

Был богатым, остался с пустым кошельком,

А теперь отдаю и души моей радость,

Жизнь отдам, если надо, и душу притом⁴⁶.

И когда он кончил свои стихи, халиф сказал ему: «О господин мой Нур ад-Дин, изложи мне твое дело», – и тот рассказал ему свою историю с начала до конца. И когда халиф понял, каково его положение, он спросил: «Куда ты сейчас направляешься?» – «Земли Аллаха обширны», – отвечал Нур ад-Дин. И халиф сказал: «Вот я напишу тебе бумажку, доставь ее султану Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, и когда он прочтет ее, он не сделает тебе вреда». И Нур ад-Дин Али воскликнул: «А разве есть в мире рыбак, который переписывается с царями? Подобной вещи не бывает никогда!» – «Ты прав, – отвечал халиф, – но я скажу тебе причину: знай, что мы с ним читали в одной школе у одного учителя, и я был его старшим, а впоследствии его настигло несчастье, и он стал султаном, а мою судьбу Аллах переменял и сделал меня рыбаком. Но я не посылал к нему с просьбой без того, чтобы он не исполнил ее, и если бы я каждый день посылал ему тысячу просьб, он бы их наверное исполнил».

И услышав его слова, Нур ад-Дин сказал: «Хорошо, пиши, а я посмотрю». И халиф взял чернильницу и калам и написал славословия, а вслед за тем: «Это письмо от Харуна

⁴⁶ Перевод А. Ревича.

ар-Рашида, сына аль-Махди, его высочеству Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, охваченному моей милостью, которого я сделал моим наместником над частью моего государства. Это письмо достигнет тебя вместе с Нур ад-Дином Али ибн Хаканом, сыном везира, и в тот час, когда он прибудет к вам, сложи с себя власть и назначь его, и не перечь моему приказу. Мир тебе!»

Потом он отдал письмо Нур ад-Дину Али ибн Хакану, и Нур ад-Дин взял письмо, и поцеловал его, и положил в тюрбан, и тотчас же отправился в путь, вот что с ним было.

Что же касается халифа, то шейх Ибрахим посмотрел на него, когда он был в образе рыбака, и воскликнул: «О самый низкий из рыбаков, ты принес нам пару рыб, стоящих двадцать полушек, взял три динара и хочешь забрать и девушку тоже!» И халиф, услышав его слова, закричал на него и кивнул Масруру, и тот показался и ринулся на шейха. А Джафар послал одного мальчика из детей, бывших в саду, к дворцовому привратнику и потребовал от него царскую одежду, и мальчик ушел, и принес одежду, и поцеловал землю между руками халифа, и халиф снял то, что было на нем, и надел ту одежду.

А шейх Ибрахим сидел на скамеечке, и халиф стоял и смотрел, что будет, и тут шейх Ибрахим оторопел, и растерялся, и стал кусать пальцы, говоря: «Посмотри-ка! Сплю я или бодрствую?» – «О шейх Ибрахим, что означает твое состояние?» – спросил халиф, и тогда шейх Ибрахим очнулся

от опьянения, и кинулся на землю, и произнес:

Прости, государь, прегрешенье – споткнулась нога.
Невольнику милость хозяев всегда дорога.

Я сделал как должно – покаялся в грешном деянье,
Взываю к пощаде, ведь можно простить и врага⁴⁷.

И халиф простил его и приказал, чтобы девушку доставили во дворец, и когда она прибыла во дворец, халиф отвел отдельное помещение ей одной и назначил людей, чтобы ей служить, и сказал ей: «Знай, что я послал твоего господина султаном в Басру, и если захочет Аллах великий, мы отправим ему почетную одежду и отошлем тебя к нему». Вот что случилось с этими.

Что же касается Нур ад-Дина Али ибн Хакана, то он ехал не переставая, пока не достиг Басры, а потом он пришел ко дворцу султана и издал громкий крик, и султан услышал его и потребовал к себе. И представ между его руками, Нур ад-Дин поцеловал землю, и вынул бумажку, и подал ее ему, и когда султан увидел заглавные строки письма, написанные почерком повелителя правоверных, он поднялся, и встал на ноги, и поцеловал их три раза, и воскликнул: «Внимание и повиновение Аллаху великому и повелителю правоверных!»

Потом он призвал четырех судей и эмиров и хотел снять с

⁴⁷ Перевод А. Ревича.

себя власть, но вдруг явился везирь – тот, аль-Муин ибн Сави. И султан дал ему бумажку, и везирь, прочтя ее, изорвал ее до конца, и взял в рот, и разжевал, и выбросил, и султан крикнул ему, разгневанный: «Горе тебе, что тебя побудило к таким поступкам?» А везирь отвечал ему: «Клянусь твоей жизнью, о владыка султан, этот не видался ни с халифом, ни с его везирем. Это висельник, злокозненный дьявол; ему попалась какая-то пустая бумажка, написанная почерком халифа, и он приспособил ее к своей цели. И халиф не посылал его взять у тебя власть, и у него нет ни благородного указа, ни грамоты о назначении. Он не пришел от халифа, никогда, никогда, никогда! И если бы это дело случилось, халиф бы наверное прислал вместе с ним придворного или везиря, но он пришел один».

«Так как же поступить?» – спросил султан, и везирь сказал: «Отошли этого юношу со мною – я возьму его от тебя и пошлю его с придворным в город Багдад. И если его слова правда, он привезет нам благородный указ и грамоту, если же он не привезет их, я возьму должное с этого моего обидчика». И услышав слова везиря аль-Муина ибн Сави, султан сказал: «Делай с ним что хочешь!»

И везирь взял его от султана в свой дом и кликнул своих слуг, и они разложили его и били, пока он не обеспамятел. И он наложил ему на ноги тяжелые оковы, и привел его в тюрьму, и крикнул тюремщику, и тот пришел и поцеловал землю между руками везиря (а этого тюремщика звали Ку-

тейт). И везирь сказал ему: «О Кутейт, я хочу, чтобы ты взял и бросил его в один из подвалов, которые у тебя в тюрьме, и пытал бы его ночью и днем!» И тюремщик отвечал: «Внимание и повиновение!»

А потом тюремщик ввел Нур ад-Дина в тюрьму и запер дверь, и после этого он велел обмести скамью, стоявшую за дверью, и накрыть ее подстилкой и ковром, и посадил на нее Нур ад-Дина, и расковал его оковы, и был к нему милостив. И везирь каждый день посылал к тюремщику и приказывал ему бить Нур ад-Дина, но тюремщик защищал его от этого в течение сорока дней.

А когда наступил день сорок первый, от халифа пришли подарки, и увидав их, султан был ими доволен и посоветовался с везирем относительно них, и кто-то сказал: «А может быть, это подарки для нового султана?» И сказал везирь аль-Муин ибн Сави: «Самым подходящим было бы убить его в час его прибытия». И султан воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты напомнил мне о нем! Пойди приведи его и отруби ему голову». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь! – и поднялся и сказал: – Я хочу, чтобы в городе кричали: «Кто хочет посмотреть на казнь Нур ад-Дина Али ибн Хакана, пусть приходит ко дворцу!» И придет и сопровождаемый и сопровождающий, чтобы посмотреть, и я исцелю свою душу и повергну в горе завистников». – «Делай что хочешь», – сказал ему султан.

И везирь пошел, счастливый и радостный, и пришел к ва-

ли, и велел ему кричать, как мы упомянули. А когда люди слышали глашатая, они огорчились и заплакали – все, даже мальчики в школах и торговцы в лавках. И люди вперегонки побежали захватить места, чтобы посмотреть на это, а некоторые пошли к тюрьме, чтобы прийти с Нур ад-Дином. Везирь же отправился с десятью невольниками в тюрьму, и тюремщик Кутейт спросил его: «Что ты хочешь, наш владыка везирь?» – «Приведи мне этого висельника», – сказал везирь, и тюремщик ответил: «Он в самом зловещем положении – так много я его бил». А потом тюремщик вошел и увидел, что Нур ад-Дин говорит такие стихи:

Кто мне поможет? Жестокие беды вокруг.
Где же лекарство, чтоб вылечить смертный недуг?

Сердце и душу мою источила разлука,
Волею судеб врагом моим сделался друг.

Люди, найду ль среди вас я надежного друга,
Кто на печальный призыв отозвался бы вдруг?

Смерть – пустяки, не страшусь я теперь и забвенья,
Не уповаю на жизнь после стольких разлук.

Боже единый, тобой – океаном познаний,
Тем, кто ведет нас вдоль этих дорожных излук,

Гласом ходатаев всех – я теперь заклинаю,

Дай отпущенье грехам, избавленье от мук⁴⁸.

И тогда тюремщик снял с него чистую одежду, надел на него две грязные рубахи и отвел его к везиру, и Нур ад-Дин посмотрел, и вдруг видит, что это его враг, который стремится его убить. И увидав его, он заплакал и спросил его: «Разве ты в безопасности от судьбы? Или не слышал ты слов поэта:

Где ныне Хосрой? Тираны ушли навсегда.

От всех их сокровищ теперь не осталось следа»⁴⁹.

«Знай, о везирь, – сказал он потом, – что лишь Аллах, да будет он превознесен и прославлен, творит то, что хочет». И везирь возразил: «О Али, ты пугаешь меня этими словами? Я сегодня отрублю тебе голову наперекор жителям Басры и не стану раздумывать, и пусть судьба делает что хочет. Я не посмотрю на твои увещания и посмотрю лишь на слова поэта:

Пусть судьба повелителем будет тебе.

Будь покорен, спокойно доверься судьбе⁵⁰.

А как прекрасны слова другого:

⁴⁸ Перевод А. Ревича.

⁴⁹ Перевод А. Ревича.

⁵⁰ Перевод А. Ревича.

Кто врагов пережил хоть на миг,
Тот уже своей цели достиг»⁵¹.

И потом везирь приказал своим слугам взвалить Нур ад-Дина на спину мула, и слуги, которым было тяжело это сделать, сказали Нур ад-Дину: «Дай нам побить его камнями и разорвать его, если даже пропадут наши души». Но Нур ад-Дин отвечал им: «Ни за что не делайте этого. Разве вы не слышали слов поэта, сказавшего:

Обязан прожить я те дни, что назначил мне рок,
Закончились дни – значит, смерть к нам пришла на порог.

И если б меня в свое логово львы затащили,
Я не был бы съеден, покуда не кончен мой срок»⁵².

И потом они закричали о Нур ад-Дине: «Вот наименьшее воздаяние тому, кто возводит на царей ложное!» И его до тех пор возили по Басре, пока не остановились под окнами дворца, и тогда его поставили на ковре крови, и палач подошел к нему и сказал: «О господин мой, я подневольный раб в этом деле. Если у тебя есть какое-нибудь желание – скажи мне, и я его исполню: твоей жизни осталось только на то время, пока султан не покажет из окна лицо».

⁵¹ Перевод А. Ревича.

⁵² Перевод А. Ревича.

И тогда Нур ад-Дин посмотрел и налево, и назад, и вперед и произнес:

Я увидал палача, его меч и ковер.
Я закричал: «Это горе мое и позор!»

Кто мне поможет, кто мне руку дружбы протянет?
Кто отзовется и этим смягчит приговор?

Пробило время мое, и погибель совсем уже рядом.
Может быть, даже в раю повстречаю укор?

Кто мне воды поднесет, облегчит мои муки?
Кто на меня обратит свой сочувственный взор?⁵³

И люди стали плакать о нем, и палач встал, и взял чашку воды, и подал ее Нур ад-Дину, но везирь поднялся с места, и ударил рукой кружку с водой, и разбил ее, и закричал на палача, приказывая ему отрубить голову Нур ад-Дину. И тогда палач завязал Нур ад-Дину глаза, и народ закричал на везиря, и поднялись вопли, и умножились вопросы одних к другим, и когда все это было, вдруг взвилась пыль, и клубы ее наполнили воздух и равнину. И когда увидел это султан, который сидел во дворце, он сказал им: «Посмотрите, в чем дело», – а везирь воскликнул: «Отрубим этому голову сначала!» Но султан возразил: «Подожди ты, пока увидим, в чем

⁵³ Перевод А. Ревича.

дело».

А это была пыль, поднятая Джафаром Бармакидом, везирем халифа, и теми, кто был с ним, и причиной их прихода было то, что халиф провел тридцать дней, не упоминая о деле Али ибн Хакана, и никто ему о нем не говорил, пока он не подошел в какую-то ночь к комнате Анис аль-Джалис и не услышал, что она плачет и произносит красивым и приятным голосом слова поэта:

Образ твой видится издалека,
Имя твое не сойдет с языка⁵⁴.

И ее плач усилился, и вдруг халиф открыл дверь, и вошел в комнату, и увидел Анис аль-Джалис, которая плакала, а она, увидав халифа, упала на землю и поцеловала его ноги три раза, а потом произнесла:

О ты, кто корнями столь чист и рождением высок.
О дерева древнего плодоносящий росток!

Желаю тебе я напомнить твое обещанье.
Исполни его, совершенный, не будь так жесток!⁵⁵

И халиф спросил ее: «Кто ты?» – и она сказала: «Я подарок тебе от Али ибн Хакана и хочу исполнения обещания,

⁵⁴ Перевод А. Ревича.

⁵⁵ Перевод А. Ревича.

данного мне тобою, что ты пошлешь меня к нему с почетным подарком; я здесь теперь уже тридцать дней не вкусила сна».

И тогда халиф потребовал Джафара Бармакида и сказал ему: «Джафар, я уже тридцать дней не слышу вестей об Али ибн Хакане, и я думаю, что султан убил его. Но, клянусь жизнью моей головы и гробницей моих отцов и дедов, если с ним случилось нехорошее дело, я непременно погублю того, кто был причиною этому, хотя бы он был мне дороже всех людей! Я хочу, чтобы ты сейчас же поехал в Басру и привез сведения о правителе Мухаммеде ибн Сулеймане аз-Зейни и об Али ибн Хакане. Если ты пробудешь в отсутствии дольше, чем требует расстояние пути, – прибавил халиф, – я снесу тебе голову. Ты знаешь, о сын моего дяди, о деле Нур ад-Дина Али и о том, что я послал его с письмом от меня. И если ты увидишь, о сын моего дяди, что правитель поступил не согласно с тем, что я послал сообщить ему, вези его и вези также везиря аль-Муина ибн Сави в том виде, в каком ты их найдешь. И не отсутствуй больше, чем того требует расстояние пути». И Джафар отвечал: «Внимание и повиновение!» – и затем он тотчас же собрался и ехал, пока не прибыл в Басру, и, обгоняя друг друга, устремились к царю Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни вести о прибытии Джафара Бармакида.

И везирь Джафар прибыл и увидел эту смуту, беспорядок и давку, и тогда он спросил: «Отчего эта давка?» И ему рассказали, что происходит с Нур ад-Дином Али ибн Хаканом,

и услышав их слова, Джафар поспешил подняться к султану, и приветствовал его, и осведомил его о том, зачем он приехал, и о том, что если с Али ибн Хаканом случилось дурное дело, султан погубит тех, кто был причиной этому. После этого он схватил султана и везиря аль-Муина ибн Сави, и заточил их, и приказал выпустить Нур ад-Дина Али ибн Хакана, и посадил его султаном на место султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни.

И он провел в Басре три дня – время угощения гостя, – а когда настало утро четвертого дня, Али ибн Хакан обратился к Джафару и сказал ему: «Я чувствую желание повидать повелителя правоверных». И Джафар сказал тогда царю Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни: «Снаряжайся в путь, мы совершим утреннюю молитву и поедем в Багдад», – и царь отвечал: «Внимание и повиновение!»

И они совершили утреннюю молитву, и все поехали, и с ними был везирь аль-Муин ибн Сави, который стал рассказывать в том, что он сделал. А что касается Нур ад-Дина Али ибн Хакана, то он ехал рядом с Джафаром, и они ехали до тех пор, пока не достигли Багдада, Обители Мира.

После этого они вошли к халифу и, войдя к нему, рассказали о деле Нур ад-Дина и о том, как они нашли его близким к смерти. И тогда халиф обратился к Али ибн Хакану и сказал ему: «Возьми этот меч и отруби им голову твоего врага».

И Нур ад-Дин взял меч и подошел к аль-Муину ибн Сави, и тот посмотрел на него и сказал: «Я поступил по своей

природе, ты поступи по своей». И Нур ад-Дин бросил меч из рук, и посмотрел на халифа, и сказал: «О повелитель правоверных, он обманул меня этими словами!»

«Оставь его ты, – сказал тогда халиф и крикнул Масруру: – О Масрур, встань ты и отруби ему голову!» И Масрур встал и отрубил ему голову.

И тогда халиф сказал Али ибн Хакану: «Пожелай от меня чего-нибудь». – «О господин мой, – отвечал Нур ад-Дин, – нет мне нужды владеть Басрой, я хочу только быть почтенным службою тебе и видеть твое лицо». И халиф отвечал: «С любовью и удовольствием!»

Потом он позвал ту невольницу, Анис аль-Джалис, и она появилась перед ним, и халиф пожаловал их обоих, и дал им дворец из дворцов Багдада, и назначил им выдачи, а Нур ад-Дина он сделал своим сотрапезником, и тот пребывал у него в приятнейшей жизни, пока не застигла его смерть».

Повесть о царе Шахрамане, сыне его Камар аз- Замане и царевне Будур

Когда же настала ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия царь, которого звали царь Шахраман. И был он обладателем большого войска и челяди и слуг, но только велики сделались его годы, и кости его размякли, и не было послано ему ребенка.

И он размышлял про себя и печалился и беспокоился и пожаловался на это одному из своих везирей и сказал: «Я боюсь, что, когда умру, царство погибнет, так как я не найду среди моих потомков кого-нибудь, чтобы управлять им после меня». И тот везирь отвечал ему: «Быть может, Аллах совершит впоследствии нечто; положишься же на Аллаха, о царь, и взмолишься к нему».

И царь поднялся, совершил омовение и молитву в два раката и воззвал к великому Аллаху с правдивым намерением, а потом он призвал свою жену на ложе и познал ее в это же время, и она зачала от него, по могуществу Аллаха великого.

А когда завершились ее месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне в ночь полнолуния, и царь назвал его Камар аз-Заманом и обрадовался ему до крайней степени. И

он кликнул клич, чтобы город украсили, и город был украшен семь дней, и стучали в барабаны и били в литавры. А младенцу царь назначил кормилиц и нянек, и воспитывался он в величии и неге, пока не прожил пятнадцать лет. И он превосходил всех красотой и прелестью и стройностью сана и соразмерностью, и отец любил его и не мог с ним расстаться ни ночью, ни днем.

И отец мальчика пожаловался одному из своих везирей на великую любовь свою к сыну и сказал: «О везирь, поистине, я боюсь, что дитя мое, Камар аз-Замана, постигнут удары судьбы и случайности, и хочу я женить его в течение моей жизни». – «Знай, о царь, – ответил ему везирь, – что жениться – значит проявить благородство нрава, и правильно будет, чтобы ты женил твоего сына, пока ты жив, раньше, чем сделаешь его султаном».

И тогда царь Шахраман воскликнул: «Ко мне моего сына Камар аз-Замана!» И тот явился, склонив голову к земле от смущения перед своим отцом. И отец сказал ему: «О Камар аз-Заман, я хочу тебя женить и порадоваться на тебя, пока я жив», – а юноша ответил: «О батюшка, знай, что нет у меня охоты к браку и душа моя не склонна к женщинам, так как я нашел много книг и рассуждений об их коварстве и вероломстве. И поэт сказал:

А коли вы спросите о женах, то истинно

Я в женских делах премудр и опытен буду.

И если седа глава у мужа иль мало средств,
Не будет тогда ему в любви их удела.

А другой сказал:

Не слушайся женщин – вот покорность прекрасная,
Несчастлив тот юноша, что женам узду вручил:

Мешают они ему в достоинствах высшим стать,
Хотя бы стремился он к науке лет тысячу».

А окончив свои стихи, он сказал: «О батюшка, брак – нечто такое, чего я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испытать чашу гибели».

И когда султан Шахраман услышал от своего сына такие слова, свет стал мраком перед лицом его, и он сильно огорчился, что его сын Камар аз-Заман не послушался, когда он посоветовал ему жениться. Но из-за сильной любви к сыну он не пожелал повторить ему эти речи и гневить его, а, напротив, проявил заботливость и оказал ему уважение и всяческую ласку, которой можно привлечь любовь к сердцу. А при всем этом Камар аз-Заман каждый день становился все более красив, прелестен, изящен и изнежен.

И царь Шахраман прождал целый год и увидел, что тот сделался совершенен по красноречию и прелести, и люди теряли из-за него честь. Все веющие ветры разносили его ми-

лости, и стал он в своей красоте искушением для влюбленных и по своему совершенству – цветущим садом для тоскующих. Его речи были нежны, и лицо его смущало полную луну, и был он строен станом, соразмерен, изящен и изнежен, как будто он ветвь ивы или трость бамбука. Его щека заменяла розу и анемон, а стан его – ветку ивы, и черты его были изящны.

А когда Камар аз-Заману исполнился еще один год, его отец призвал его к себе и сказал ему: «О дитя мое, не выслушаешь ли ты меня?» И Камар аз-Заман пал на землю перед своим отцом из почтительного страха перед ним и устыдился и воскликнул: «О батюшка, как мне тебя не выслушать, когда Аллах мне велел тебе повиноваться и не быть ослушником?»

«О дитя мое, – сказал ему тогда царь Шахраман, – знай, что я хочу тебя женить и порадоваться на тебя при жизни и сделать тебя султаном в моем царстве прежде моей смерти».

И когда Камар аз-Заман услышал это от своего отца, он ненадолго потупил голову, а потом поднял ее и сказал: «О батюшка, такое я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испытать чашу гибели. Я знаю и уверен, что великий Аллах вменил мне в обязанность повиноваться тебе, но, ради Аллаха, прошу тебя, не принуждай меня к браку и не думай, что я женюсь когда-либо в моей жизни, так как я читал книги древних и недавно живших и осведомлен о том, какие их постигли от женщин искушения, бедствия и беспредельные

козни, и о том, что рассказывают про их хитрости. А как прекрасны слова поэта:

Распутницей кто обманут,
Тому не видать свободы,

Хоть тысячу он построит
Покрытых железом замков.

Ведь строить их бесполезно,
И крепости не помогут,

И женщины всех обманут —
Далеких так же, как близких.

Они себе красят пальцы
И в косы вплетают ленты

И веки чернят сурьюю.
И пьем из-за них мы горесть.

А как прекрасны слова другого:

Право, женщины, если даже звать к воздержанию их, —
Кости мертвые, что растерзаны хищным ястребом.

Ночью речи их и все тайны их тебе отданы,
А наутро ноги и руки их не твои уже.

Точно хан они, где ночуешь ты, а с зарей – в пути,
И не знаешь ты, кто ночует в нем, когда нет тебя».

Услышав от своего сына Камар аз-Замана эти слова и поняв эти нанизанные стихи, царь Шахраман не дал ему ответа вследствие своей крайней любви к нему и оказал ему еще большую милость и уважение.

И собрание разошлось в тот же час, и после того как собрание было распущено, царь позвал своего везиря и уединился с ним и сказал ему: «О везирь, поведай мне, как мне поступить с моим сыном Камар аз-Заманом, как женить его. Я спросил у тебя совета насчет его брака, и это ты мне посоветовал его женить, прежде чем я сделаю его султаном. Я говорил с сыном о браке много раз, но он не согласился со мною; посоветуй же мне теперь, о везирь, что мне делать?» – «О царь, – ответил везирь, – потерпи еще год, а потом, когда ты захочешь заговорить с твоим сыном об этом деле, не говори тайком, но заведи с ним речь в день суда, когда все везири и эмиры будут присутствовать и все войска будут стоять тут же. И когда эти люди соберутся, пошли в ту минуту за твоим сыном Камар аз-Заманом и вели ему явиться, а когда он явится, скажи ему о женитьбе в присутствии везирей и вельмож и обладателей власти. Он обязательно устыдится и не сможет тебе противоречить в их присутствии».

Услышав от своего везиря эти слова, царь Шахраман обрадовался великою радостью и счел правильным его мнение

и наградил его великолепным платьем. И царь Шахраман не говорил со своим сыном Камар аз-Заманом год о женитьбе. И с каждым днем из дней, что проходили над ним, юноша становился все более красив, прекрасен, блестящ и совершенен, и достиг он возраста близкого к двадцати годам, и Аллах облачил его в одежду прелести и увенчал его венцом совершенства. И око его околдовывало сильнее, чем Харут, а игра его взора больше сбивала с пути, чем Тагут. Его щеки сияли румянцем, и веки издевались над острорежущим, а белизна его лба говорила о блестящей луне, и чернота волос была подобна мрачной ночи. Его стан был тоньше летучей паутины, а бедра тяжелее песчаного холма; вид его боков возбуждал горечь, и стан его сетовал на тяжесть бедер, и прелести его смущали род людской.

И затем царь Шахраман слушал речи везиря еще год, пока не случился день праздника. И пришел день суда, и зал собраний царя наполнился тогда эмирами, везирями, вельможами царства и воинами и людьми власти, а затем царь послал за своим сыном Камар аз-Заманом, и тот, явившись, три раза поцеловал землю меж рук своего отца и встал перед ним, заложив руки за спину.

И его отец сказал ему: «Знай, о дитя мое, что я послал за тобой и велел тебе на сей раз явиться в это собрание, где присутствуют перед нами все вельможи царства, только для того, чтобы дать тебе одно приказание, насчет которого ты мне не прекословь. А именно: ты женишься, ибо я желаю

женить тебя на дочери какого-нибудь царя и порадоваться на тебя прежде моей смерти».

Услышав это от своего отца, Камар аз-Заман опустил ненадолго голову к земле, а затем поднял голову к отцу, и его охватили в эту минуту безумие юности и глупость молодости, и он воскликнул: «Что до меня, то я никогда не женюсь, хотя бы мне пришлось испытать чашу гибели, а что касается тебя, то ты старец великий по годам, но малый по уму! Разве ты не спрашивал меня о браке раньше сегодняшнего дня уже дважды, кроме этого раза, а я не соглашался на это?»

Потом Камар аз-Заман разъединил руки, заложенные за спину, и засучил перед своим отцом рукава до локтей, будучи гневен, и сказал своему отцу много слов, и сердце его волновалось, и его отец смутился, и ему стало стыдно, так как это случилось перед вельможами его царства и воинами, присутствовавшими на празднике. А потом царя Шахрамана охватила ярость царей, и он закричал на своего сына, так что устрасил его, и крикнул невольникам, которые были перед ним, и сказал им: «Схватите его!»

И невольники побежали к царевичу, обгоняя друг друга, и схватили его и поставили перед его отцом, и тот приказал скрутить ему руки, и Камар аз-Замана скрутили и поставили перед царем, и он поник головой от страха и ужаса, и его лоб и лицо покрылись жемчугом испарины, и сильное смущение и стыд охватили его.

И тогда отец стал бранить и ругать его и воскликнул: «Го-

ре тебе, о дитя прелюбодеяния и питомец бесстыдства! Как может быть таким твой ответ мне перед моей стражей и воинами! Но тебя еще до сих пор никто не проучил! Разве ты не знаешь, что, если бы поступок, который совершен тобою, исходил от простолюдина из числа простых людей, это было бы с его стороны очень гадко?»

Потом царь велел своим невольникам развязать скрученного Камар аз-Замана и заточить его в одной из башен крепости. Тогда его взяли и отвели в древнюю башню, где была разрушенная комната, а посреди комнаты был развалившийся старый колодец. И комнату подмели и вытерли там пол и поставили в ней для Камар аз-Замана ложе, а на ложе ему постлали матрас и коврик и положили подушку и принесли большой фонарь и свечу, так как в этой комнате было темно днем.

А затем невольники ввели Камар аз-Замана в это помещение и у дверей комнаты поставили евнуха. И Камар аз-Заман поднялся на ложе, с разбитым сердцем и печальной душой, и он упрекал себя и раскаивался в том, что произошло у него с отцом, когда раскаяние было ему бесполезно. «Прокляни, Аллах, брак и девушек и обманщиц женщин! – воскликнул он. – О, если бы я послушался моего отца и женился! Поступи я так, мне было бы лучше, чем в этой тюрьме».

Вот что было с Камар аз-Заманом. Что же касается его отца, то он пребывал на престоле своего царства остаток дня, до времени заката, а затем уединился с везирем и сказал ему:

«Знай, о везирь, ты был причиной всего того, что произошло между мной и моим сыном, так как ты посоветовал мне то, что посоветовал. Что же ты посоветуешь мне делать теперь?» – «О царь, – ответил ему везирь, – оставь твоего сына в тюрьме на пятнадцать дней, а потом призови его к себе и вели ему жениться: он не будет тебе больше противоречить».

И царь последовал совету везиря. Он пролежал эту ночь с сердцем, занятым мыслью о сыне, так как любил его великой любовью, ибо не было у него другого ребенка. А к царю Шахраману всякую ночь приходил сон только тогда, когда он клал руку под голову своему сыну Камар аз-Заману. И царь провел эту ночь с умом, расстроенным из-за сына, и он ворочался с боку на бок, точно лежал на углях дерева – гада, и его охватило беспокойство, и сон не брал его всю эту ночь. И глаза его пролили слезы.

Вот что было с царем Шахраманом. Что же касается Камар аз-Замана, то когда пришла к нему ночь, евнух подал ему фонарь, зажег для него свечу и вставил ее в подсвечник, а потом он подал ему кое-чего съестного, и Камар аз-Заман немного поел. И он принялся укорять себя за то, что был невежей по отношению к отцу, и сказал своей душе: «О душа, разве ты не знаешь, что сын Адама – заложник своего языка и что именно язык человека ввергает его в гибель?»

А потом глаза его пролили слезы, и он заплакал о том, что совершил. С болящей душой и расколовшимся сердцем он до крайности раскаивался в том, как он поступил по отно-

шению к отцу, и произнес:

Знай: смерть несут юноше оплошности уст его,
Хотя не погибнет муж, оплошно ступив ногой.

Оплошность из уст его снесет ему голову,
А если споткнется он, – здоров будет со временем.

А когда Камар аз-Заман кончил есть, он потребовал, чтобы ему вымыли руки, и невольник вымыл ему руки после еды, и затем Камар аз-Заман поднялся и совершил предзакатную и ночную молитву и сидел на ложе, читая Коран. Он прочел главы «Корова», «Семейство Имрана», «Я-Син», «Ар-Рахман», «Благословенна власть», «Чистосердечие» и «Главы-охранительницы» и закончил молением и возгласом: «У Аллаха ищу защиты!»

А потом он лег на ложе, на матрас из мадинского атласа, одинаковый по обе стороны и набитый иракским шелком, а под головой у него была подушка, набитая перьями страуса. И когда он захотел лечь, он снял верхнюю одежду и, освободившись от платья, лег в рубаше из тонкой вощенной материи, а голова его была покрыта голубой мервской повязкой. И в тот час этой ночи Камар аз-Заман стал подобен луне, когда она бывает полной в четырнадцатую ночь месяца. Потом он накрылся шелковым плащом и заснул, и фонарь горел у него в ногах, а свеча горела над его головой, и он спал до первой трети ночи, не зная, что скрыто для него в неведомом и что

ему предопределил ведающий сокровенное.

И случилось по предопределенному велению и заранее назначенной судьбе, что эта башня и эта комната были старые, покинутые в течение многих лет. И в комнате был римский колодец, где пребывала джинния, которая жила в нем. А звали ее Маймуна, и была она из потомства Иблиса проклятого и дочь Димирьята, одного из знаменитых царей джиннов.

И когда Камар аз-Заман проспал до первой трети ночи, эта ифритка поднялась из римского колодца и направилась к небу, чтобы украдкой подслушивать, и, оказавшись наверху колодца, она увидела свет, который горел в башне, в противность обычаю. А ифритка эта жила в том месте долгий срок лет, и она сказала про себя: «Я ничего такого здесь раньше не видела», – и, увидев свет, она изумилась до крайности, и ей пришлось на ум, что этому обстоятельству непременно должна быть причина.

И она направилась в сторону этого света и, увидев, что он исходит из комнаты, подошла к ней и увидела евнуха, который спал у дверей комнаты. А войдя в комнату, она нашла там поставленное ложе и на нем спящего человека, и свеча горела у него в головах, а фонарь горел у его ног. И ифритка Маймуна подивилась этому свету и мало-помалу подошла к нему и, опустив крылья, встала у ложа.

Она сняла плащ с лица Камар аз-Замана и взглянула на него и некоторое время стояла, ошеломленная его красотой и прелестью, и оказалось, что сияние его лица сильнее света

свечки, и лицо его мерцало светом, и глаза его, во сне, стали как глаза газели, и зрачки его почернели, и щеки зарделись, и веки расслабили, а брови изогнулись, как лук, и повеяло от него благовонным мускусом.

И когда ифритка Маймуна, дочь Димирьята, увидала его, она прославила Аллаха и воскликнула: «Благословен Аллах, лучший из творцов!» (А эта ифритка была из правоверных джиннов.) Она продолжала некоторое время смотреть в лицо Камар аз-Замана, восклицая: «Нет бога, кроме Аллаха!» – и завидуя юноше, завидуя его красоте и прелести, и потом сказала про себя: «Клянусь Аллахом, я не буду ему вредить и никому не дам его обидеть и выкуплю его от всякого зла! Поистине, это красивое лицо достойно лишь того, чтобы на него смотрели и прославляли за него Аллаха. Но как могло случиться, что родные положили его в это разрушенное место; если бы к нему сейчас явился кто-нибудь из наших магридов, он наверное погубил бы его».

Потом ифритка склонилась над Камар аз-Заманом и поцеловала его между глаз, а после этого она опустила плащ ему на лицо и, накрыв его, распахнула крылья и полетела в сторону неба. Она вылетела из-под сводов той комнаты и продолжала лететь по воздуху, поднимаясь ввысь, пока не приблизилась к нижнему небу. И вдруг она услышала хлопанье крыльев в воздухе и направилась на этот шум. И когда она приблизилась, то оказалось, что это ифрит, которого звали Дахнаш, и Маймуна низверглась на него, как низвергается

ястреб.

И когда Дахнаш почувал ее и узнал, что это Маймуна, дочь царя джиннов, он испугался, и у него затряслись поджилки. И он попросил у нее защиты и сказал ей: «Заклинаю тебя величайшим, благороднейшим именем, и вышним талисманом, что вырезан на перстне Сулеймана, будь со мною мягкой и не вреди мне!»

И Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, и сердце ее сжалилось над ним, и она сказала: «Ты заклинаешь меня, о проклятый, великою клятвой, но я не отпущу тебя, пока ты не расскажешь, откуда ты сейчас прилетел». – «О госпожа, – ответил ифрит, – знай, что прилетел я из крайних городов Китая и с внутренних островов. Я расскажу тебе о диковине, которую я видел в эту ночь, и если ты найдешь, что мои слова – правда, позволь мне лететь своей дорогой и напиши мне твоей рукой свидетельство, что я твой вольноотпущенник, чтобы мне не причинил зла никто из племени джиннов – летающих, вышних, нижних или ныряющих».

И Маймуна спросила его: «Что же ты видел этой ночью, о лжец, о проклятый? Рассказывай и не лги мне, желая спастись от меня своей ложью. Клянусь надписью, вырезанной в гнезде перстня Сулеймана ибн Дауда, – мир с ними обоими! – если твои слова не будут правдивы, я вырву тебе перья своей рукой, порву твою кожу и переломаю тебе кости!» И ифрит Дахнаш, сын Шамхураша крылатого, ответил ей: «Я согласен, о госпожа, на это условие, – а потом он сказал: –

Знай, о госпожа, что этой ночью я улетел с внутренних островов в землях китайских (а это земля царя аль-Гайюра, владыки островов и земель и семи дворцов). И у этого царя я видел дочку, лучше которой не сотворил Аллах в ее время. Я не могу тебе описать ее, так как мой язык не имеет сил, чтобы ее описать как должно, но я упомяну о некоторых ее качествах приблизительно. Ее волосы – как ночь разлуки и расставанья, а лицо ее – точно дни единенья, и отлично описал ее тот, кто сказал:

Распустила три она локона из волос своих
Ночью темною и четыре ночи явила нам,

И к луне на небе лицом она обратилася,
И явила мне две луны она одновременно.

И нос ее – как острие полированного меча, а щеки – точно алое вино. Ее щеки похожи на анемон, и губы ее – точно кораллы или сердолик, ее слюна желаннее вина, и вкус ее погасит мучительный огонь. Ее языком движет великий разум и всегда готовый ответ, и грудь ее – искушение для тех, кто ее видит. Слава же тому, кто ее сотворил и соразмерил!

И две руки ее круглые и гладкие, как сказал о ней поэт, охваченный любовью:

И кисти, которые, браслетов не будь на них,
Текли бы из рукавов, как быстрый ручей течет.

А груди ее точно две шкатулки из слоновой кости, сиянье которых заимствуют луна и солнце. И живот у нее в свернутых складках, как складки египетских материй, расшитых парчой, и складки эти подобны бумажным свиткам. И доходит это все до тонкого стана, подобного призраку воображения, а он покоится на бедрах, похожих на кучи песку, и сажают они ее, когда она хочет встать, и пробуждают ее, когда она хочет спать, как сказал поэт (и хорошо сказал):

И бедра ее ко слабому прикрепились,
А бедра ведь те и к ней и ко мне жестоки.

Как вспомню я их, меня поднимут они тотчас,
Ее же они, коль встанет она, посадят.

И этот таз обременяет две ляжки, округленные и гладкие, а икры ее – точно столбы из жемчуга, и все это носят ноги, тонкие и заостренные, как острие копья, – творение заботливого, судящего. И подивился я их малым размерам: как могут они носить то, что над ними? И я был краток в описании и кончаю его, боясь его затянуть».

И, услышав описание этой девушки и ее красоты и прелести, Маймуна изумилась, а Дахнаш сказал ей: «Поистине, отец этой девушки могучий царь, витязь нападающий, погружающийся в шум битв и ночью и днем. И не страшится он смерти и не боится кончины, ибо он жестокий несправед-

ливец и мрачный видом покровитель.

Он обладает войсками и отрядами, областями, островами, городами и домами, и зовут его царь аль-Гайюр, владыка островов, морей и семи дворцов. И любил он свою дочь, ту девушку, которую я описал тебе, сильной любовью. Из-за своей любви к ней он свез к себе богатства всех царей и построил ей семь дворцов – каждый дворец особого рода: первый дворец – из хрусталя, второй – из мрамора, третий – из китайского железа, четвертый дворец – из руд и драгоценных камней, пятый – из глины, разноцветных агатов и алмазов, шестой дворец – из серебра и седьмой – из золота.

И он наполнил эти семь дворцов разнообразными, роскошными коврами из шелка, золотыми и серебряными сосудами и всякой утварью, которая нужна царям. И он приказал своей дочери жить в каждом из этих дворцов часть года, а затем переезжать в другой дворец. А имя ее – царица Будур.

И когда красота царицы сделалась знаменита и молва о ней распространилась по странам, все цари стали посылать к ее отцу, святая у него девушку. И отец советовался с нею и склонял ее к замужеству, но разговоры о замужестве были ей отвратительны. И она говорила своему отцу: «О батюшка, нет у меня никакой охоты выходить замуж. Я госпожа, правительница и царица, и правлю людьми и не хочу мужчины, который будет править мною».

И всякий раз, как она отказывалась выйти замуж, желание сватавшихся все увеличивалось. И тогда все цари внут-

ренных островов Китая принялись посылать ее отцу подарки и редкости и писать ему относительно брака с нею. И отец много раз советовал ей выйти замуж, но девушка прекословила ему и была с ним дерзка и разгневалась на него и сказала: «О батюшка, если ты еще раз заговоришь со мной о замужестве, я пойду в комнату, возьму меч и воткну его рукояткой в землю, а острие я приложу к животу и обопрюсь на него, так что оно выйдет из моей спины, и убью себя».

И когда отец услышал от дочери эти слова, свет стал мраком пред лицом его, и сердце его загорелось из-за дочери великим огнем. Он испугался, что она убьет себя, и не знал, как быть с нею и с царями, которые к ней посватались.

«Если уж тебе никак не выйти замуж, воздержись от того, чтобы входить и выходить», – сказал он ей, и затем ввел ее в комнату, заточил ее там и приставил, чтобы сторожить ее, десять старух управительниц. Он запретил ей появляться в тех семи дворцах и сделал вид, что гневен на нее, а ко всем царям он отправил письма и известил их, что разум девушки поражен бесноватостью. И сейчас год как она в заточении».

А потом ифрит Дахнаш сказал ифритке Маймуне: «Я отправляюсь к ней каждую ночь, о госпожа, и смотрю на нее, и наслаждаюсь ее лицом, и целую ее, спящую, меж глаз. Из-за любви к ней я не причиняю ей вреда или обид и не сажусь на нее, так как ее юность прекрасна и прелесть ее редкостна и каждый, кто увидит ее, приревнует к самому себе. Заклинаю тебя, о госпожа, воротись со мною и посмотри на ее красоту,

прелесть, и стройность, и соразмерность, а после этого, если захочешь меня наказать и взять в плен, сделай это: ведь и приказ и запрет принадлежит тебе».

И ифрит Дахнаш поник головой и опустил крылья к земле, а ифритка Маймуна, посмеявшись над его словами и плюнув ему в лицо, сказала: «Что такое эта девушка, про которую ты говоришь? Она только черепок, чтобы мочиться! Фу! Фу! Клянусь Аллахом, я думала, что у тебя диковинное дело или удивительная история, о проклятый! А как же было бы, если бы ты увидел моего возлюбленного! Я сегодня ночью видела такого человека, что, если бы ты его увидел хоть во сне, ты бы наверное стал расслабленным и у тебя потекли бы слюни». – «А что за история с этим юношей?» – спросил ее Дахнаш.

И Маймуна сказала: «Знай, о Дахнаш, что с этим юношей случилось то же, что случилось с твоей возлюбленной, о которой ты говорил: его отец много раз приказывал ему жениться, а он отказывался, и когда он не послушался отца, тот рассердился и заточил его в башне, где я живу. И сегодня ночью я поднялась и увидела его». – «О госпожа, – сказал Дахнаш, – покажи мне этого юношу, чтобы я посмотрел, красивей ли он, чем моя возлюбленная, царица Будур, или нет. Я не думаю, что найдется в теперешнее время подобный моей возлюбленной». – «Ты лжешь, о проклятый, о сквернейший из маринов и презреннейший из чертей! – воскликнула ифритка. – Я уверена, что не найдется подобного

моему возлюбленному в этих землях. Сумасшедший ты, что ли, что сравниваешь свою возлюбленную с моим возлюбленным?» – «Заклинаю тебя Аллахом, госпожа, полети со мной и посмотри на мою возлюбленную, а я вернусь с тобою и посмотрю на твоего возлюбленного», – сказал ей Дахнаш.

И Маймуна воскликнула: «Обязательно, о проклятый, ты ведь коварный черт! Но я полечу с тобой и ты полетишь со мной только с каким-нибудь залогом и с условием, что, если твоя возлюбленная, которую ты любишь и превозносишь сверх меры, окажется лучше моего возлюбленного, о котором я говорила и которого я люблю и превозношу, – этот залог будет тебе против меня. Но если окажется лучше мой возлюбленный, – залог будет мне против тебя».

«О госпожа, – отвечал ей ифрит Дахнаш, – я принимаю от тебя это условие и согласен на него. Отправимся со мною на острова». – «Нет! Место, где мой возлюбленный, ближе, чем место твоей возлюбленной, – сказала Маймуна. – Вот он, под нами. Спустись со мною, чтобы посмотреть на моего возлюбленного, а потом мы отправимся к твоей возлюбленной».

И Дахнаш сказал: «Внимание и повиновение!» – а затем они спустились вниз и сошли в круглое помещение, которое было в башне. И Маймуна остановила Дахнаша возле ложа и, протянув руку, подняла шелковое покрывало с лица Камар аз-Замана, сына царя Шахрамана, и лицо его заблестало, засверкало, засветилось и засияло. И Маймуна взглянула

на него и в тот же час и минуту обернулась к Дахнашу и воскликнула: «Смотри, о проклятый, и не будь безобразнейшим из безумцев! Мы – женщины, и он для нас искушение».

И Дахнаш посмотрел на юношу и некоторое время его разглядывал, а потом он покачал головой и сказал Маймуне: «Клянусь Аллахом, госпожа, тебе простительно, но против тебя остается еще нечто другое: положение женщины не таково, как положение мужчины. Клянусь Аллахом, поистине твой возлюбленный более всех тварей сходен с моей возлюбленной по красоте и прелести, блеску и совершенству, и оба они как будто вместе вылиты в форме красоты».

И когда Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, свет стал мраком пред лицом ее, и она ударила его крылом по голове крепким ударом, который едва не порешил его, так он был силен. А затем она воскликнула: «Клянусь светом лица его величия, ты сейчас же отправишься, о проклятый, и возьмешь твою возлюбленную, которую ты любишь, и быстро принесешь ее в это место, чтобы мы свели их обоих и посмотрели бы на них, когда они будут спать вместе, близко друг от друга. И тогда нам станет ясно, который из них красивее и прекраснее другого. А если ты, о проклятый, сейчас же не сделаешь того, что я тебе приказываю, я сожгу тебя моим огнем, и закидаю тебя искрами, и разорву тебя на куски, и разбросаю в пустынях, и сделаю тебя назиданием для оседлого и путешествующего». – «О госпожа, – сказал Дахнаш, – я обязан сделать это для тебя, но я знаю, что моя воз-

любленная красивее и усладительнее».

После этого ифрит Дахнаш полетел, в тот же час и минуту, и Маймуна полетела с ним, чтобы стеречь его, и они скрылись на некоторое время, а потом оба прилетели, неся ту девушку.

А на ней была венецианская рубашка, тонкая, с двумя золотыми каемками, и была она украшена диковинными вышивками, а по краям рукавов были написаны такие стихи:

Три вещи мешают ей прийти посетить наш дом
(Страшны соглядатаи и злые завистники):

Сиянье чела ее, и звон драгоценностей,
И амбры прекрасный дух, что в складках сокрыт ее.

Пусть скроет чело совсем она рукавом своим
И снимет уборы все, но как же ей с потом быть?

И Дахнаш с Маймуной до тех пор несли эту девушку, пока не опустили ее и не положили рядом с юношей Камар аз-Заманом на ложе. И они открыли их лица, и оба более всех людей походили друг на друга, и были они словно двойники или несравненные брат и сестра, и служили искушением для богобоязненных.

И Дахнаш с Маймуной стали смотреть на них, и Дахнаш воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо, о госпожа! Моя любимая красивей!» – «Нет, мой возлюбленный красивей! –

сказала Маймуна. – Горе тебе, Дахнаш, ты слеп глазами и сердцем и не отличаешь тощего от жирного. Разве сокроется истина? Не видишь ты, как он красив и прелестен, строен и соразмерен? Горе тебе, послушай, что я скажу о моем возлюбленном, и если ты искренно любишь ту, в кого ты влюблен, скажи про нее то, что я скажу о моем любимом».

И Маймуна поцеловала Камар аз-Замана меж глаз многими поцелуями и произнесла такую касыду:

Что за дело мне до хулителя, что бранит тебя?
Как утешиться, когда ветка ты, вечно гибкая?

Насурьмлен твой глаз, колдовство свое навевает он,
И любви узритской исхода нет, когда смотрит он.

Как турчанки очи: творят они с сердцем раненым
Даже большее, чем отточенный и блестящий меч.

Бремя тяжкое на меня взвалила любви она,
Но, поистине, чтоб носить рубаху, я слишком слаб.

Моя страсть к тебе, как и знаешь ты, и любовь к тебе
В меня вложена, а любовь к другому – притворство лишь.

Но имей я сердце такое же, как твоя душа,
Я бы не был тонок и худ теперь, как твой гибкий стан.

О луна небес! Всею прелестью и красой ее

В описаниях наградить должно средь других людей.

Все хулители говорили мне: «Кто такая та,
О ком плачешь ты?» – и ответил я: «Опишите!» – им.

О жестокость сердца, ты мягкости от боков ее
Научиться можешь, и, может быть, станешь мягче ты.

О эмир, суров красоты надсмотрщик – глаза твои,
И привратник-бровь справедливости не желает знать.

Лгут сказавшие, что красоты все Юсуф взял себе —
Сколько Юсуфов в красоте твоей заключается!

Я для джиннов страшен, коль встречу их, но когда с тобой
Повстречаюсь я, то трепещет сердце и страшно мне.

И стараюсь я от тебя уйти, опасаясь глаз
Соглядатаев, но доколе мне принуждать себя?

Черны локоны и чело его красотой блеснит,
И прекрасны очи, и стан его прям и гибок так.

И, услышав стихи Маймуны о ее возлюбленном, Дахнаш
пришел в великий восторг и до крайности удивился, затряс-
ся от великого восторга и воскликнул: «Поистине, ты хоро-
шо сказала о том, кого ты любишь, и прекрасно описала его,
и я тоже обязательно не пожалею стараний и, как могу, ска-

жу что-нибудь о моей возлюбленной».

Потом Дахнаш подошел к девушке Будур, поцеловал ее меж глаз и, посмотрев на Маймуну и на Будур, свою возлюбленную, произнес такую касыду (а он сам себя не признавал):

За любовь к прекрасной хулят меня и бранят они —
Ошибаются, по неведению ошибаются!

Подари сближенье влюбленному! Ведь поистине,
Если вкусит он расставание, так погибнет он.

Поражен слезами, влюбившись, я, и силен их ток,
И как будто кровь из-под век моих изливается.

Не дивись тому, что испытывал я в любви своей,
Но дивись тому, что был узнан я, когда скрылись вы.

Да лишусь любви я, коль скверное я задумаю!
Пусть любовь наскучит, иль будет сердце неискренно!

И еще слова поэта:

Опустел их стан и жилища их в долине,
И повержен я, и злодей мой удалился.

Я пьян вином любви моей, и пляшет
В глазах слеза под песнь вожака верблюдов.

Я стремлюся к счастью и близости, и уверен я,
Что блаженство я лишь в Будур найду счастливой.

Не знаю я, на что из трех стану сетовать,
Перечислю я, вот послушай, я считаю:

На глаза ее меченосные иль на стан ее,
Что копье несет, иль кудрей ее кольчугу.

Она молвила (а я спрашивал о ней всякого,
Кого встречу я из кочевых и оседлых):

«Я в душе твоей, так направь же взор в ее сторону
И найдешь меня», – и ответил я: «Где дух мой?»

Услышав от Дахнаша эти стихи, Маймуна сказала: «Отлично, о Дахнаш, но кто из этих двух лучше?» – «Моя возлюбленная Будур лучше, чем твой возлюбленный», – ответил Дахнаш. И Маймуна воскликнула: «Ты лжешь, проклятый! Нет, мой возлюбленный лучше, чем твоя возлюбленная!» – «Моя возлюбленная лучше», – сказал Дахнаш. И они до тех пор возражали друг другу словами, пока Маймуна не закричала на Дахнаша и не захотела броситься на него.

И Дахнаш смирился перед нею и смягчил свои речи и сказал: «Пусть не будет тяжела для тебя истина! Прекратим твои и мои речи: каждый из нас свидетельствует, что его возлюбленный лучше, и оба мы отворачиваемся от слов другого. Нам нужен кто-нибудь, кто установит между нами реше-

ние, и мы положимся на то, что он скажет». – «Я согласна на это», – сказала Маймуна.

А затем она ударила рукой об землю, и оттуда появился ифрит – кривой, горбатый и шелудивый, с глазами, прорезанными на лице вдоль, а на голове у него было семь рогов и четыре пряди волос, которые спускались до пяток. Его руки были как вилы, ноги как мачты, и у него были ногти как когти льва и копыта как у дикого осла. И когда этот ифрит появился и увидал Маймуну, он поцеловал перед ней землю, а потом встал, заложив руки за спину, и спросил: «Что тебе нужно, о госпожа, о дочь царя?» – «О Кашкаш, – сказала она, – я хочу, чтобы ты рассудил меня с этим проклятым Дахнашем».

И затем она рассказала ему всю историю, с начала до конца, и тогда ифрит Кашкаш посмотрел на лицо этого юноши и на лицо той девушки и увидел, что они спят обнявшись и каждый из них положил руку под шею другого, и они сходны по красоте и одинаковы в прелести. И марид Кашкаш посмотрел на них и подивился их красоте и прелести, и продлил свои взгляды на юношу и девушку.

Потом ифрит Кашкаш обратился к Маймуне и Дахнашу и сказал им: «Клянусь Аллахом, если вы хотите истины, то я скажу, что оба они равны по красоте, прелести, блеску и совершенству, и отличить их можно только по полу – мужскому и женскому. Но у меня есть другой способ: разбудим одного из них так, чтобы другой не знал, и тот, кто загорится

любовью к своему соседу, будет ниже его по красоте и прелести». – «Это мнение правильное!» – воскликнула Маймунна, а Дахнаш сказал: «Я согласен на это!»

И тогда Дахнаш принял образ блохи и укусил Камар аз-Замана, и тот вскочил со сна испуганный и стал драть ногтями укушенное место на шее, – так сильно оно горело. Он повернулся на бок и увидел, что кто-то лежит с ним рядом, и дыхание его ароматнее благоухающего мускуса, а тело его мягче масла, и изумился этому до пределов изумления.

И, поднявшись, он сел прямо и взглянул на то существо, которое лежало с ним рядом, и оказалось, что это девушка, точно бесподобная жемчужина или воздвигнутый купол, со станом как буква алиф, высокая ростом, с выдающейся грудью и румяными щеками.

И Камар аз-Заман увидел Ситт Будур, дочь царя аль-Гайюра, и увидел ее красоту и прелесть, когда она спала рядом с ним, и увидел на ней венецианскую рубашку (а девушка была без шальвар) и на голове ее – платок, обшитый золотой каймой и унизанный дорогими камнями, а в ушах ее – пару колец, светивших как звезды, и на шее – ожерелье из бесподобных жемчужин, которых не может иметь ни один царь. И он посмотрел на нее глазами, и ум его был ошеломлен.

И зашевелился в нем природный жар, и Аллах послал на него охоту к соитию, и юноша воскликнул про себя: «Что захотел Аллах, то будет, а чего не хочет он, того не будет!» А потом он протянул руку к девушке и, повернув ее, распустил

ворот ее рубахи, и явилось ему ее тело, и он увидел ее груди, подобные двум шкатулкам из слоновой кости, и любовь его к ней еще увеличилась, и он почувствовал к ней великое желание.

И Камар аз-Заман начал будить девушку, но она не просыпалась, так как Дахнашотяжелил ее сон. И тогда Камар аз-Заман принялся трясти ее и шевелить, говоря: «О любимая, проснись и посмотри, кто я, – я Камар аз-Заман!» Но девушка не пробудилась и не шевельнула головой.

И тогда Камар аз-Заман подумал о ней некоторое время и сказал про себя: «Если мое опасенье правильно, то это та девушка, на которой мой родитель хочет меня женить, а прошло уже три года, как я отказываюсь от этого. Если хочет этого Аллах, когда придет утро, я скажу отцу: «Жени меня на ней, чтобы я ею наслаждался!» – и не дам пройти половине дня, как уже достигну с ней близости и буду наслаждаться ее прелестью и красотой».

Потом Камар аз-Заман наклонился к Будур, чтобы поцеловать ее. И джинния Маймуна задрожала и смутилась, а ифрит Дахнаш – тот взлетел от радости. Но затем Камар аз-Заман, когда ему захотелось поцеловать девушку в рот, устыдился Аллаха великого и, повернув голову, отвратил от нее лицо и сказал своему сердцу: «Терпи!»

И он подумал про себя и сказал: «Я подожду, чтобы не оказалось, что мой отец, когда разгневался на меня и заточил меня в этом месте, привел ко мне эту девушку и велел

ей спать со мной рядом, желая испытать меня ею. Он, может быть, научил ее, чтобы, когда я стану ее будить, она не спешила проснуться, и сказал ей: «Что бы ни сделал с тобой Камар аз-Заман, – расскажи мне».

Или мой отец стоит где-нибудь, спрятавшись, чтобы смотреть на меня, когда я его не вижу, и видит все, что я делаю с этой девушкой, а утром он будет меня бранить и скажет мне: «Как ты говоришь: «Нет мне охоты жениться!» – а сам целовал эту девушку и обнимал ее?» Я удержу свою душу, чтобы не раскрылось мое сердце отцу, и правильно будет мне не касаться сейчас этой девушки и не смотреть на нее. Но только я возьму у нее что-нибудь, что будет у меня залогом и воспоминанием о ней, чтобы между нами остался какой-нибудь знак».

Потом Камар аз-Заман поднял руку девушки и снял с ее маленького пальца перстень, который стоил много денег, так как камень его был из великих драгоценностей, и вокруг него были вырезаны такие стихи:

Не подумайте, что забыть я мог обещания,
Сколько времени вы бы ни были в отдалении.

Господа мои, будьте щедрыми, будьте кроткими;
Целовать смогу я уста, быть может, и щеки вам.

Но клянусь Аллахом, уйти от вас не могу уж я,
Даже если бы перешли предел вы любви моей.

Потом Камар аз-Заман надел этот перстень с маленького пальца царевны Будур на свой маленький палец, а затем он повернул к девушке спину и заснул.

И, увидя это, джинния Маймуна обрадовалась и сказала Дахнашу и Кашкашу: «Видели ли вы, какую мой возлюбленный Камар аз-Заман проявил воздержанность с этой девушкой? Вот как совершенны его достоинства! Посмотри, как он взглянул на эту девушку с ее красотой и прелестью – и не поцеловал ее и не обнял и не протянул к ней руки, – напротив, он повернул к ней спину и заснул». – «Да, мы видели, какое он проявил совершенство», – сказали они.

Тогда Маймуна превратилась в блоху и, проникнув в одежды Будур, возлюбленной Дахнаша, прошла по ее ноге, дошла до бедра и, пройдя под пупком расстояние в четыре кирата, укусила девушку.

И та открыла глаза и, выпрямившись, села прямо и увидела юношу, который спал рядом с ней и храпел во сне, и был он из лучших созданий Аллаха великого, и глаза его смущали прекрасных гурий, а слюна его была сладка на вкус и полезнее терьяка. Рот его походил на печать Сулеймана, его уста были цветом как коралл, и щеки подобны цветам анемона.

И когда царевна Будур увидела Камар аз-Замана, ее охватили безумие, любовь и страсть, и она воскликнула про себя: «О позор мне: этот юноша – чужой, и я его не знаю! Почему

он лежит рядом со мною на одной постели?»

Потом она взглянула на него второй раз и всмотрелась в его красоту и прелесть и воскликнула: «Клянусь Аллахом, это красивый юноша, и моя печень едва не разрывается от любви к нему! О, позор мой с ним! Клянусь Аллахом, если бы я знала, что это тот юноша, который сватал меня у отца, я бы его не отвергла, но вышла бы за него замуж и насладилась бы его прелестью». И она посмотрела ему в лицо и сказала: «О господин мой, о свет моего глаза, пробудись от сна и воспользуйся моей красотой и прелестью!»

И потом она пошевелила его руку, но джинния Маймуна опустила над ним крылья и сделала сон его непробудным, и Камар аз-Заман не проснулся. А царица Будур принялась его трясти, говоря ему: «Заклинаю тебя жизнью, послушайся меня, пробудись от сна и взгляни на нарцисс и на зелень. Насладись моим животом и пупком, играй со мной и дразни меня от этой минуты до утра. Заклинаю тебя Аллахом, встань, господин, обопрись на подушку и не спи!»

Но Камар аз-Заман не дал ей ответа, а, напротив, захрапел во сне, и девушка воскликнула: «Ой, ой, ты гордишься своей красотой, прелестью, изяществом и нежностью, но как ты красив, так и я тоже красива! Что же ты делаешь? Разве они тебя научили от меня отворачиваться, или мой отец, скверный старик, тебя научил и не позволил тебе и взял с тебя клятву, что ты не заговоришь со мной сегодня ночью?»

Но Камар аз-Заман не раскрыл рта и не проснулся, и де-

вушка еще больше его полюбила, и Аллах вдохнул в ее сердце любовь к Камар аз-Заману. Она посмотрела на него взглядом, оставившим в ней тысячу вздохов, и сердце ее забилося, и внутри ее все затрепетало, и члены ее задрожали. И она сказала Камар аз-Заману: «Скажи мне что-нибудь, о мой любимый, поговори со мной, о возлюбленный, ответь мне и скажи, как тебя зовут. Ты похитил мой разум!»

Но при всем этом Камар аз-Заман был погружен в сон и не отвечал ей ни слова, и царица Будур вздохнула и сказала: «Ой, ой, как ты чванишься!»

А потом она стала его трясти и повернула его руку и увидела свой перстень на его маленьком пальце, и тогда она издала крик, сопровождая его ужимками, и воскликнула: «Ах, ах! Клянусь Аллахом, ты мой возлюбленный и любишь меня. И похоже, что ты отворачиваешься от меня из чванства, хотя ты, мой любимый, пришел ко мне, когда я спала (и я не знаю, что ты со мной делал), и взял мой перстень, но я не сниму моего перстня с твоего пальца!»

И она распахнула ворот его рубашки и, склонившись к нему, поцеловала его, а затем она протянула к нему руку, чтобы поискать и посмотреть, нет ли на нем чего-нибудь, что она могла бы взять. Но она ничего не нашла и опустила руку ему на грудь, и рука ее скользнула к животу, так мягко было его тело, а потом она опустила руку к пупку и попала на его срамоту. И сердце девушки раскололось, и душа ее затрепетала, поднялась в ней страсть, так как страсть женщин силь-

нее, чем страсть мужчин, и девушка смутилась.

А потом она сняла перстень Камар аз-Замана с его пальца и надела его себе на палец вместо своего перстня, и поцеловала Камар аз-Замана в уста, и поцеловала ему руки, и не оставила на нем места, которого бы не поцеловала. И после этого она придвинулась к нему и взяла его в объятия и обняла его и положила одну руку ему под шею, а другую под мышку и, обняв его, заснула с ним рядом.

Маймуна сказала Дахнашу: «Видел ты, о проклятый, какое проявил мой возлюбленный высокомерие и гордость и что делала твоя возлюбленная из любви к моему возлюбленному? Нет сомнения, что мой возлюбленный лучше твоей возлюбленной, но все-таки я тебя прощаю».

Потом она написала ему свидетельство, что отпустила его, и, обернувшись к Кашкашу, сказала: «Подойди вместе с Дахнашем, подними его возлюбленную и помоги ему снести ее на место, так как ночь прошла и от нее осталось лишь немного». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал Кашкаш. И затем Кашкаш с Дахнашем подошли к царевне Будур и, зайдя под нее, поднялись и улетели с нею и принесли ее на место и уложили на постель. А Маймуна осталась одна и смотрела на Камар аз-Замана, который спал, пока от ночи не осталось только немного, и потом она удалилась своим путем.

А когда показалась заря, Камар аз-Заман пробудился от сна и повернулся направо и налево, но не нашел около себя девушки. «Что это такое? – сказал он себе. – Похоже, что

мой отец соблазнял меня жениться на той девушке, которая была подле меня, а после тайком взял ее от меня, чтобы увеличилось мое желание жениться». И он кликнул евнуха, который спал у дверей, и сказал ему: «Горе тебе, проклятый, поднимайся на ноги!» И евнух встал, одурев от сна, и подал таз и кувшин. И Камар аз-Заман поднялся и вошел в место отдохновения и, исполнив нужду, вышел оттуда, омылся, совершил утреннюю молитву и сел и стал славить великого Аллаха.

А потом он посмотрел на евнуха и увидел, что тот стоит перед ним, прислуживая ему, и воскликнул: «Горе тебе, о Сауаб, кто приходил сюда и взял девушку, что была рядом со мною, когда я спал?» – «О господин, что это за девушка?» – спросил евнух, и Камар аз-Заман отвечал: «Девушка, которая спала подле меня сегодня ночью».

И евнух испугался его слов и воскликнул: «Клянусь Аллахом, не было подле тебя ни девушки, ни кого другого! Откуда вошла к тебе девушка, когда я сплю у двери и она заперта? Клянусь Аллахом, господин, не входил к тебе ни мужчина, ни женщина». – «Ты лжешь, злосчастный раб! – воскликнул Камар аз-Заман. – Разве ты достиг таких степеней, что тоже хочешь обмануть меня и не говоришь мне, куда ушла девушка, которая спала подле меня сегодня ночью, и не рассказываешь, кто взял ее у меня?»

И евнух сказал, испугавшись его: «Клянусь Аллахом, я не видел ни девушки, ни юноши». А Камар аз-Заман рассердил-

ся на слова евнуха и воскликнул: «О проклятый, мой отец научил тебя хитрить. Подойди-ка ко мне». И евнух подошел к Камар аз-Заману, а Камар аз-Заман схватил его за ворот и ударил об землю, и евнух пустил ветры. А потом Камар аз-Заман встал на него коленями и пнул его ногой и так сдавил ему горло, что евнух обеспамятел.

А после этого Камар аз-Заман поднял его и, привязав к веревке колодца, стал спускать его, пока он не достиг воды, и опустил его туда (а тогда были дни зимние и очень холодные), и евнух погрузился в воду, а потом Камар аз-Заман вытянул его и опустил во второй раз. И он все время погружал евнуха в воду и выдергивал его оттуда, и евнух звал на помощь, кричал и вопил. А Камар аз-Заман говорил ему: «Клянусь Аллахом, о проклятый, я не подниму тебя из этого колодца, пока ты мне не сообщишь и не расскажешь об этой девушке и о том, кто взял ее, когда я спал».

И евнух сказал ему, после того как увидел смерть воочию: «О господин, выпусти меня, и я расскажу тебе по правде и сообщу тебе всю историю». И тогда Камар аз-Заман вытянул его из колодца и поднял его, а евнух исчез из мира от холода и пытки, погружения и боязни утонуть, и от побоев, которые он перетерпел. И он принялся дрожать, как тростинка на сильном ветру, и его зубы судорожно сжались. А платье его вымокло, и тело его измазалось и покрылось ссадинами от колодезных стен, и оказался он в гнусном положении. И Камар аз-Заману стало тяжело видеть его таким.

А когда евнух увидел себя на лице земли, он воскликнул: «О господин, дай мне снять с себя одежду, — я ее выжму и расстелю на солнце и надену другую, и потом быстро приду к тебе и расскажу тебе все дело по правде». — «О злой раб, — воскликнул Камар аз-Заман, — если бы ты не взглянул в глаза смерти, ты бы не признался в истине и не сказал бы этого! Иди сделай свои дела и возвращайся ко мне скорее и расскажи мне все по правде».

И тут раб вышел, не веря в спасение, и до тех пор бежал, падая и вставая, пока не вошел к царю Шахраману, отцу Камар аз-Замана. И он увидел, что тот сидит, и везирь рядом с ним, и они беседуют о Камар аз-Замане, и царь говорит везирию: «Я сегодня ночью не спал, так мое сердце было занято мыслью о моем сыне Камар аз-Замане. Я боюсь, что его постигнет беда в старой башне. Зачем надо было его заточать?» И везирь ответил ему: «Не бойся! Клянусь Аллахом, с ним совершенно ничего не случится! Оставь его в заточении на месяц времени, пока нрав его не смягчится и не будет сломлена его душа и не успокоится его гнев».

И когда они разговаривали, вдруг вошел евнух в таком виде, что царь встревожился из-за него, а евнух сказал ему: «О владыка султан, у твоего сына улетел разум, и он стал бесноватым и сделал со мною то-то и то-то, так что я стал таким, как ты видишь. И он говорит мне: «Девушка ночевала подле меня в сегодняшнюю ночь и тайком ушла; где же она?» И заставляет меня рассказать про нее и про то, кто ее взял,

а я не видел ни девушки, ни юноши, и дверь всю ночь была заперта, а я спал у двери, и ключ был у меня под головой, и я своей рукой открыл ему утром».

Услышав такие слова о своем сыне Камар аз-Замане, царь Шахраман вскричал: «Увы, мой сын!» – и разгневался сильным гневом на везиря, который был виновником во всем, что случилось, и сказал ему: «Вставай, выясни, что с моим сыном, и посмотри, что случилось с его разумом».

И везирь встал и вышел, спотыкаясь о полы платья, от страха перед гневом царя, и пошел с евнухом в башню (а солнце уже поднялось), и вошел к Камар аз-Заману и увидел, что тот сидит на ложе и читает Коран.

Он приветствовал его, и сел с ним рядом, и сказал ему: «О господин, этот скверный евнух рассказал нам о деле, которое нас огорчило и встревожило, и царь разгневался из-за этого». – «А что же он вам про меня рассказал, что расстроило моего отца? – спросил Камар аз-Заман. – По правде, он расстроил лишь меня одного». – «Он пришел к нам в непохвальном состоянии, – отвечал везирь, – и сказал твоему отцу некие слова, – да будешь ты далек от них! – и этот раб солгал нам такое, чего не подобает говорить о тебе. Да сохранит Аллах твою юность, и да сохранит он твой превосходный ум и красноречивый язык, и пусть не проявится от тебя дурное!» – «О везирь, а что же сказал про меня этот скверный раб?» – спросил Камар аз-Заман, и везирь отвечал: «Он рассказал нам, что твой разум пропал и что ты будто

бы сказал ему, что подле тебя была прошлой ночью девушка и ты заставлял его рассказать, куда она ушла, и мучил его, чтобы он это сделал».

И, услышав эти слова, Камар аз-Заман разгневался сильным гневом и сказал везиру: «Мне стало ясно, что вы научили евнуха тем поступкам, которые он совершил, и не позволили ему рассказать мне о девушке, что спала подле меня сегодня ночью. Но ты, о везирь, умнее евнуха, – расскажи же мне тотчас, куда пропала та девушка, которая спала этой ночью у меня в объятиях. Ведь это вы ее послали ко мне и велели ей спать в моих объятиях, и я проспал с нею до утра, а проснувшись, я не нашел ее. Где же она теперь?» – «О господин мой, Камар аз-Заман, имя Аллаха да будет вокруг тебя! – воскликнул везирь. – Клянусь Аллахом, мы никого к тебе не посылали сегодня ночью, и ты спал один, и дверь была заперта, а евнух спал за дверью. К тебе не приходила ни девушка, ни кто-нибудь другой. Укрепи же свой ум и возвратись к разуму, о господин, и не занимай этим твоего сердца».

И Камар аз-Заман, который рассердился на везиря, воскликнул: «О везирь, эта девушка – моя возлюбленная, и она красавица с черными глазами и румяными щеками, которую я обнимал всю сегодняшнюю ночь!» И везирь удивился словам Камар аз-Замана и спросил: «Ты видел сегодня эту девушку глазом наяву или во сне?» – «О скверный старец, – воскликнул Камар аз-Заман, – а ты думаешь, я видел ее ухом? Я видел ее своими глазами, наяву, и поворачивал

ее рукою и провел с нею без сна половину всей ночи, смотря на ее красоту, прелесть, изящество и нежность.

Но только вы научили ее и наставили, чтобы она не говорила со мной, и она притворилась спящей. И я проспал рядом с ней до утра, а когда проснулся, не нашел ее».

«О господин мой, Камар аз-Заман, – сказал везирь, – может быть, это дело было во сне, и окажется, что это спутанные грезы или призраки, привидевшиеся оттого, что ты поел разных кушаний, или наущения проклятых дьяволов». – «О скверный старец! – воскликнул Камар аз-Заман. – Так ты тоже насмехаешься надо мной и говоришь мне: «Это, может быть, спутанные грезы», когда евнух уже признался и сказал мне: «Сейчас я вернусь и расскажу тебе всю историю этой девушки».

И Камар аз-Заман в тот же час и минуту встал и, подойдя к везирию, захватил его бороду рукою (а борода у него была длинная), и схватил ее и навернул на руку и, потянув везирия за бороду, свалил его с ложа и уронил на землю. И везирь почувствовал, что дух из него выходит, так сильно ему рвали бороду. А Камар аз-Заман не переставал пихать его ногами и бить кулаками в грудь и в ребра, и колотить по затылку, и едва не погубил его.

И тогда везирь сказал про себя: «Если раб-евнух освобожден от этого одержимого с помощью лжи, то я более достоин сделать это, чем он. Я тоже освобожусь от мальчика ложью: иначе он меня погубит. Вот я солгу ему и освободо-

жусь: он бесноватый, нет сомнения в его бесноватости!» И он обратился к Камар аз-Заману и сказал ему: «О господин, не взыщи с меня: твой отец велел мне скрывать от тебя историю этой девушки. Но сейчас я обессилел и утомился, и мне больно от побоев, так как я старый человек и нет у меня терпения и силы выносить удары. Дай мне срок, и я поведаю и расскажу тебе историю девушки».

Услышав это от везира, Камар аз-Заман перестал бить его и спросил: «А почему ты расскажешь мне историю этой девушки только после унижения и побоев? Вставай, о скверный старец, и расскажи мне ее историю». – «Ты спрашиваешь о той девушке, обладательнице красивого лица и изящного стана?» – спросил его везирь. И Камар аз-Заман ответил: «Да! Расскажи мне про нее, о везирь, кто привел ее ко мне и положил ее со мною рядом, и кто взял ее от меня ночью, и куда она ушла сейчас. Расскажи, чтобы я сам к ней отправился».

И если мой отец, царь Шахраман, совершил со мною такие поступки и испытал меня красотой этой девушки, чтобы я на ней женился, я согласен жениться на ней и избавить от этого свою душу. Он ведь сделал со мною все это только потому, что я отказывался жениться. Но вот я согласен жениться и еще раз согласен жениться. Уведомь же об этом моего отца, о везирь, и посоветуй ему женить меня на этой девушке – я не хочу никого другого, и мое сердце любит только ее. Вставай и поспеши к моему отцу и посоветуй ему ускорить мою

женитьбу, а потом сейчас же возвращайся ко мне с ответом».

И везирь сказал ему: «Хорошо!» – и не верил он, что вырвался из его рук, а потом он поднялся и вышел из башни, спотыкаясь на ходу от сильного страха и испуга, и бежал до тех пор, пока не вошел к царю Шахраману. А когда он пришел к нему, царь спросил его: «О везирь, что тебя постигло и кто поразил тебя злом, и почему, я вижу, ты смущен и прибежал испуганный?» – «О царь, – отвечал везирь, – я пришел к тебе с новостью». – «Какою же?» – спросил царь, и везирь сказал: «Знай, что у твоего сына Камар аз-Замана пропал разум и его постигло безумие».

И когда царь услышал слова везиря, свет стал мраком перед его лицом, и он воскликнул: «О везирь, разъясни мне, каково его безумие!» – «О господин, слушаю и повинуюсь!» – сказал везирь, и затем он осведомил царя о том, что Камар аз-Заман совершил то-то и то-то, и рассказал ему, что у него с ним случилось.

«Радуйся, о везирь! За твою новость о том, что мой сын обезумел, я отсеку тебе голову и прекращу к тебе милости, о сквернейший из везирей и грязнейший из эмиров! Я знаю, что ты виноват в безумии моего сына, так как дал мне совет и указал способ, скверный и несчастный в начале и в конце. Клянусь Аллахом, если с моим сыном произойдет какая-нибудь беда или он станет безумным, я обязательно приколочу тебя гвоздями к куполу дворца и дам тебе вкусить превратности!»

Потом царь поднялся на ноги и пришел с везирем в башню. Он вошел к Камар аз-Заману, и когда они оба пришли к нему, Камар аз-Заман вскочил на ноги и поспешно спустился с ложа, на котором сидел, и поцеловал отцу руки, и потом он отошел назад и склонил голову к земле, заложив руки за спину, и остановился перед своим отцом и простоял так некоторое время, а затем он поднял голову к отцу, и слезы побежали из его глаз и потекли по его щекам, и он произнес:

Коль свершил я прежде оплошность с вами когда-нибудь
Или сделал с вами я что-нибудь непохвальное,

То раскаялся я в грехе моем, и прощение
Ведь объемлет злого, когда приходит с повинной он.

И тогда царь встал и обнял своего сына Камар аз-Замана и, поцеловав его меж глаз, посадил его рядом с собою на ложе и обернулся к везирию и, взглянув на него глазом гнева, воскликнул: «О собака среди везирей, как ты говоришь на моего сына Камар аз-Замана то-то и то-то и возбуждаешь против него мое сердце?» И царь обратился к своему сыну и спросил его: «О дитя мое, как называется сегодняшний день?» – «О батюшка, сегодня день субботы, а завтра воскресенье, а затем понедельник, а затем вторник, а затем среда, а затем четверг, а затем пятница», – отвечал Камар аз-Заман. И царь воскликнул: «О дитя мое, о Камар аз-Заман, слава Аллаху, что твой ум невредим! А как называется по-арабски тот ме-

сяц, что теперь у нас?» – «Он называется Зу-ль-Када, а за ним следует Зу-ль-Хиджже, а после него – Мухаррам, а после Сафар, а после – месяц Раби первый, а после – месяц Раби второй, а после – Джумада первая, а после – Джумада вторая, а после – Раджаб, а после – Шабан, а после – Рамадан, а после него Шавваль», – отвечал Камар аз-Заман.

И царь обрадовался сильной радостью и плюнул в лицо везиру и сказал ему: «О дурной старец, как ты утверждаешь, что мой сын сошел с ума, а оказывается, что сошел с ума один лишь ты!» И тут везирь покачал головой и хотел говорить, но потом ему пришло в голову подождать немного, чтобы посмотреть, что будет. А царь затем сказал своему сыну: «О дитя мое, что это за слова ты говорил евнуху и везиру, когда сказал им: «Я сегодня ночью спал с красивой девушкой?» Что это за девушка, про которую ты говорил?»

И Камар аз-Заман засмеялся словам своего отца и сказал: «О батюшка, знай, что у меня не осталось сил переносить насмешки. Не прибавляйте же больше ничего, ни одного слова: моя душа стеснилась от того, что вы со мной делаете. И узнай, отец, и будь уверен, что я согласен жениться, но с условием, чтобы вы женили меня на той девушке, которая спала подле меня сегодня ночью. Я уверен, что это ты прислал ее ко мне и возбудил во мне страсть к ней, а потом послал за ней перед утром и взял ее от меня». – «Имя Аллаха да будет вокруг тебя, о дитя мое! Да охранит он твой разум от безумия! – воскликнул царь. – Что это за девушку, ты гово-

ришь, я прислал к тебе сегодня ночью, а потом послал взять ее от тебя перед утром? Клянусь Аллахом, дитя мое, я не ведаю об этом деле! Заклинаю тебя Аллахом, Расскажи мне: спутанные ли это грезы или привиделось после кушаний? Ты провел сегодня ночь с умом, занятым мыслью о женитьбе, и смущенный речами о ней, – прокляни Аллах женитьбу и час ее создания, и прокляни он того, кто ее посоветовал! Наверное, и нет сомнения, что твое настроение было смущено из-за брака, и ты увидел во сне, что тебя обнимает красивая девушка, а теперь уверен в душе, что видел ее наяву. Все это, о дитя мое, спутанные грезы!»

«Брось эти речи и поклянись мне Аллахом, творцом всеведущим, сокрушающим притеснителей и погубившим Хосроев, что ты не знаешь девушки и ее местопребывания», – сказал Камар аз-Заман. И царь воскликнул: «Клянусь великим Аллахом, богом Мусы и Ибрахима, я этого не знаю, и нет у меня об этом сведений, и все это спутанные грезы, которые ты видел во сне!» – «Я приведу тебе сравнение, которое ясно покажет тебе, что это было наяву, – сказал Камар аз-Заман своему отцу. – Я спрашиваю тебя: случилось ли кому-нибудь видеть во сне, что он сражается и ведет жестокий бой, а потом пробудиться от сна и найти у себя в руке меч, вымазанный кровью?» – «Нет, клянусь Аллахом, о дитя мое, этого не случилось», – отвечал царь.

И тогда Камар аз-Заман сказал своему отцу: «Я расскажу тебе, что произошло со мною. Сегодня ночью мне привиде-

лось, будто я пробудился от сна в полночь и нашел девушку, которая спала подле меня, и стан ее был как мой стан, и вид ее был как мой вид, и я обнял ее и повернул своей рукой, и взял ее перстень и надел его себе на палец, а свой перстень я снял и надел ей на палец. И я заснул подле нее и воздержался от нее, стыдясь тебя и боясь, что это ты послал ее, чтобы испытать меня, и я подумал, что ты где-нибудь спрятался, чтобы посмотреть, что я с ней делаю. И поэтому я постыдился поцеловать ее в рот, от стыда перед тобою, и мне казалось, что ты соблазняешь меня жениться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.